

Б.Б. ДАШИБАЛОВ

Археологические
памятники
КУРЫКАН
и ХОРИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
С И Б И Р С К О Е О Т Д Е Л Е Н И Е
БУРЯТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Б. Б. Дашибалов

Археологические памятники курыкан и хори

**(к Всемирному археологическому конгрессу
Улан-Удэ, 1996)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л. Р. Кызласов

УЛАН-УДЭ 1995

ББК 63.4 (2Р5)

Д 217

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук **М. А. Дэвлет**
кандидат исторических наук **П. Б. Коновалов**
кандидат исторических наук **С. В. Данилов**

Утверждено к печати

Бурятским институтом общественных наук СО РАН

Дашибалов Б. Б.

Д 217 Археологические памятники курыкан и хори.— Улан-Удэ:
БНЦ СО РАН, 1995.— 191 с.

ISBN 5—7623—0877—4

Монография посвящена изучению средневековых древностей Байкальской Сибири. На основании анализа многочисленных источников воссоздается история племенных союзов курыкан и хори. Эта история показана на широком фоне политических взаимоотношений средневековых государственных образований Центральной Азии и Южной Сибири.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, историков.

Д $\frac{0504000000-283}{042(02)-95}$ 95

ББК 63.4 (2Р5)

ISBN 5—7623—0877—4

© Б. Б. Дашибалов, 1995
© БНЦ СО РАН, 1995

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время благодаря усилиям многих научных коллективов получает развитие исследование средневековой истории Сибири. Значительно изучены области Южной Сибири, стал во многом эталонным и определяющим датировку и этническую характеристику средневековых памятников соседних регионов материал из археологических комплексов Тувы, Алтая, Хакасии. На этом фоне особенно заметна слабая изученность средневекового периода Байкальской Сибири.

Одной из основных проблем для средневековья является этногенез. Эпоха средневековья была важным и решающим периодом в сложении многих современных сибирских народностей. Исторические процессы, протекавшие во второй половине I тыс. н. э. и первой половине II тыс. н. э., определили облик материальной и духовной культуры народов Восточной Сибири. Взаимоотношения языковых контактов и культурных традиций средневековья существенно повлияли на этническую карту современности. Это время представлено на территории Байкальской Сибири археологическими памятниками курумчинской культуры. Курумчинская культура вполне правомерно связывается с племенным объединением "гулигань" — китайских летописей или "курыкан" — тюркских надписей. По мнению большинства ученых (А. П. Окладников, С. Е. Малов, С. А. Токарев), курыканы были тюркоязычным народом. Кроме того, у нас имеются веские основания сопоставлять поздние археологические памятники этой культуры, памятники монгольского времени — с народом, известным по сочинениям арабских историков как фури или кури. Г. Н. Румянцев считал, что это наименование монголоязычного племени хори, которое в последующем составило основу будущих хори-бурят. Каким образом происходил процесс смены тюркского языка на монгольский? Какое влияние тюркоязычные курыканы оказали на формирование хори-бурят и в целом на сложение культуры всего бурятского народа? Решение всех этих частных вопросов, а если брать шире, решение проблем этногенеза бурятской и якутской народностей во многом упирается в неразработанность истории и культуры курыкан и хори (населения курумчинской культуры).

Со времени первых находок Б. Э. Петри культуры "курумчинских кузнецов" прошло более восьмидесяти лет. В течение всего этого времени интерес ученых к памятникам этой культуры не ослабевает. В ходе археологических раскопок добываются новые материалы, которые расширяют наши представления о различных сторонах жизни курыканского общества. Вместе с тем надо отметить, что целенаправленного изучения курумчинской культуры не проводилось, и ее исследование еще не получило должного освещения в археологической науке. Остаются неопределенными и расплывчатыми критерии выделения курумчинской культуры, не выявлен комплекс признаков материального быта и погребального обряда, не разработана хронология и периодизация этапов ее развития. Все это не создает целостного представления о культуре, которая сыграла особую роль в истории формирования народов Восточной Сибири и которой необходимо посвятить специальное исследование.

Нерешенность этих проблем рождает трудности использования археологического материала и дальнейшей его интерпретации как исторического источника. В работе привлекались и данные средневековых летописей. Общее количество письменных источников невелико, к тому же сведения летописцев скудны и ограничены. Тем не менее мы, используя их, пытались наметить пути решения вопросов истории средневекового населения курумчинской культуры.

Во введении хотелось бы определиться и в картине историко-географического районирования исследуемой территории. В этом вопросе существуют некоторые разночтения между исследователями, имеет место терминологическая неупорядоченность. В частности, это связано с употреблением термина Прибайкалье, термин этот сравнительно старый, но не устоявшийся географически. В современных исследованиях нет достаточно полного единства в его употреблении. Исходя из предлога "при" — около, вокруг, это должна быть область, окружающая Байкал. В трудах А. П. Окладникова, а также в других археологических и историко-культурных работах, под Прибайкальем чаще всего подразумевается территория западнее озера Байкал. В таком случае остается неясной территориальная принадлежность восточного побережья озера Байкал (Баргузинская долина, низовья реки Селенги, Тункинская долина) — либо эти районы входят в Прибайкалье или относятся уже к Забайкалью. Например, Е. А. Хамзиной (1970) археологические памятники этих районов связываются территориально с Западным Забайкальем. Введение термина Предбайкалье не решает этого вопроса.

Мы не касаемся в данном случае всех проблем физико-географического районирования этой территории, ведь любая система районирования выполняет определенные задачи и зависит от целей исследования. Нам думается, что для археолого-этнографических работ наиболее приемлемо районирование, выполненное Н. А. Гвоздецким и Н. И. Михайловым. Ими выделяется естественно-географическая область Прибайкалье. Прибайкальская область включает горные хребты, окаймляющие озеро Байкал и соседние с озером межгорные котловины (Гвоздецкий, Михайлов, 1987. С. 295). Данная область отделяется с востока от Забайкальской области, а с запада от обширной физико-географической страны — Средней Сибири (рис. 1). Следовательно, территорию западнее Прибайкалья, в частности долины рек Ангары и Лены, можно определить как юг Средней Сибири. Этот термин употребляется в археологических работах (Лынша, 1980; Савельев, 1989).

Рис. 1. Прибайкальская область (по Н. А. Гвоздецкому и Н. И. Михайлову)

При необходимости выделения Прибайкалья и юга Средней Сибири в одну единую историко-культурную область возможно употребление термина Прибайкалье в широком географическом понимании, то есть в прямом семантическом значении этого слова. Но так как этот термин понимается неоднозначно, причем устоялось неверное понимание, что Прибайкалье это территория западнее озера Байкал, я думаю, что весьма перспективным является использование термина Байкальская Сибирь.

Впервые этот термин употребил профессор Дерптского (Тарту) университета К. Ф. Ледебур. В 1842—1853 гг. им был подготовлен и издан колоссальный труд "Флора России", где он выделил Среднюю Сибирь, а в ней Арктическую и Байкальскую Сибирь, а также Даурию. В последующем термин Байкальская Сибирь чаще всего использовался учеными биолого-естественного направления (Попов, 1955; Пешкова, 1972; Плешанов, 1991).

Думается, что термин Байкальская Сибирь отвечает требованиям историко-культурного районирования (о чем ниже) и вполне функционален в работах археолого-этнографического направления, а в целом и в гуманитарных исследованиях. В конечном счете любой географический термин является условным понятием и принятие того или иного термина обуславливается и обговаривается специалистами.

Как особая историко-культурная область, Байкальская Сибирь выделяется уже в скифское время, но отчетливо это проявляется в эпоху раннего железного века. Это хорошо иллюстрируется анализом распространения археологических памятников. Широко известные, но еще плохо изученные курганы-херексуры не встречаются на территории Байкальской Сибири. Их северная граница проходит по реке Джиде в Юго-Западной Бурятии. Если в Забайкалье и Монголии исследовано более 500 плиточных могил, то в Байкальской Сибири количество известных плиточных могил едва ли превысит 100. На этой территории не известны погребения и поселения культуры хунну, хотя вещи хуннского облика встречаются. В средневековые земли вокруг озера Байкал и долин рек Ангары и Лены занимало население курумчинской культуры.

Байкальская Сибирь — область преимущественно горно-таежных ландшафтов. Степи занимают небольшие площади лишь на дне межгорных котловин — Тункинской, Торской, в среднем течении реки Джиды, на острове Ольхон. Все степи "островного типа". В Баргузинской долине они образуют самый северный степной "остров" гор Южной Сибири. С юга к Байкальской Сибири подходят сухие забай-

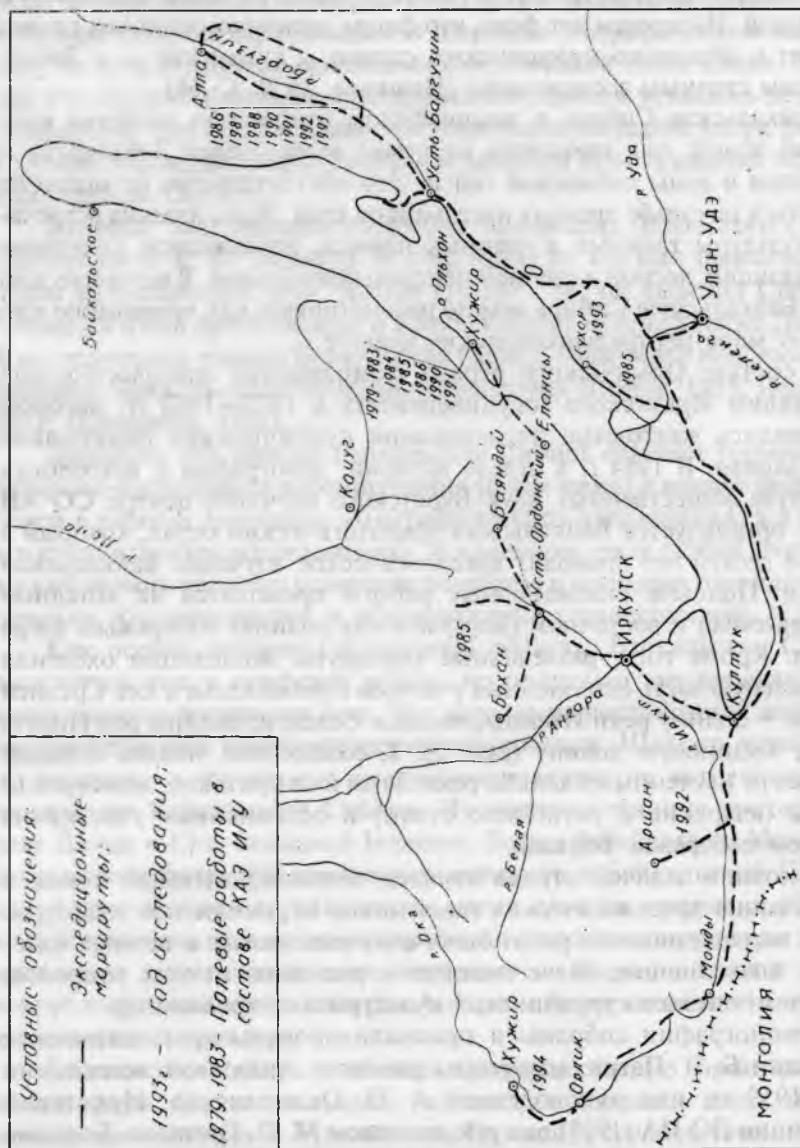
кальские степи (мало отличающиеся от степей Северной Монголии). В Приангарье выделяется два степных острова: унгинско-осинский и кудинский. Интересен тот факт, что флора унгинско-осинских степей тяготеет к абаканско-минусинским степям, а кудинских — к Забайкальским степным ассоциациям (Пешкова, 1959. С. 66).

Байкальская Сибирь в ландшафтном отношении является контактной зоной: она находится на стыке зоны степей Забайкалья и Монголии и зоны сибирской тайги. Это обстоятельство не могло не отразиться на судьбе древних насельников края. Здесь издавна встречались культуры таежных и степных племен, происходило сочетание двух традиций: лесной и степной центральноазиатской. В историческом плане Байкальскую Сибирь можно рассматривать как провинцию или окраину мира центральноазиатских культур.

В составе Ольхонского отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета в 1979—1983 гг. автором проводились ежегодные исследования курумчинских памятников Приольхонья. В 1984 г. в отделе истории, этнографии и археологии Института общественных наук Бурятского научного центра СО АН СССР организуется Байкальский археологический отряд, который в течение десяти лет проводит археологическое изучение Байкальской Сибири. Полевые стационарные работы проводятся на западном (Приольхонье) и восточном (Баргузинская долина) побережьях озера Байкал. Кроме того, разведочные маршруты экспедиции охватили значительную часть остепненных участков Прибайкалья и юга Средней Сибири — долину реки Итанцы, низовья Селенги, долины рек Иркуты и Оки, Кудинскую долину (рис. 2). К сожалению, нашим отрядом остались не изученными долина реки Лены и ее притоков, левобережье Ангары (аларские и унгинские степи) и остепненные участки на северном побережье Байкала.

Основной задачей отряда являлся целенаправленный поиск и исследование археологических памятников курумчинской культуры. В ходе экспедиционных работ были получены новые и ценные материалы, позволившие иначе подойти к решению многих вопросов, истории и генезиса курумчинской культуры и ее хронологии.

В монографии собраны и проанализированы археологические коллекции Б. Э. Петри, материалы раскопок Ангарской экспедиции 1951—1959 гг. под руководством А. П. Окладникова, Иркутской экспедиции ЛО ИА (1959) под руководством М. П. Грязнова. Большая часть использованных материалов не была опубликована и впервые предлагается в этой работе в том объеме, насколько позволяют их использовать архивы и фонды музеев.

Помощь в работе с музейными коллекциями оказали М. П. Завитухина (Эрмитаж), Л. В. Мельникова (Иркутский краеведческий музей), Т. А. Попова (Музей антропологии и этнографии) и Г. В. Сеницына (Фонды Института истории материальной культуры, Санкт-Петербург).

Антропологические обмеры черепов из курумчинских погребений произведены А. И. Бураевым (БИОН БНЦ СО РАН), археометалловедческий анализ — В. И. Завьяловым (Институт археологии РАН). Спектральный анализ бус был проделан В. А. Галибиным в лаборатории естественных методов Института истории материальной культуры. Кости животных были определены А. В. Степановым на кафедре нормальной анатомии Бурятского сельскохозяйственного института. Радиоуглеродные анализы получены в лаборатории ГИН РАН Л. Д. Сулержицким, а также в лаборатории радиоуглеродного датирования Института геологии и геофизики СО РАН.

Рисунки и чертежи выполнены В. Я. Галяутдиновым (рис. 1—4, 10—12, 15, 17—25, 29—45) и А. А. Мохосоевым (рис. 5—9, 13, 14, 16, 26, 27, 28).

В полевых работах участвовали студенты исторического факультета Бурятского государственного пединститута, студенты и школьники города Улан-Удэ.

Я глубоко признателен всем за помощь, оказанную в работе.

Глава I. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУРУМЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

История изучения средневековых археологических памятников Байкальской Сибири тесно связана с общей историей исследования Сибири. В XVII в. с началом освоения сибирских земель происходит и знакомство с древними памятниками края. Для более полного изучения новых земель, вошедших в состав России, Российская Академия организует крупные экспедиции, которыми было собрано значительное количество материала о быте и нравах коренных обитателей края, проведены первые раскопки древних могил. В дальнейшем становится ясным, что академическими экспедициями, отправленными из центра, не решить всех вопросов изучения такой обширной и отдаленной области. Ставится задача проведения планомерных исследований на местах.

В 1851 г. в Иркутске открылось Сибирское отделение Русского географического общества (СОРГО), с появлением которого в Прибайкалье были созданы условия для археологических и этнографических изысканий. СОРГО стало органом, который руководил научной работой, выполнял задачи планомерного и стационарного исследования.

Впервые памятники курумчинской культуры (как это станет известно позднее) изучались правителем дел Восточно-Сибирского (с 1877 г.) отдела РГО (ВСОРГО) Н. Н. Агапитовым. В 1881 г. им было выявлено 9 городищ в Иркутском округе и одно — в Балаганском. Пять городищ в Балаганском округе описал и зарисовал М. Н. Хангалов (Агапитов, 1881). В этой же поездке Н. Н. Агапитов исследовал 15 могил, сложенных в виде многогранной пирамиды. В двух случаях под пирамидами были обнаружены захоронения. В остальных могилах, кроме незначительного количества угля, жженных костей барана и черепков горшков, ничего не оказалось. Все это позволило Н. Н. Агапитову предположить, что, наряду с обрядом трупоположения, в некоторых случаях погребенных сжигали (Агапитов, 1881. С. 19). К отчету были приложены фотографии могил в виде пирамид, чертежи городищ и рисунки отдельных находок из погребений. В том же

1881 г. Н. Н. Агапитов выступает с материалами на V археологическом съезде в Тифлисе (Агапитов, 1887).

В конце XIX в. во ВСОРГО начинается деятельность М. П. Овчинникова. Основной целью своих раскопок ученый считал подкрепление теории, выдвинутой Г. Ф. Миллером, о том, что якуты когда-то в древности жили гораздо южнее своей настоящей родины и, вернее всего, на территории Прибайкалья (Овчинников, 1916). М. П. Овчинников собрал значительную коллекцию подъемного материала. В Иркутском областном музее (кол. 7773) хранятся бронзовые подвески с полыми шаровидными окончаниями и бронзовые двойные массивные подвески, украшенные спиральным узором (рис. 3). Такие же "шумящие" подвески в дальнейшем были обнаружены в курумчинских погребениях (Дашибалов, 1988а). М. П. Овчинникову не удалось отыскать археологические остатки пребывания якутов в Прибайкалье, и дальнейшее решение этой проблемы связано с археологическими изысканиями Б. Э. Петри.

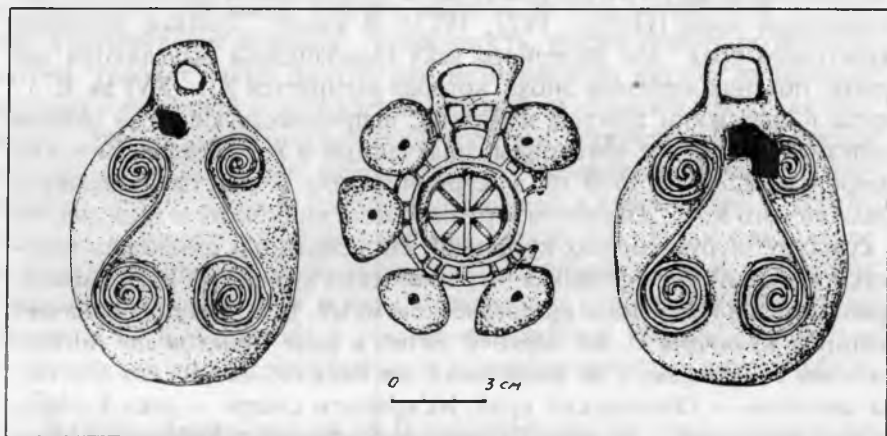

Рис. 3. Находки М. П. Овчинникова

В 1912 г. Б. Э. Петри, будучи младшим этнографом Музея антропологии и этнографии, был командирован в Иркутскую губернию Российским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Его задачей являлось исследование родового строя бурят, их материального быта; также предполагалось проведение им археологических сборов и разведок.

Во время своей первой поездки в Предбайкалье Б. Э. Петри в местности Уту-Елга улуса Шохтой Курумчинского ведомства обнару-

жил стоянку железного века, им было собран материал этой стоянки и раскопана землянка (Петри, Михайлов, 1913. С. 108). В своих последующих поездках в Предбайкалье Б. Э. Петри возвращался к раскопкам этих стоянок (1916). В 1916 г. им исследованы пещеры в Ольхонском крае, находки из которых были схожи с предметами со стоянок в Курумчинском ведомстве. Также Б. Э. Петри раскопал "оригинальные могильные сооружения, которые состоят из плоских каменных натуральных плит, поставленных стоймя с легким наклоном, и сложенных так, что они образуют ряд невысоких (50—70 см) пирамид или конусов" (1916. С. 143). Одно сооружение он разобрал и внутри нашел целый горшочек с плоским дном и рассеченным орнаментом вокруг венчика. Эти сооружения были аналогичны "могилам", исследованным в 1881 г. Н. Н. Агапитовым.

В 1918 г. открывается Иркутский университет, с которым связана дальнейшая научная деятельность Б. Э. Петри. В 1922—1923 гг. профессор Б. Э. Петри выпускает две небольшие по объему работы, в которых анализируются все известные к тому времени археологические памятники края (Петри, 1922; 1923). В книге "Далекое прошлое Бурятского края" для железного века Прибайкалья выделяются две эпохи: поздняя железная эпоха, которая датируется XII—XVI вв. н. э., когда в крае жили тунгусы и буряты, и предшествующая ей ранняя железная эпоха. Все материалы, полученные в ходе археологических сборов 1912, 1913, 1916 гг. в Курумчинском ведомстве и пещерах Ольхонского края, относятся к ранней железной эпохе и выделяются в культуру "курумчинских кузнецов". На основании сравнения керамики, найденной на стоянках "курумчинских кузнецов", с керамикой, хранящейся в Иркутском краеведческом музее, Б. Э. Петри обозначает границы культуры: "...на верхней Лене, в ряде пунктов по Ангаре, начиная от верховья и до Балаганска; на Байкале на всех его берегах; на западном — Ольхонский край, на крайнем севере — река Кичера, на юго-восточном — низовья Селенги, окрестности п. Кабанска и далее в нескольких местах Верхнеудинского уезда, в Тунке" (1922. С. 25).

Анализируя орнамент керамики "курумчинских кузнецов", Б. Э. Петри приходит к выводу о схожести его с якутской гончарной орнаментацией. Жилье типа балагана, несколько закопанное в землю; стрелы, раздвоенные на верхнем конце в виде развилки; коса-горбуша; пряслица с орхонским письмом, найденные на стоянке "курумчинских кузнецов", — все эти вещи, по его мнению, сближают культуру "курумчинских кузнецов" с якутской (1923. С. 15—18). На основании этого ученый делает осторожное заключение: "...неизвестный народ "курумчинские кузнецы" не кто иной, как предки якутов" (1928. С. 63).

Исследования Б. Э. Петри вызвали ряд откликов в печати того времени. П. П. Хороших (1923) положительно оценил значение его археологических изысканий и отметил, что автор на археологическом материале подтвердил положение ранее выдвинутой Г. Ф. Миллером теории о южном происхождении якутов, дополненной и развитой В. И. Огородниковым, М. П. Овчинниковым и В. Л. Серошевским. Работа "Далекое прошлое Бурятского края" также была воспринята положительно. Анонимный рецензент так отозвался в своей заметке: "Брошюра производит прекрасное впечатление как внешним своим видом, так и богатством внутреннего содержания, основанного на непосредственных научных исследованиях автора" (К. А., 1923).

Но не все ученые согласились с положениями, выдвинутыми Б. Э. Петри. Е. Д. Стрелов в своей статье "К вопросу о доисторическом прошлом якутов" (По поводу брошюры проф. Б. Э. Петри "Доисторические кузнецы в Прибайкалье") полагал, что одну только керамику нельзя считать показательным элементом культуры; нужны памятники, отражающие верования, обычаи, обряды, то есть погребения. О том, что "курумчинские кузнецы" — народность, чуждая якутам, по мнению автора, говорят такие факты, как незнакомство якутов до прихода русских с подковой и нахождение таковой на стоянках; якутская горбуша — точная копия русской косы-горбуши, "курумчинская" же резко отличается от последней; якуты в старину совершенно не знали курительных трубок, а между тем таковые найдены в курумчинах; у "курумчинских кузнецов" найдены пряслица, между тем якутам прядильное искусство незнакомо. Довольно подробный анализ находок со стоянок "курумчинских кузнецов" и его сопоставление с выводами Б. Э. Петри привели Е. Д. Стрелова к противоположному выводу: "...доисторические кузнецы" Прибайкалья не являются предками якутов" (1926. С. 25).

В 1928 г. вышла статья В. И. Подгорбунского "Заметки по изучению гончарства у якутов", где он, с одной стороны, соглашается с выводами Е. Д. Стрелова и считает, что керамику "курумчинских кузнецов" нельзя сравнивать с керамикой якутов. С другой стороны, В. И. Подгорбунский подчеркивает, что еще в 1917 г. им было замечено, что якутские горшки схожи с горшками, находимыми на стоянках и могильниках железного века Иркутской губернии и Забайкалья. Он пишет: "В культуре якутов сохранились элементы культуры древнежелезного века, носителем коей может быть комплекс тюркских племен, обитавших когда-то в пределах Прибайкальского района" (1928. С. 138).

Один из учеников Б. Э. Петри, входивший в кружок "Народоведения", известный якутский исследователь Г. В. Ксенофонов писал: "Нельзя не отметить слишком преувеличенное представление Иохельсона о ценности и значении раскопок проф. Петри в деле установления прибайкальского этапа якутской истории. Иохельсон заблуждается и относительно опубликованных Петри пряслешков из каменного угля с орхонскими письменами, полагая, что они принадлежат к составу раскопочного материала самого Петри. На деле эти пряслешки представляют из себя случайный подъемный материал, добытый посторонними лицами. Заслуга проф. Петри заключается в отыскании этих находок и опубликовании их. И этого вполне достаточно для признания огромного значения археологических работ Петри в деле прояснения древней истории якутского народа, ибо на отысканных им пряслешках расшифровываются слова якутской речи" (1937. С. 67).

Начиная с 20-х гг. археологические сборы и разведки по поиску памятников железного века проводятся П. П. Хороших. В местности "Абазаев утук" в Ольхонском крае он исследовал 8 могил с надмогильными конструкциями типа пирамид. При раскопках этих сооружений были найдены угли, керамика и один целый горшочек, опрокинутый вверх дном: "...на дне горшочка оказались мелкие обожженные кости, в числе которых возможно было усмотреть обожженную косточку фаланги пальца" (1924. С. 22). Эти находки позволили П. П. Хороших согласиться с выводами Н. Н. Агапитова о том, что на кладбищах с надмогильными сооружениями в виде пирамид наблюдается два способа погребения — простое без гроба и трупосожжение. Также во время поездки им было обнаружено еще 7 подобных кладбищ, расположенных в Ольхонском крае (в том числе и памятник у озера Нурэ, исследованный позднее А. М. Мандельштамом). Были выявлены каменные стены и укрепления, осмотрено 15 укреплений, сооруженных на мысах Малого моря. П. П. Хороших (1924) предположил, что часть из них является временными убежищами, а некоторые служили сигнальными вышками. После знакомства с городищами, расположенными по рекам Куде и Муруну, он решил, что Кудинские и Муринские городища для обороны непригодны. П. П. Хороших отметил тот факт, что каменные стены, остатки построек и "выкладки" известны и в других местностях Сибири.

Дальнейшее изучение памятников курумчинской культуры связано с деятельностью А. П. Окладникова. Большое внимание уделялось им исследованию наскальных рисунков. Из всей группы средневековых петроглифов он выявил рисунки, которые оставлены курыканами.

А. П. Окладников правомерно связывает курыканские рисунки с обширной серией тюркских изображений, датируемых в рамках второй половины I тыс. н. э. и распространившихся на широкой территории, занятой тюрками от Енисея до Дона (1959. С. 149).

Значительные по объему работы проводились под руководством А. П. Окладникова по исследованию средневековых городищ и поселений. Аларским отрядом (начальник отряда Э. Р. Рыгдылон) Бурят-Монгольской экспедиции в 1950 г. по рекам Ангаре и Унге было осмотрено и выявлено большое число городищ (Рыгдылон, 1955). Ангарская экспедиция исследовала городище Улан-Бор (руководитель раскопок Н. Н. Забелина), Е. Ф. Седякина раскопала Унгинское поселение (Окладников, 1957; Окладников, Забелина, 1958; Окладников, Седякина, 1958; Седякина, Окладников, 1959; Окладников, Забелина, 1959). В эти же годы большие раскопки проводились А. П. Окладниковым на Ангарских островах (Окладников, 1951; 1952; 1953; 1954). Верхние слои поселений на островах Сосновый и Лесной по наличию курумчинской керамики связывались с курыканами. К сожалению, большая часть материалов Ангарской экспедиции осталась неопубликованной.

Новые источники добавились в результате работ Байкальской экспедиции М. П. Грязнова в 1959 г. (Древности Байкала, 1992). Были исследованы шатровые сооружения в районе Малого Моря озера Байкал. А. М. Мандельштам опубликовал результаты исследований шатрового могильника у озера Нурэ (остров Ольхон). Всего он раскопал 121 шатровое сооружение. Шатры были датированы VIII—IX вв. н. э., их интерпретация связывалась с обрядом трупосожжения (Мандельштам, 1974. С. 154). В. С. Сорокиным была исследована 21 шатровая конструкция на памятнике Куркут-I* и одна на памятнике Шиде, а археологический отряд, возглавляемый С. С. Черниковым, раскопал 8 шатров на острове Ольхон (залив Елгай) (Грязнов, 1959).

В 1970 г. Е. А. Хамзиной опубликована книга "Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники)". Эта работа до сегодняшнего дня представляет единственное монографическое описание средневековых памятников, исследованных в Бурятии. Е. А. Хамзиной в течение 15 лет, сначала в составе Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова, а затем самостоятельно было раскопано большое количество средневековых могил на территории Бурятии. Среди них для нашей темы особо инте-

* Исследованный В. С. Сорокиным памятник был обозначен как Куркут-III, но при паспортизации археологических объектов Ольхонского района Комплексной экспедицией ИГУ он получил наименование Куркут-I (Свинин и др., 1986).

ресны погребально-поминальный комплекс Тапхар, а также открытые и раскопанные исследовательницей в Баргузинской долине Баянгольский и Телятниковский могильники. По керамике из этих памятников, сопоставимой с курумчинской керамикой западного побережья озера Байкал, Е. А. Хамзиной была отмечена их возможная близость (1970. С. 123). Этот вывод подтвердился нашими полевыми раскопками в Баргузинской долине (Дашибалов, 1989). Антропологические материалы могильников были изучены Н. Н. Мамоновой (1961).

Начиная с 60-х гг. активизируется археологическая деятельность Иркутского областного музея и Иркутского государственного университета. Памятниками железного века продолжает заниматься П. П. Хороших (1957; 1959; 1960; 1962а). В это же время проводятся археологические разведки и раскопки В. В. Свирина. Занимаясь проблемами формирования и развития древних культур и историей освоения природных ресурсов озера Байкал, он выявил новые пункты находок курумчинской керамики, в частности, на побережье Северного Байкала (1966). В 1969 г. на острове Ольхон им был открыт могильник с погребениями, обозначенными на поверхности каменными кладками; в одном из погребений был обнаружен курыканский сосуд с арочным орнаментом (1971). В дальнейшем В. В. Свирин организует и возглавляет группу по исследованию археологических памятников средневековья в составе Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета. Было изучено значительное количество шатровых сооружений. Результаты исследований публикуются в тезисах конференций, проводимых Иркутским университетом.

Одновременно с исследованиями иркутских археологов в Байкальской Сибири работает археологическая экспедиция Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР под общим руководством А. П. Окладникова. Археологический отряд, возглавляемый И. В. Асеевым, проводит раскопки средневековых памятников, в том числе и курумчинской культуры. Итогом многолетних полевых и камеральных исследований явилось издание монографии "Прибайкалье в средние века (по археологическим данным)" (1980). Особое внимание было уделено шатровым "могилам". Несомненной заслугой автора являются находки плиток с курыканскими рисунками на городище Манхай. В книге, к сожалению, не полностью опубликованы материалы поселений и городищ, исследованных Ангарской экспедицией. Культурное единство поселений с курумчинскими шатровыми "могилами" убедительно доказывается типологической близостью форм и орнаментации керамики из этих памятников. В работе

впервые на конкретном материале была предложена культурно-хронологическая шкала развития средневековых древностей, но недостаточная источниковедческая база не позволила исследователю конкретизировать этапы развития курумчинской культуры.

В это же время выходит ряд работ, в которых рассматриваются взаимоотношения курыкан с енисейскими кыргызами (Савинов, 1982) и вопросы происхождения курумчинской культуры в связи с проблемами этногенеза якутской народности (Зыков, 1973; Константинов, 1975).

В 1989 г. М. А. Зайцевым была защищена кандидатская диссертация "Ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры в Приольхонье (оз. Байкал)". В ней предложено определение понятия "шатровые могилы", а отсутствие каких-либо признаков обряда трупосожжения в шатрах и открытие В. В. Свининым курумчинских погребений с трупоположением позволили по-новому взглянуть и на назначение шатровых комплексов. В диссертации аргументированно доказывается проблематичность интерпретации шатровых сооружений как могил по обряду кремации, определена хронология большинства шатровых памятников (Хужир-III, Улярба-IV, Куркут-I), которые правомерно датируются IX-X вв. н. э. М. А. Зайцевым намечены пути разделения курумчинских памятников на ритуальные и погребально-ритуальные комплексы. К сожалению, автор в постановке темы ограничил исследование рассмотрением только погребальных и ритуальных памятников курумчинской культуры Приольхонья, и это не позволило в полной мере использовать все имеющиеся источники по курумчинской культуре Байкальской Сибири.

Таким образом, за последние годы появилось три значительных исследования (Хамзина, 1970; Асеев, 1980; Зайцев, 1989), связанных с изучением курумчинской культуры. Не со всеми положениями, выдвинутыми Е. А. Хамзиной, И. В. Асеевым, М. А. Зайцевым, можно согласиться, но само издание источников и их научный анализ стимулируют исследовательский поиск ответов на вопросы, затронутые в работах. Новые материалы, собранные нами, позволяют предложить к обсуждению и иные решения дискуссионных моментов, которые будут рассмотрены в последующем изложении.

Первый период в истории исследования памятников курумчинской культуры можно определить концом XIX в. и серединой нынешнего столетия. Он характеризуется тем, что в большинстве случаев раскопки велись единичными исследователями. Они (полевые работы), собственно, не были археологическими раскопками, а являлись археологическими сборами, которые производились от случая к случаю.

Материалы, полученные в ходе этих исследований, в большинстве своем остались неопубликованными, неизвестны также чертежи и записи полевых наблюдений, то есть вся документальная основа для дальнейшего изучения в основном осталась неизвестной. Но все эти недостатки связаны с причинами становления археологической науки в Прибайкалье, главное же заключается в том, что работы Н. Н. Агапитова, Б. Э. Петри, П. П. Хороших и многих других авторов заложили основы для будущего изучения археологических памятников средневековья.

Началом второго периода в историографии курумчинской культуры можно назвать начало 50-х гг., который продолжается и в наши дни. Основанием для такого хронологического выделения служит общий подъем археологических работ в Сибири, связанный с началом работ по изучению памятников железного века Прибайкалья археологическими экспедициями под руководством А. П. Окладникова и организацией Сибирского отделения Академии наук СССР. В это же время продолжает свои раскопки экспедиция Иркутского областного музея под руководством В. В. Свинина, которая в дальнейшем, уже в рамках Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета, специально занимается выявлением, фиксацией и всесторонним исследованием памятников, связанных с этногенезом бурят. С 1984 г. начинает свои работы по изучению памятников курумчинской культуры и более поздних, вплоть до бурятских XVIII—XIX вв., Байкальский отряд Бурятского института общественных наук СО АН СССР.

Основы для появления второго этапа были заложены деятельностью академика А. П. Окладникова. В работах А. П. Окладникова археологические памятники получили историческое осмысление, были намечены основные этапы сложения бурятского и якутского народов, на формирование которых большое влияние оказали и средневековые племена, оставившие археологические памятники курумчинской культуры. Так как ко времени обобщающих работ А. П. Окладникова было исследовано незначительное количество археологических памятников курумчинской культуры и сам материал из археологических комплексов оставался слабо изученным, то основное внимание было уделено письменным источникам, выводы из которых проецировались на археологический материал. В центре внимания Алексея Павловича Окладникова была проблема этногенеза сибирских народов, нужна была история "неисторических" "бескультурных" народов, и эта слож-

ная и трудоемкая задача была выполнена. Общая картина древней истории Сибири коллективом исследователей под руководством А. П. Окладникова была написана.

В работах А. П. Окладникова были обобщены все сведения о гулиганах-курыканах, получили историческое осмысление археологические памятники курумчинской культуры.

Второй период характеризуется началом специального исследования отдельных типов памятников курумчинской культуры. Так, петроглифы анализируются А. П. Окладниковым; А. М. Манделъштам, И. В. Асеев и М. А. Зайцев направляют свои усилия на исследование шатровых памятников. Активную работу по изучению городищ Байкальской Сибири проводит А. В. Харинский (1994). Особенностью второго периода является увеличение круга исследователей, проводивших раскопки курумчинских памятников, значительное пополнение источниковедческой базы, формирование дискуссионных проблем.

Глава II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КУРУМЧИН И ХОРИ

Пожалуй, ни одна из археологических культур Восточной Сибири не может сравниться с курумчинской культурой по разнообразию своих археологических памятников. Здесь представлены практически все типы памятников: поселения, городища, временные стойбища, могилы и поминальные сооружения, петроглифы. Весь этот археологический набор размещен неравномерно как в горизонтальной плоскости (на археологической карте), так и в вертикальном срезе (во времени).

1. Поселения, городища и временные стойбища

Изучение археологических памятников курумчинской культуры начнем с поселений (рис. 4). Несмотря на то, что культура "курумчинских кузнецов" была выделена Б. Э. Петри на материалах раскопок поселений, прошедшие 80 лет мало что добавили нового, и на сегодняшний день темы, связанные с поселенческими комплексами, являются наименее разработанными. Это объясняется несколькими причинами: недостаточной изученностью поселений из-за несистематических исследований; весьма незначительной вскрытой площадью раскопанных памятников; перемешанностью на поселениях средневекового (курумчинского) слоя с более ранними слоями; недостаточной археологической изученностью Байкальской Сибири, а вследствие этого невозможностью отделить материалы одной эпохи от другой; неудовлетворительной публикацией данных исследованных поселений.

Поселения

1. Шохтой. Поселение расположено в долине реки Мурин, на второй речной террасе, на пашнях бывшего Курумчинского ведомства (Эхирит-Булагатский район Усть-Ордынского Бурятского национального округа). Поселение было открыто и исследовалось Б. Э. Петри в 1912 г. во время его первой поездки в Прибайкалье. В поездках 1913 и 1916 гг. им были продолжены раскопки на кудинских поселениях и позже опубликованы краткие результаты исследований и рисунки пяти предметов (Петри, 1923; 1928). Археологическая коллекция, собранная

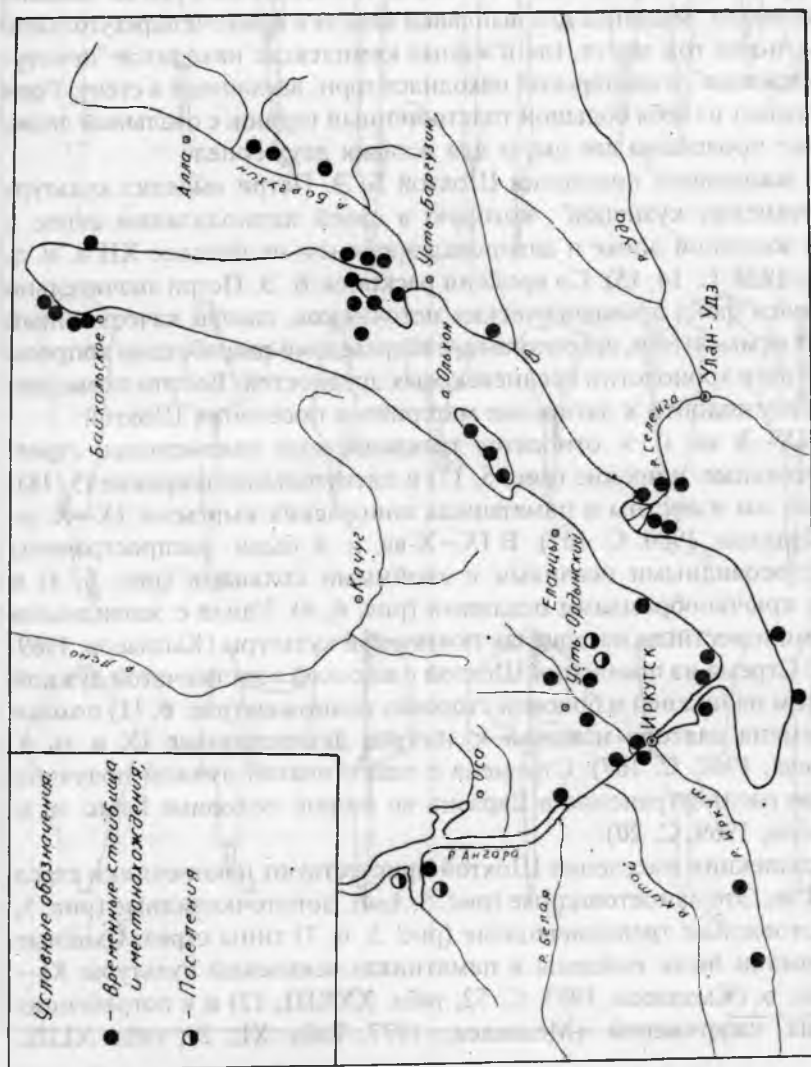

Рис. 4. Карта распространения поселений и временных стоянок куруминской культуры

с этих раскопок, хранится в фондах МАЭ (кол. 2037, 2117, 2623) и ИГОМ (кол. 728) (Дашибалов, 1994 а).

На поселении были изучены остатки жилища полуземляночного типа и производственная землянка для выплавки железа, там же найдена древняя шахта. Землянка для выплавки железа в плане четырехугольной формы, но на том месте, где в жилых комплексах находится "приступочка-лежанка", в мастерской находился горн, вделанный в стену. Горн представляет из себя большой толстостенный горшок с овальным дном, в горшке проделаны две дыры для вставки двух сопел.

На материалах поселения Шохтой Б. Э. Петри выделил культуру "курумчинских кузнецов", которую в своей периодизации отнес к ранней железной эпохе и датировал временем не позднее XII в. н. э. (Петри, 1923. С. 14, 15). Со времени раскопок Б. Э. Петри значительно увеличился фонд археологических источников, сделан качественный шаг в их осмыслении, археологами-сибироведами разработаны вопросы типологии и хронологии средневековых древностей. Все это позволяет по-новому подойти к датировке материалов поселения Шохтой.

К IX—X вв. н. э. относятся трехлопастные наконечники стрел: шестиугольные широкие (рис. 5, 17) и пятиугольные широкие (5, 18), аналогии им известны в памятниках енисейских кыргызов IX—X вв. н. э. (Худяков, 1980. С. 107). В IX—X вв. н. э. были распространены удила с эсовидными псалиями и двойными кольцами (рис. 6, 3) и удила с крючкообразными псалиями (рис. 6, 4). Удила с эсовидными псалиями известны в материалах тухтятской культуры (Кызласов, 1969. С. 103). Стремя из поселения Шохтой с высокой пластинчатой дужкой и валиком на нижней и боковой сторонах подножки (рис. 6, 11) похоже на стремяна салтово-маяцкой культуры, датированные IX в. н. э. (Плетнева, 1967. С. 167). Стремяна с пластинчатой дужкой получили широкое распространение в Евразии во второй половине I тыс. н. э. (Кызласов, 1969. С. 20).

В коллекции поселения Шохтой присутствуют наконечники стрел XI—XII вв. Это ланцетовидные (рис. 5, 1, 4), лопаточковидные (рис. 5, 5), долотовидные трапезиевидные (рис. 5, 6, 7) типы стрел. Сходные наконечники были найдены в памятниках аскизской культуры XI—XII вв. н. э. (Кызласов, 1983. С. 52; табл. XXXIII, 12) и в погребениях амурских чжурчженей (Медведев, 1977. Табл. XL, 29; табл. XLIII, 1—9).

К XIII—XIV вв. н. э. относятся стремяна подтреугольной формы с подножкой, выгнутой вниз (рис. 6, 10); чаще всего подобные стремяна известны в памятниках XIII—XIV вв. (Кызласов, 1983. Табл. XXXVI, 6).

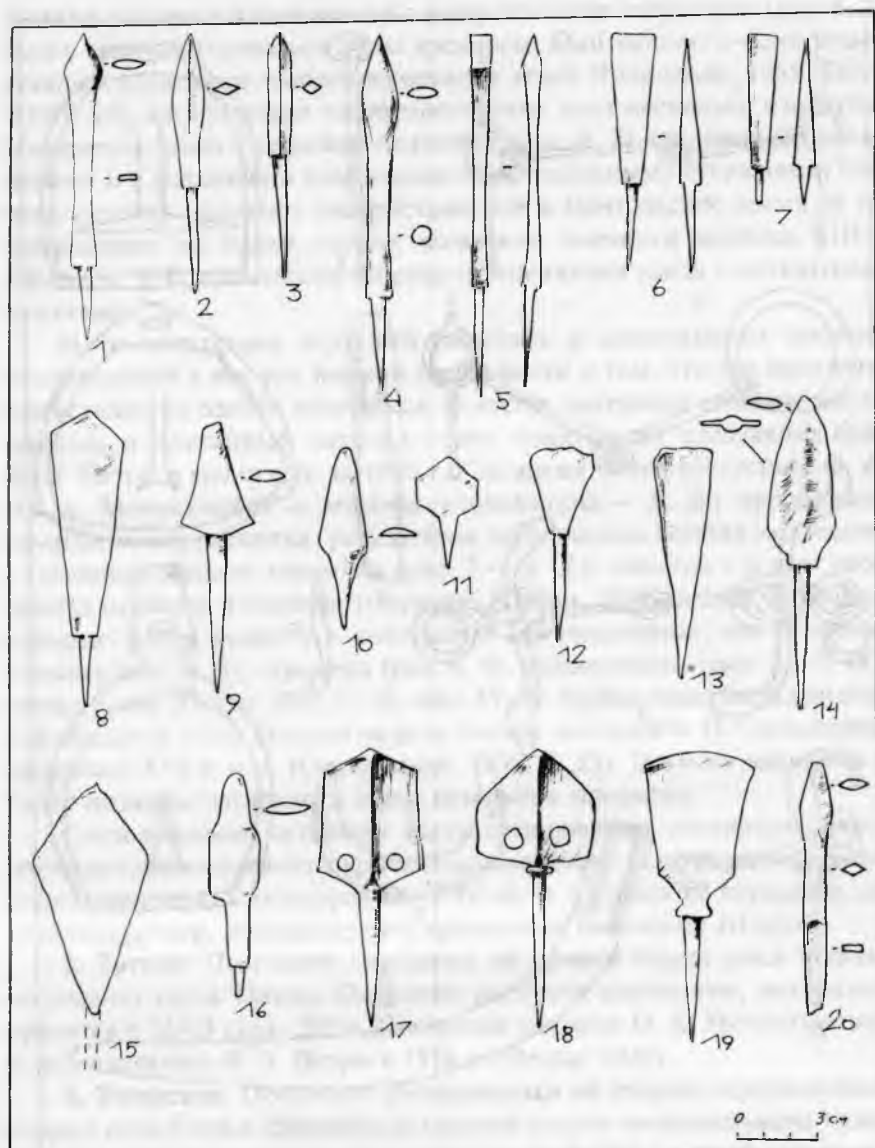

Рис. 5. Наконечники стрел поселения Шохтой (раскопки Б. Э. Петри)

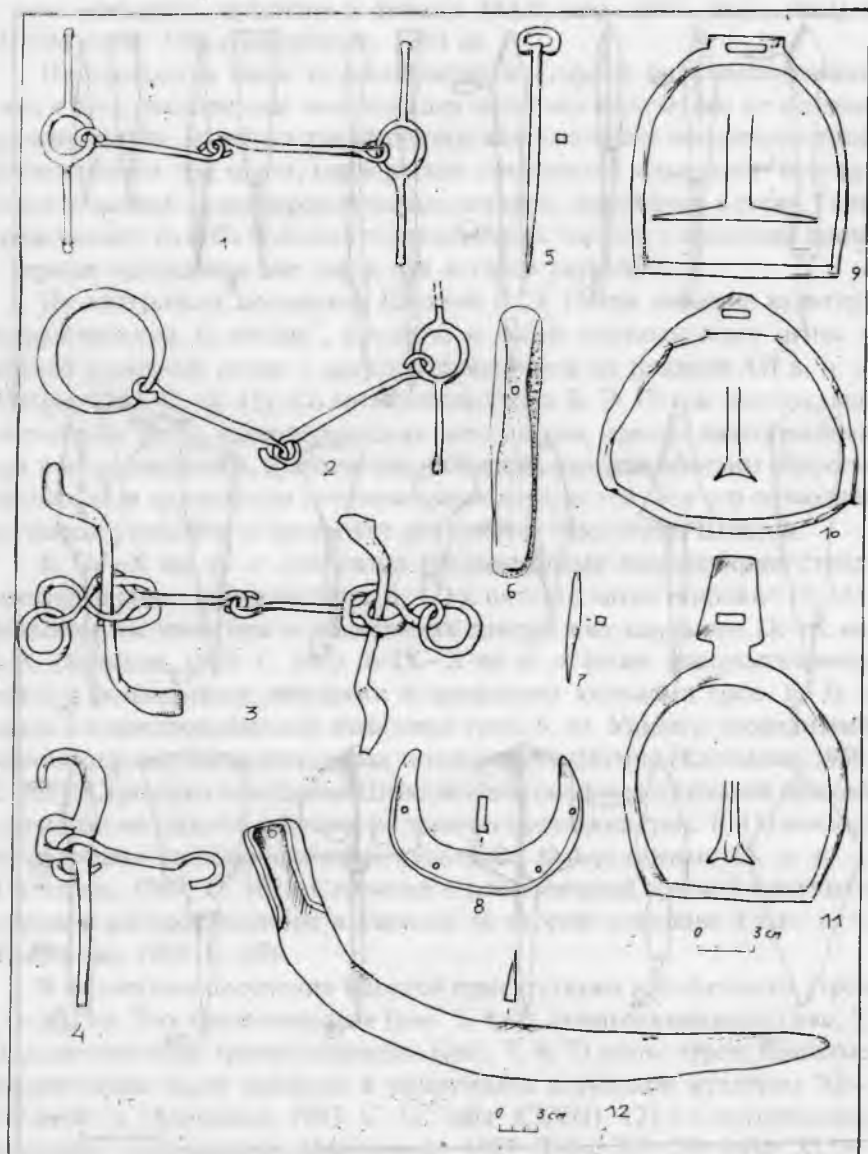

Рис 6 Орудия труда и предметы конского снаряжения поселения Шохтой (раскопки Б. Э. Петри)

Удила с псалиями в виде кольца с вертикальными стержнями (рис. 6, 1) также могут датироваться этим временем. Они типологически сопоставимы с удилами часоверненгорского этапа (Гаврилова, 1965. Табл. XXXI, 94), хотя стержни часоверненгорских удил несколько изогнуты. Интересны удила с разными псалиями (рис. 6, 2): с широкими кольчатыми и с псалиями в виде кольца с вертикальными стержнями. Оба типа псалиев получают распространение в монгольское время, и их совмещение на одних удилах возможно именно в пределах XIII—XIV вв. н. э. В дальнейшем широко применяются удила с кольчатыми псалиями.

Из-за отсутствия чертежей раскопок и дневниковых записей исследований у нас нет полной уверенности в том, что все предметы происходят из одного комплекса. В состав материала стоянки могли попасть и случайные находки — это понятно из следующих слов Б. Э. Петри в его отчете за 1916 г.: "За время моего отсутствия О. А. (О. А. Монастырева — местная учительница. — Б. Д.) продолжала начатые мною раскопки, результатом чего явилась богатая коллекция — главным образом керамика (рис. 7. — Б. Д.), которую я в этот свой приезд разобрал и систематизировал" (Петри, 1916. С. 140). К вещам, которые могли попасть в коллекцию как подъемные, мы относим: подкову (рис. 6, 8), стремяна (рис. 6, 9), наконечники (рис. 5, 15, 19), трубку-ганзу (Петри, 1922. С. 38; табл. IV, 9). Трубка-ганза была найдена в могильнике Усть-Талькин на реке Ангаре, который А. П. Окладников датировал XVI в. н. э. (Окладников, 1958. С. 25). Этим же временем и более поздним датируются и все остальные предметы.

Следовательно, основная часть датирующего материала (наконечники стрел и предметы конского снаряжения) была распространена в археологических культурах IX—XIV вв. н. э., этим же периодом, по всей видимости, определяется и хронология поселения Шохтой.

2. Тотхон. Поселение находится на правом берегу реки Мурин, на пашнях улуса Тотхон. Описание раскопок неизвестно, материалы хранятся в МАЭ (кол. 2623). Поселение открыто О. А. Монастыревой и исследовалось Б. Э. Петри в 1916 г. (Петри, 1916).

3. Унгинское. Поселение располагается на второй надпойменной террасе реки Унги и примыкает к южному склону возвышенности Улан-Бор, на которой находится городище (рис. 8). В 1957 г. при обследовании восточной части террасы, в карьере у дороги, А. П. Окладниковым были обнаружены остатки ям с курумчинской керамикой. К северу от этого карьера, по самому краю, почти по склону террасы замечены расположенные в один ряд вытянутые по линии С — Ю небольшие и

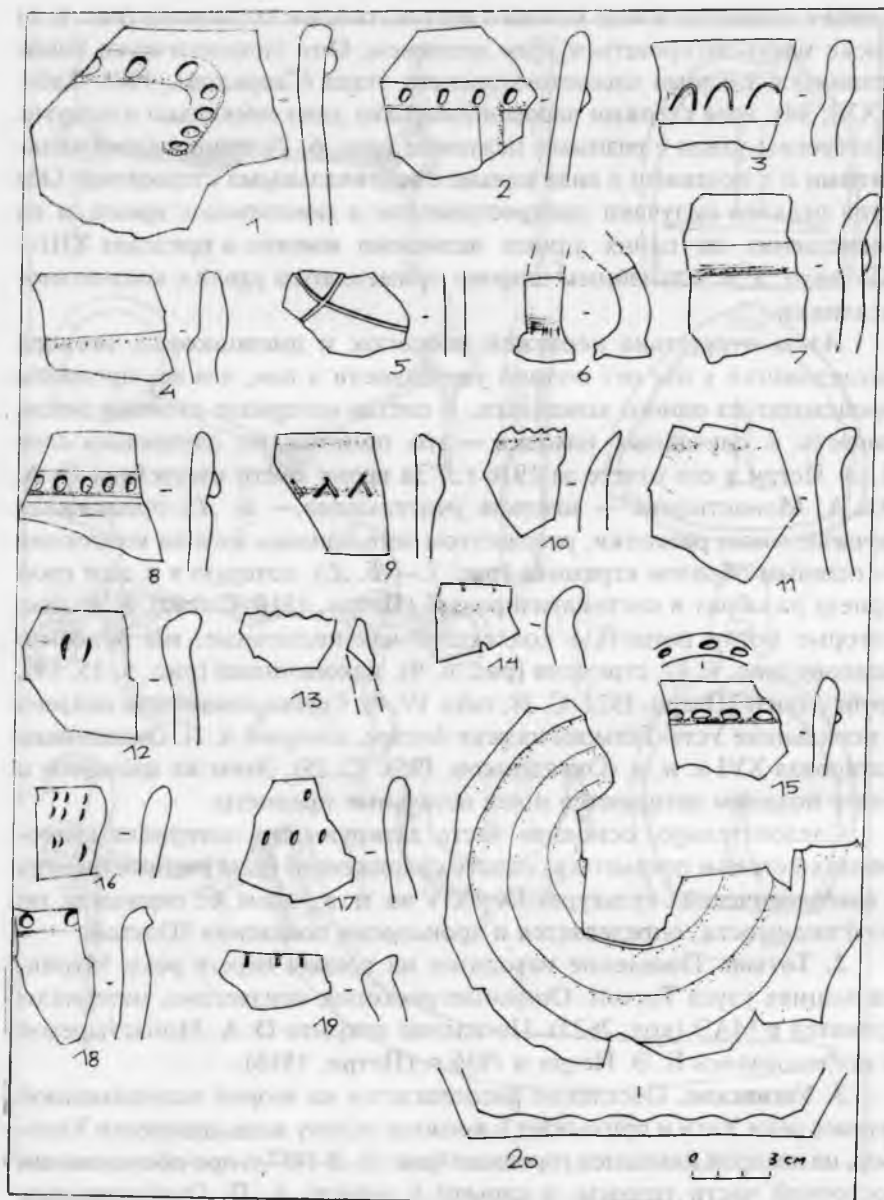

Рис. 7. Керамика поселения Шохтой (раскопки Б. Э. Петри)

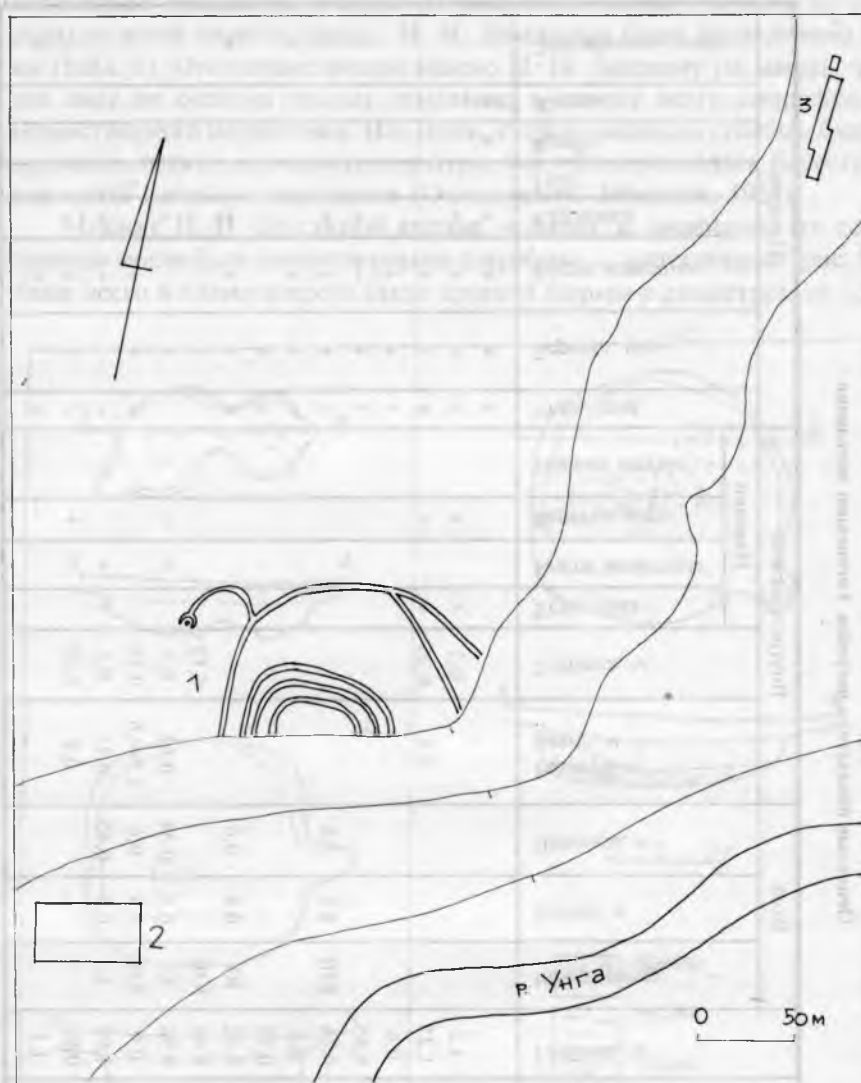

Рис. 8. Схема расположения памятников Унгинского археологического комплекса (составлена Б. Б. Дашибаловым по чертежам Н. Н. Забелиной и Е. Ф. Седякиной):
1— городище Улан-Бор; 2— Унгинское поселение; 3— хозяйственные ямы

Таблица 1

Таблица 1

неглубокие западины, которые можно было увидеть только по несколько иной окраске травы. Н. Н. Забелиной было исследовано 15 ям (табл. 1). Отсутствие очагов навело Н. Н. Забелину на мысль, что эти ямы не остатки жилых землянок, а скорее всего сооружения хозяйственного назначения. Над ними, судя по остаткам столбов, были, вероятно, легкие перекрытия; внутри яма облицовывалась берестой, прижатой ивовыми прутиками (Окладников, Забелина, 1957).

Мнение Н. Н. Забелиной вполне резонно, и, очевидно, эти сооружения могли быть хозяйственными погребями — хранилищами (рис. 9). Чаще всего в плане погребя были круглой формы с диаметром от 1,56

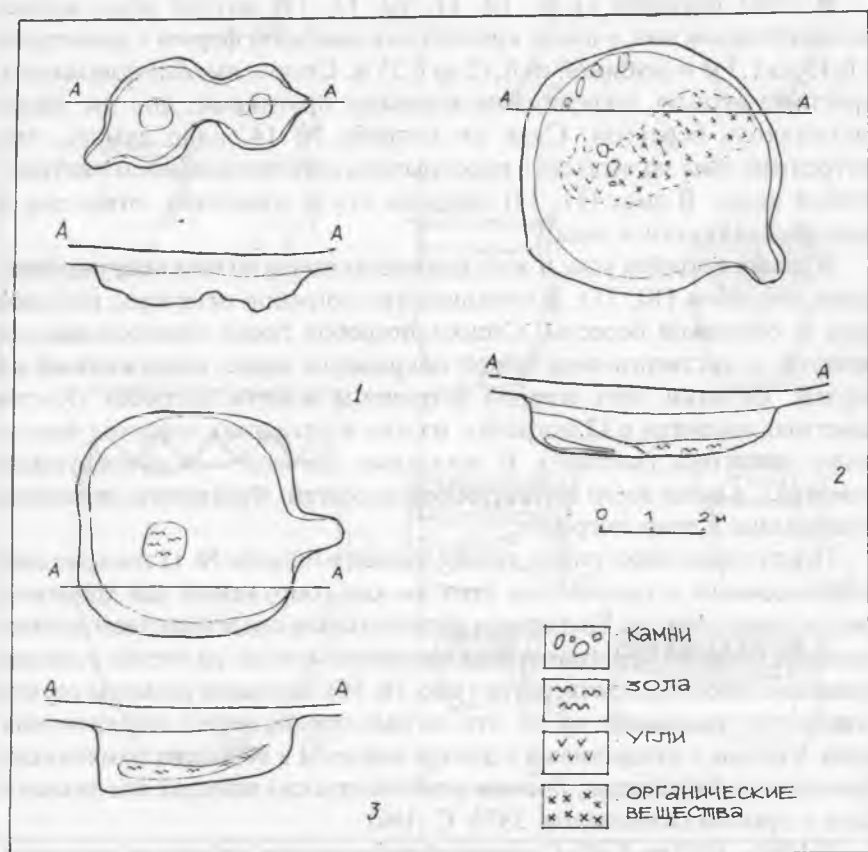

Рис. 9. Планы и разрезы хозяйственных ям (1— № 10, 11; 2— № 12; 3— № 13) Унгинского поселения (по Н. Н. Забелиной)

до 3,4 м и глубиной от 0,6 до 1,2 м. Три погребов имели овальную форму, размеры их близки к погребам первого варианта. Наряду с одиночными погребками имеются сдвоенные ямы (10, 11), у которых два разных входа, расположенных с противоположных сторон (рис. 9, 1). В шести погребках имелся вход, который полого опускался сверху вниз. Длина входа от 0,6 до 0,9 м, ширина от 0,45 до 0,6 м. Чаще вход сооружался на южной, юго-восточной стороне (4 погребов), реже — с северной стороны (2 погребов). Возможно, что на входе в погреб имелась дверь, которая крепилась к деревянному столбу (с западной стороны входа в погреб № 9 зафиксированы остатки столба).

В семи погребках (2, 3, 10, 11, 12, 13, 14) внутри сооружалась дополнительная яма, в плане круглой или овальной формы с диаметром от 0,45 до 1,3 м и глубиной от 0,12 до 0,35 м. Стенки ям облицовывались берестой, которая закреплялась ивовыми прутками, дно ям также выстилалось берестой. Судя по погребу № 14, надо думать, что внутренние ямы закрывались перекрытием с использованием лиственничной коры. В ямах (11, 13) найдены кости животных, отмечены в ямах (2, 3, 13) угли и зола.

В самих погребках угли и зола встречены почти во всех сооружениях, кроме погребов (10, 11). В большинстве погребов отмечены находки коры и обрывков бересты. Стенки погребов также облицовывались берестой, а лиственничной корой покрывался навес, сооруженный из жердей. Остатки этих жердей встречены в пяти погребках. Кости животных имеются в 12 погребках, из них в пяти ямах найдены черепа диких животных (козлов?). В остальных случаях — кости крупных животных, а чаще всего мелкие осколки костей. Фрагменты керамики обнаружены в семи погребках.

Присутствие берестяного туеса с пищей в погребу № 12 подкрепляет предположение о назначении этих ям как сооружений для хранения продуктовых запасов. Еще одним убедительным свидетельством служит находка в погребу № 1 фрагментов глиняного сосуда, на стенке у дна проделано небольшое отверстие (рис. 10, 10). Большие размеры сосуда и отверстие указывают на то, что он был предназначен для хранения зерна. Сосуды с отверстиями у дна найдены в хуннских памятниках Монголии и Забайкалья, причем в забайкальских могилах эти емкости были с просом (Коновалов, 1976. С. 196).

В 1958–1959 гг. Е. Ф. Седякиной проводились работы на основной площади поселения, расположенной на некотором отдалении от раскопов с хозяйственными погребками. Здесь было вскрыто 1644 м² (Окладников, Седякина, 1958; Седякина, Окладников, 1959). По опи-

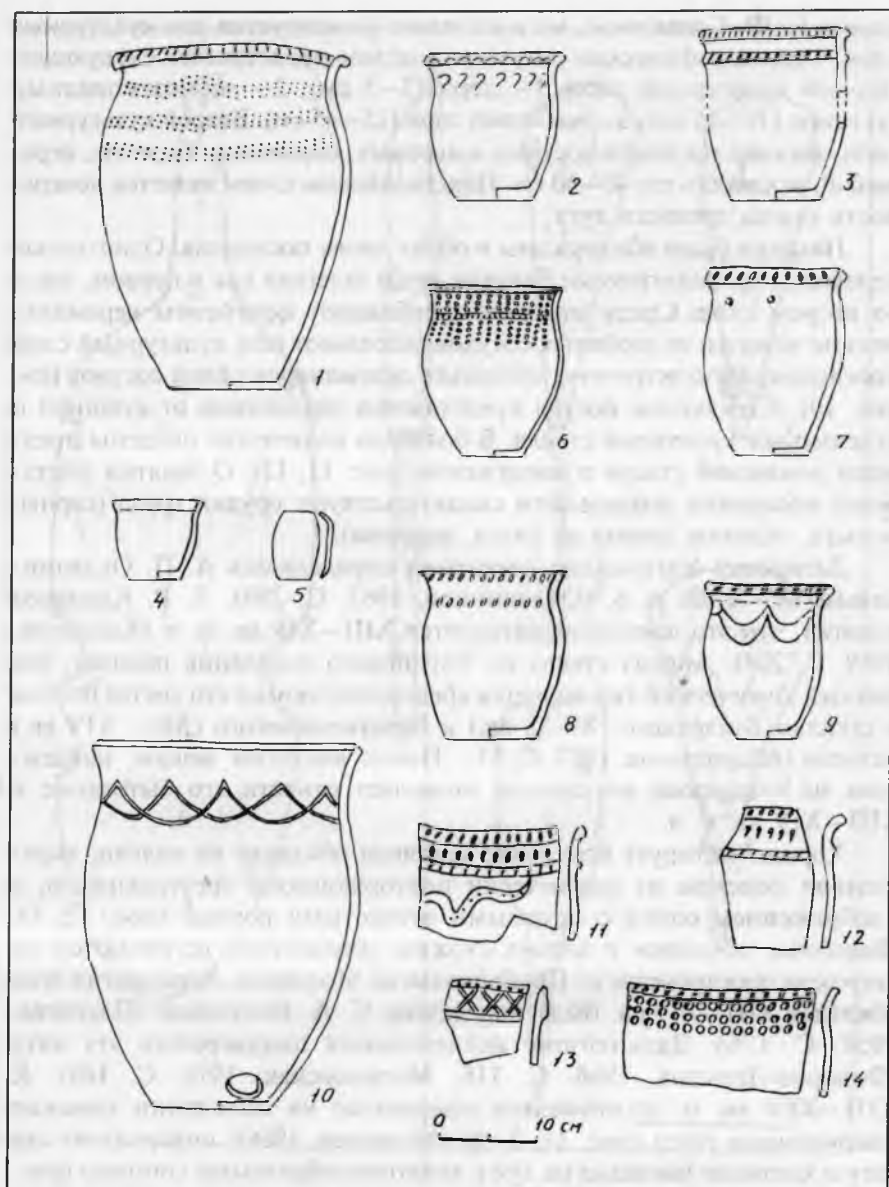

Рис. 10. Керамика Унгинского поселения (раскопки Н. Н. Забелиной и Е. Ф. Седякиной)

санию Е. Ф. Седякиной, на поселении фиксируется два культурных слоя. Стратиграфическая ситуация в целом представляет следующее. Первый культурный слой: 1 - дерн (3—5 см), 2— черноземовидный суглинок (10—15 см), 3— золистый слой (15—45 см). Второй культурный слой обильно насыщен костями животных, обрывками бересты, керамикой, мощность его 40—60 см. Подстилающим слоем является поверхность почвы древнего луга.

Находки были обнаружены в обоих слоях поселения. Однотипная керамика, хронологически близкие вещи залегали как в первом, так и во втором слое. Среди находок преобладают фрагменты керамики, мелкие черепки от разбитых сосудов заполняют весь культурный слой поселения, было встречено несколько экземпляров целых сосудов (см. рис. 10). Стеклянная посуда представлена горлышком от кувшина и отдельными кусочками стекла. В большом количестве найдены предметы домашней утвари и вооружения (рис. 11, 12). О занятии обитателей поселения земледелием свидетельствуют орудия труда (серпы, мотыга, обломок лемеха от плуга, жернова).

Датировка Унгинского поселения определялась А. П. Окладниковым IX—X вв. н. э. (Окладников, 1963. С. 280). Л. Р. Кызласов полагал, что это поселение датируется XIII—XIV вв. н. э. (Кызласов, 1969. С. 204). Анализ стекла из Унгинского поселения показал, что данный химический тип является среднеазиатским, и его состав близок к стеклам Бухарского (X—XI вв.) и Кеваткелинского (XII—XIV вв.) оазисов (Абдуразаков, 1987. С. 31). Поиск аналогий вещам, найденным на Унгинском поселении, позволяет отнести его бытование к XIII—XIV вв. н. э.

Хорошо датирует поселение костяная обкладка на колчан, украшенная пояском из ритмически повторяющихся треугольников, с изображением оленя с крупными ветвистыми рогами (рис. 12, 1). Подобные обкладки с весьма схожим орнаментом встречаются на широком пространстве от Прибайкалья до Молдавии. Хронология этих обкладок XIII—XIV вв. была определена С. А. Плетневой (Плетнева, 1958. С. 176). Дальнейшие исследования подтвердили эту дату (Федоров-Давыдов, 1966. С. 116; Малиновская, 1974. С. 160). К XIII—XIV вв. н. э. относятся найденные на поселении плоские наконечники стрел (рис. 11, 3—6) (Медведев, 1966); подкрепляет эту дату и костяная накладка на лук с лопаточкообразными концами (рис. 12, 4), хронология которой определяется монгольским временем (Савинов, 1981. Рис. 6, 4). О поздней дате поселения говорят и крупные костяные пряжки (рис. 12, 2, 3), которые сопоставимы с пряжками XIII—XIV вв. аскизской культуры (Кызласов, 1983. Рис. 26, 145).

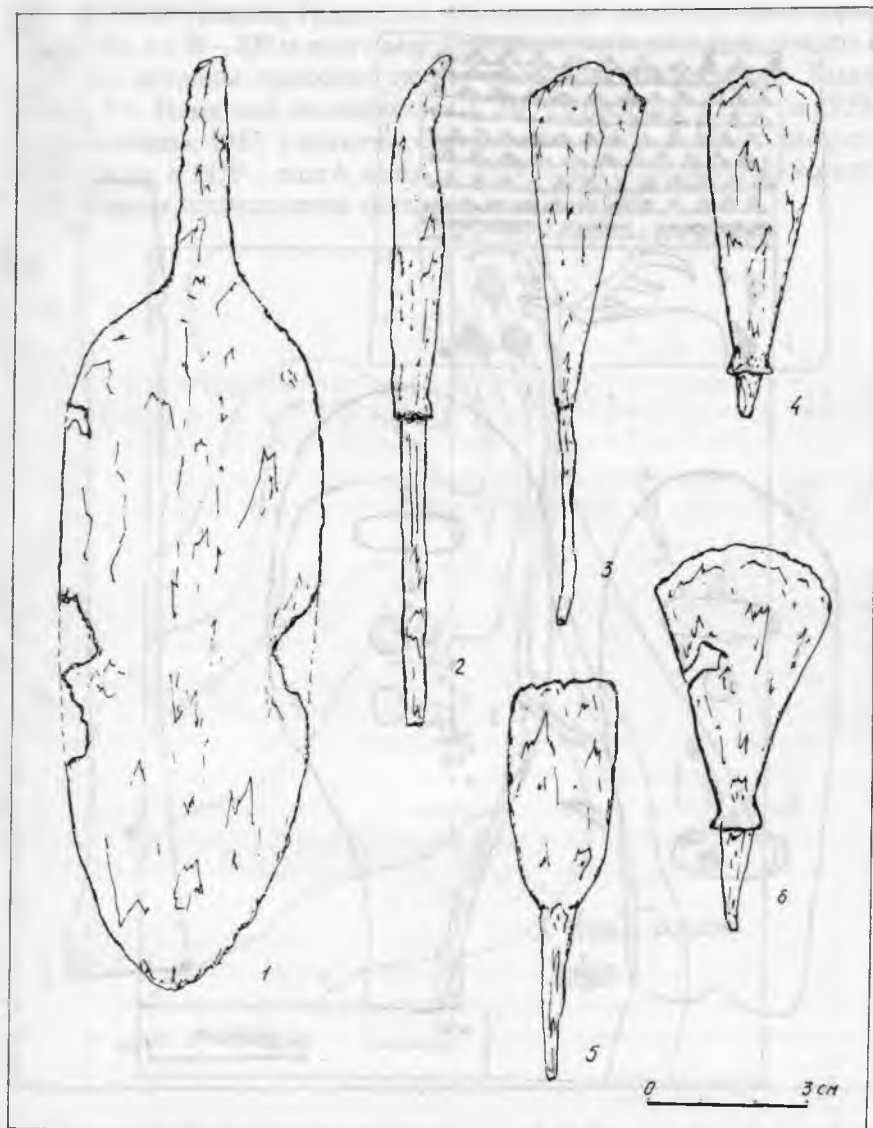

Рис. 11. Лопаточковидный нож и наконечники стрел Унгинского поселения
(раскопки Е. Ф. Седякиной)

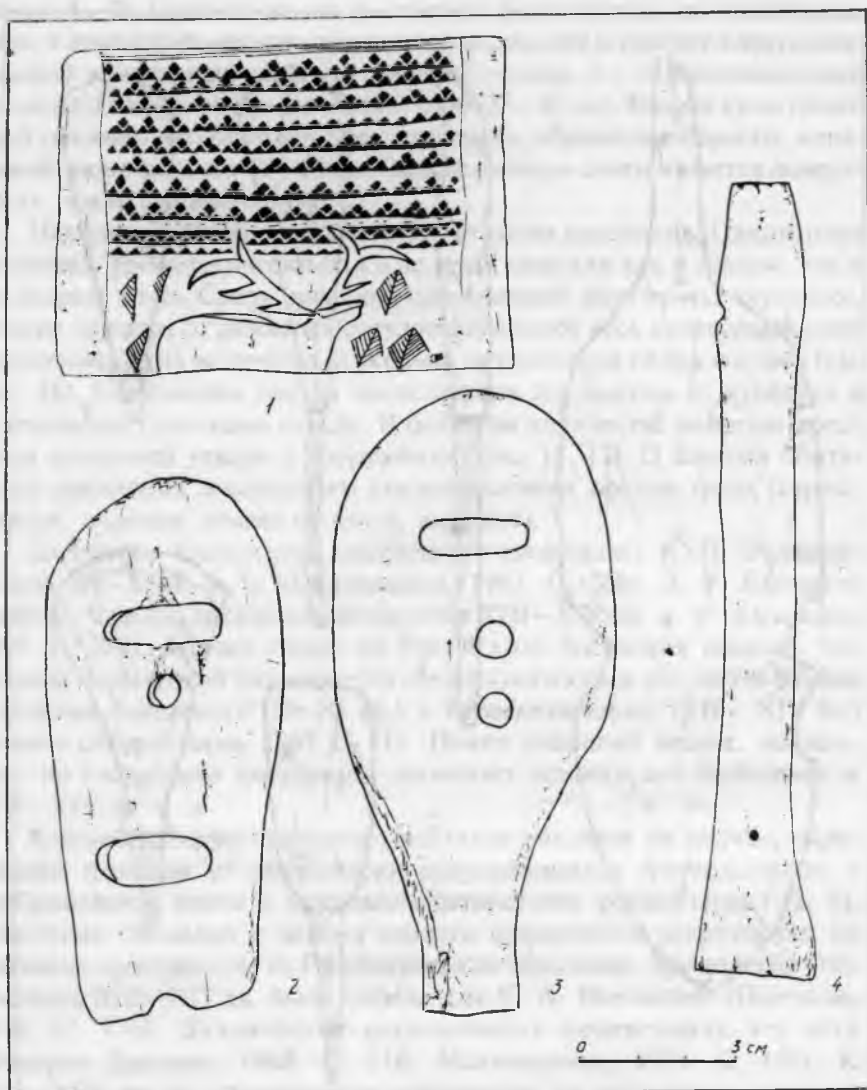

Рис. 12. Изделия из кости Унгинского поселения (раскопки Е. Ф. Седякиной)

4. Усть-Талькин. Поселение находится на пологом склоне горного массива, в 150—200 м восточнее поселения протекает река Ангара, а с южной стороны проходит почти высохшее русло речки Талькин (рис. 13). Памятник исследовался Е. Ф. Седякиной в 1957 и 1959 гг. (Окладников, 1957; Седякина, Окладников, 1959). В 1957 г. раскопано 3 жилища, в 1959 г. еще 6, всего на поселении было изучено 9 жилищ. Материалы исследования остались неизданными.

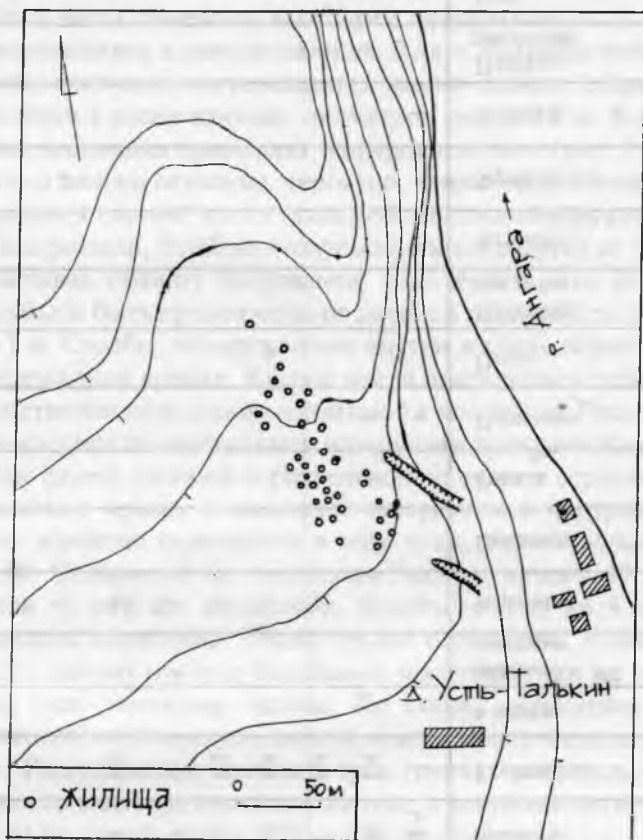

Рис. 13. План поселения Усть-Талькин (по Е. Ф. Седякиной)

Основные показатели жилищ поселения Усть-Талькин

№ жилища	Форма		Размеры в плане, м	Глубина, м	Очаг		Находки в жилищах																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																		
	овальная	круглая			в центре	обложен камнями	Керамика	Пряслица	Гвозди	Проколки	Песты	Пластина для руды	Жернова	Зерна проса	Альчики	Плитка с рисунком	Угли	Кости животных	Щапки	Крипы																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																					
1(1)*	+		7,3x5,4	1																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																					

* — в скобках обозначен номер жилища по отчету.

Жилища представлены сооружениями полуземляночного типа (табл. 2). В плане форма жилищ круглая — 6 сооружений (рис. 14, 2) и овальная — 3 сооружения (рис. 14, 1). Площадь больших землянок от 40 до 56 м². Особенностью больших жилищ является отсутствие в них очагов, поэтому не исключено, что они служили какими-то общественными сооружениями. Малые жилища отличаются сравнительно меньшей площадью — от 12 до 36 м².

Очаги были отмечены в четырех полуземлянках (3, 4, 5, 9), все они располагались в центре жилища. В двух жилищах очаги обложены камнями, очевидно, нагревавшиеся камни дольше сохраняли тепло. Форма очага в плане круглая, диаметром около 0,6 м. В жилище № 3 очаг был несколько приподнят над уровнем пола (рис. 14, 2).

Стены жилищ отвесные, вероятно, в некоторых случаях они могли обмазываться глиной; куски глиняной обмазки обнаружены в жилище № 2. Пол ровный, глубина полуземлянок колеблется от 1 до 1,4 м.

Учитывая глубину котлованов, надо думать, что стенки жилищ должны были быть продолжены от дневной поверхности еще не менее, чем на 1 м. Столбы, обнаруженные внутри жилищ, вероятно, служили для поддержания кровли. Крыша могла покрываться полотнами бересты и лиственничной корой, найденной в землянках. Реконструировать кровлю жилища по имеющимся материалам практически невозможно. Округлая форма жилища и расположение очага в середине землянки предполагают крышу с дымовым отверстием в центральной части. Поэтому вероятно перекрытие в виде чума, пирамидальной формы.

Е. Ф. Седякиной на поселении было отмечено 40 ям-западин. Являются ли они все жилищами, сказать трудно, но 9 раскопанных ям оказались жилищами. Также трудно определить, относятся ли все жилища к одному периоду бытования поселения или же в его существовании было несколько этапов. По схеме, имеющейся в отчете, с определенной степенью условности можно видеть 4 планиграфические группы. Расположение жилищ в трех группах свидетельствует о бессистемности в выборе места для жилищ, а землянки четвертой группы вытянуты по одной линии ЮЗ — СВ.

Наиболее распространенной находкой в полуземлянках является керамика. Форма сосудов и орнаментация характерны для курумчинской культуры. Е. Ф. Седякина в предварительном плане разделила исследованные полуземлянки на ранние и поздние и считала, что на впадинах жилищ II—V вв. н. э. курыканами были вырыты углубления для своих жилищ, которые датируются VI—XI вв. н. э. (Окладников, 1957. С. 5, 6). На чем было основано появление этого суждения, автор

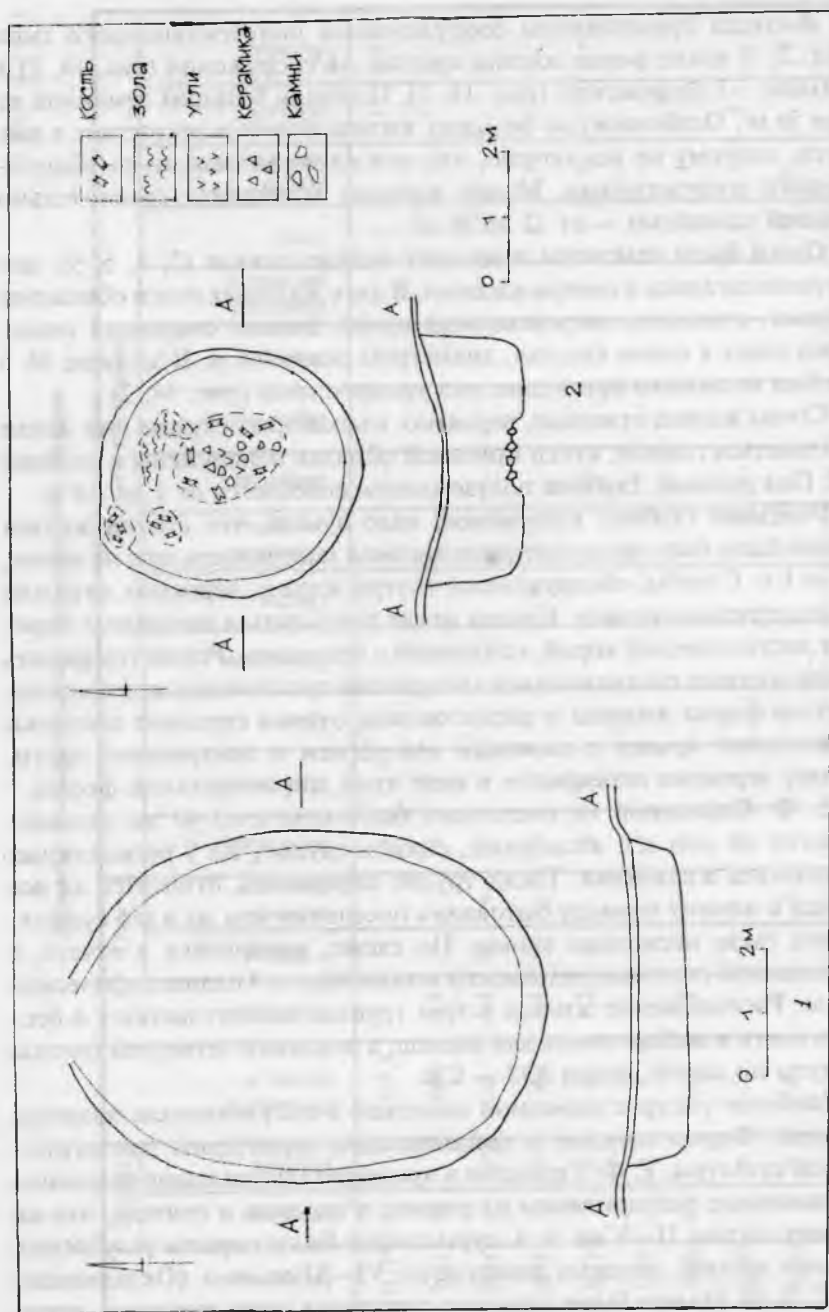

Рис. 14 Планы и разрезы жилищ (1— № 1, 2— № 3) поселения Усть-Талькин (по Е. Ф. Седякиной)

не поясняет. Единственной находкой, которой можно хоть каким-то образом датировать исследованные жилища, является каменная плитка с вырезанным изображением лошади, везущей кибитку на колесах. К сожалению, рисунок в отчете не воспроизведен. Такие же рисунки с изображением сцен перекочевки были обнаружены А. П. Окладниковым на Шишкинских писаницах. А. П. Окладников полагал, что, вероятнее всего, эти сюжеты относятся к началу XI в., ко времени первоначального распространения в Прибайкалье монгольских переселенцев (Окладников, Запорожская, 1959. С. 140). Не настаивая на этой узкой дате, хронологию поселения Усть-Талькин можно определить в рамках первой половины II тыс. н. э.

Городища

Городища подразделяются на два вида: укрепленные земляными валами и укрепленные каменными стенами (рис. 15)*.

Городища с земляными валами. К первым сообщениям о городищах Байкальской Сибири относится известие Я. Линденау, участника Великой северной экспедиции, о древних укреплениях, увиденных им в 1745 г. на Байкале, а также на правом берегу Лены ниже деревни Качуг (Окладников, 1955. С. 355). Н. С. Шукин сообщает о двух укреплениях, расположенных на левом берегу Ангары (Шукин, 1848. С. 251, 252). Известным бурятским этнографом М. Н. Хангаловым были собраны сведения о городищах долины Куды и пяти унгинских городищах, чертежи и описания которых он отправил Н. Н. Агапитову (Агапитов, 1881. С. 9). Н. Н. Агапитов, заинтересовавшись оборонительными сооружениями Иркутской губернии, обнаружил отсутствие каких-либо полных материалов об этих памятниках. С целью восполнить этот пробел в 1881 г. он предпринял поездку для научного изучения городищ. Им было осмотрено 10 городищ, о двух городищах (на реке Куде у горы Идыге и на реке Белой у села Мальта) он ограничивается упоминанием. Описания исследованных городищ и чертежи девяти из них (расположенных в долине Куды) Н. Н. Агапитовым опублико-

* На данном этапе исследования мы рассматриваем городища в одном ряду с поселениями, хотя часть из них была святилищами и они, следовательно, относятся к культовым объектам. Широких раскопок городищ еще не производилось, и только целенаправленное изучение поможет выработать более определенные суждения об их назначении. Осложняется эта задача тем, что городища, очевидно, были полифункциональны и в определенные исторические периоды та или иная их роль могла возобладать. Сейчас трудно выделить какую-то основную функцию, хотя в будущем, вероятно, можно будет говорить о городищах-убежищах и городищах-святилищах. При дальнейшем накоплении материала их назначение, разумеется, должно определяться для каждого памятника в отдельности.

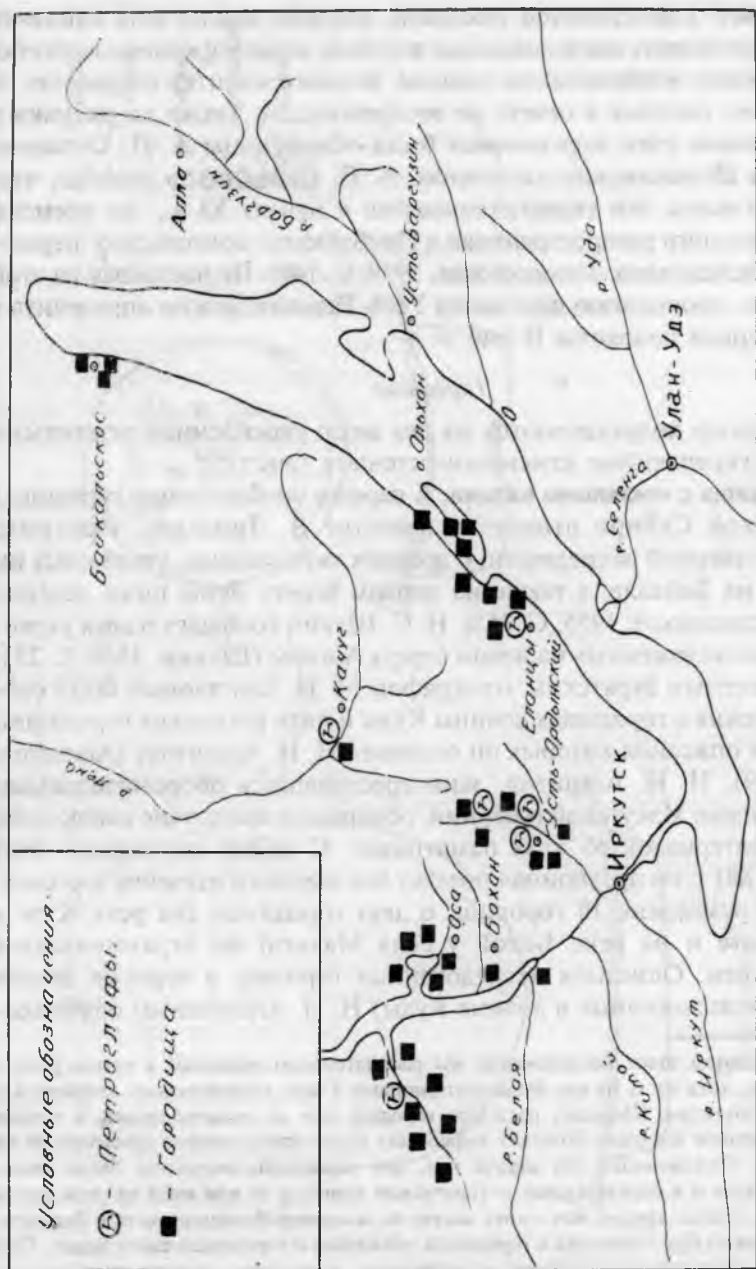

Рис. 15. Карта распространения городищ и петроглифов курумчинской культуры

ваны. Рассматривая вопросы хронологии и этнической принадлежности этих памятников, ученый полагал, что они, вероятнее всего, "должны быть приписаны монголам... но время, в которое они жили... следует отнести к эпохе, предшествовавшей приходу бурят" (Агапитов, 1881. С. 22).

В 1924 г. П. П. Хороших указал на наличие городища на реке Илге, правом притоке Лены, открытого ранее Б. Э. Петри (Хороших, 1924. С. 33). В 1933—1934 гг. А. П. Окладниковым были предприняты разведки по реке Ангаре (от ее истока и до Балаганска), им выявлено 7 городищ, на два из них составлено описание, об остальных имеется только указание на их местонахождение. А. П. Окладников собрал подъемный материал и заложил шурф на первом Кулаковском городище; находки курумчинской керамики позволили отнести эти памятники к культуре "курумчинских кузнецов". Ученый отметил густоту расположения городищ и высказал предположение о возможной связи кулаковских городищ с неукрепленным курумчинским поселением в устье реки Белой, население которого при надвигающейся опасности могло спастись в этих укреплениях (Окладников, 1935. С. 76).

В 1947 г. Аларским отрядом (начальник отряда Э. Р. Рыгдылон) Бурят-Монгольской экспедиции под руководством А. П. Окладникова проведено обследование городищ правобережной Ангары и ее левого притока — реки Унги. В результате работы отряда было изучено 15 городищ, описания и схематические рисунки которых опубликованы. Были собраны сведения еще о 14 городищах, и уточнено местонахождение городища на горе Талкин, упомянутого у Н. С. Щукина. Задачи широких раскопок не ставились (отряд состоял из трех человек), в некоторых случаях производилась зачистка рвов, на восьми городищах были заложены небольшие шурфы. Э. Р. Рыгдылон определяет эти городища как временные стойбища-убежища и сравнивает их с военными укреплениями, которые сооружались народами северо-восточной Азии для защиты от внезапных нападений врага. Также Э. Р. Рыгдылон отметил, что частое расположение городищ связано с более или менее оседлым образом жизни и, кроме того, наличие укреплений указывает на имеющиеся острые противоречия в обществе. Датировка городищ VI—X вв. н. э. определяется находками керамики курумчинской культуры (Рыгдылон, 1955. С. 189).

Таким образом, мы располагаем сведениями о 47 городищах Байкальской Сибири, укрепленных земляными валами. Степень их изученности весьма различна. Осмотрены и описаны 28 городищ, из них на 24 памятника составлены графические схемы или глазомерные планы,

о 18 укреплениях имеется только указание на их местонахождение. Всего лишь на двух городищах (Манхай и Улан-Бор) проводились стационарные исследования.

Все известные городища располагаются в непосредственной близости от водоемов, и в большинстве случаев они возводились на господствующих возвышенностях, удачно используя особенности рельефа (крутой подъем, обрыв), которые служат естественными преградами. Размеры городищ различны (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Площадь городищ с земляными валами, м²

Наименование городища	Площадь
Кулаково-II	900
Хореты	1200
Капсал-I	1550
Улан	1600
Хархар-Жалга	1680
Кулаково-I	1764
Капсал-IV	1800
Атушево	1950
Щерса	2500
Бузеть	3420
Харганай	3850
Капсал-II	3950
Халиюты	4055
Капсал-III	4200
Унет	4608
Улан-Бор	5400
Ута-Хошун	9800
Манхай	15000

Большое количество городищ (21) зафиксировано на одной из главных рек Байкальской Сибири — Ангаре. 11 городищ находится по ее правому притоку — реке Куде, по ее левому притоку — реке Унге известно 13 крепостей. На второй крупной водной артерии — реке Лене и ее притокам отмечено 4 городища. Всего лишь одно городище, укрепленное земляным валом, находится на побережье Байкала у села Байкальское. Городища, расположенные на Байкале, чаще всего укреплены каменными стенами, что связано, видимо, с тем, что здесь в большом количестве находится камень, необходимый для строительства стен, а слабый почвенный слой не позволяет соорудить мощные земляные укрепления.

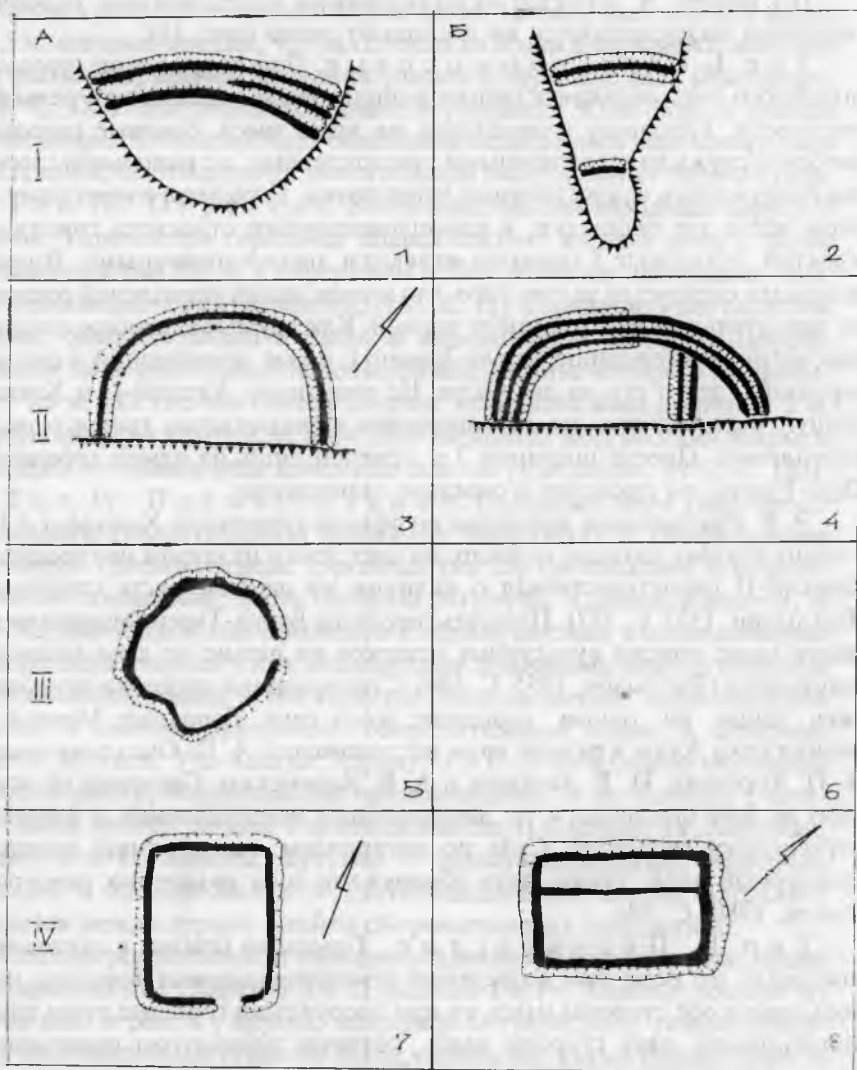

Рис. 16. Типология городищ, укрепленных земляными валами: А — одноплощадочные, Б — двухплощадочные городища;

I — секторно-мысовые, II — полукруглые, III — округлые, IV — прямоугольные городища; 1 — городище Удактай, 2 — Барун-Зурхен, 4 — Улан, 5 — Унет, 7 — Хорёты, 8 — Ута-Хошун (по Э. Р. Рыгдылону). 3 — Капсал-III (по Н. Н. Агапитову)

По форме и степени использования естественных условий городища подразделяются на несколько типов (рис. 16).

Тип I. Секторно-мысовое. При сооружении городищ подобного типа непосредственно использовали особенности рельефа местности. Городища возводились на краю мыса, боковые стороны которого служили естественными препятствиями, а с напольной стороны сооружались искусственные укрепления. Городища имеют одну, а чаще всего две площадки, к одноплощадочным относится городище Удактай, остальные 8 городищ являются двухплощадочными. Вторая площадка образуется за счет того, что вторая линия укреплений отстоит на значительном расстоянии от первой. Как двухплощадочное следует рассматривать городище Барун-Зурхен-I; овраг, проходящий в центре городища, делит его на две части. На городищах Хашхай-II и Хайги-Хошун было начато, но не завершено строительство третьего ряда укреплений. Проезд шириной 3 м отмечен лишь на одном городище (Зун-Турен), он проходит в середине укрепления.

Э. Р. Рыгдылоном заложены шурфы на городищах Хашхай-I и II, в обоих случаях находок не было, но цвет земли из шурфа на городище Хашхай-II свидетельствовал о наличии на данном месте стойбища (Рыгдылон, 1955. С. 187). Площадь городища Барун-Турен запахивалась, тщательные поиски культурных остатков на пашне не дали никаких результатов (Рыгдылон, 1955. С. 186). Стационарные раскопки проводились лишь на одном городище этого типа. Городище Манхай в долине реки Куды в разные годы исследовалось А. П. Окладниковым, П. П. Хороших, И. В. Асеевым и А. В. Харинским. Сведения об этих работах фрагментарны и не дают полного представления о степени изученности городища. Судя по материалам, на городище имеется культурный слой, также были обнаружены ямы различных размеров (Асеев, 1980. С. 94).

Тип II. Полукруглые. Городища близки к секторно-мысовым, но если при возведении секторно-мысовых городищ использовали обе стороны мыса, то при сооружении городищ этого типа использовали одну сторону мыса, которую полукругом охватывала искусственная линия укреплений. Причем сооружение полукруглых городищ требовало больше физических усилий, чем строительство секторно-мысовых. Городище Капсал-IV, расположенное в долине реки Куды, является одноплощадочным, оно укреплено двумя рвами и одним валом, внутри городища обнаружены две ямы глубиной около 1 м (Агапитов, 1881. С. 10). К двухплощадочным относится городище Улан, обследованное Э. Р. Рыгдылоном. Городище имеет форму непра-

вильного круга, разделенного на две части. На валу был заложен шурф 2х1,5 м, который показал, что вал сложен из земли и песчаника, вынутых при рытье рва, причем песчаник уложен в середине вала (Рыгдылон, 1955. С. 183). Две площадки имеет и городище Улан-Бор, в данном случае вторая площадка была образована возведением еще одного ряда укреплений, отстоящего на значительном расстоянии от первого ряда.

Т и п III. О к р у г л ы е. Всего известно два городища округлой формы. Укрепления городища Шарса состоят из двух рвов с валом протяженностью 250 м, с перерывом в 50 м. Имеется небольшой вход, в котором вырыта яма (Агапитов, 1881. С. 11). Городище Унет округлой формы, обведено валом и рвом. В юго-западной части его прослеживается дополнительный небольшой вал, глубина которого не превышает 0,6 м. На юго-восточной стороне находится вход шириной 2 м. Шурфы никаких находок не дали. При раскопках вала местами вскрыты выкладки из одного ряда каменных плиток (Рыгдылон, 1955. С. 182).

Т и п IV. П р я м о у г о л ь н ы е. Городища этого типа имеют правильную прямоугольную форму, не зависящую от конфигурации местности. Прямоугольные городища (их 15) преобладают в количественном отношении. Часть городищ (Атушево, Халюты, Капсал-I, II и IV, Хархар-Жалга) еще привязана к преимуществам в использовании рельефа: одна сторона у них защищена не земляными искусственными укреплениями, а чаще всего является склоном речной надпойменной террасы, к которой примыкают оборонительные линии. А городища Хореты, Бутукей, Ута-Хошун, Харанут-I и II со всех сторон окружены валами и рвами, образующими прямоугольник, и не связаны с естественными препятствиями. Городища Капсал-II и Капсал-IV, Харганай, Харанут-I и II, Хореты, Бутукей — одноплощадочные. Городища Капсал-I и Хархар-Жалга — двухплощадочные, вторая площадка находится между первой линией оборонительных сооружений.

Степень укрепленности городищ различна. Оборонительные линии некоторых из них (Харанут-I и II, Капсал-I и IV, Хореты) состоят из одного вала и рва, а у других, например Бутукейского, северо-западная и юго-восточная стороны были укреплены двумя рядами рвов и тремя высокими валами, общей шириной 17 м, а юго-западная и северо-восточная стороны — одним широким рвом и двумя высокими валами, общей шириной 15 м.

Количество проходов на городищах варьирует от одного (Капсал-IV), шириной 14 м, до пяти (Харанут-II), их ориентировка различна. На городищах Хархар-Жалга, Харанут-I и Ута-Хошун проходов не имеется. Ориентировка устанавливается на восьми городищах, 3 из

них ориентированы сторонами, а 5— углами по странам света. На трех городищах (Атушево, Халюты, Хореты) Э. Р. Рыгдылоном были сделаны небольшие шурфы, которые не дали никаких находок и не показали наличия культурного слоя. На городище Ута-Хошун было найдено 4 фрагмента курумчинской керамики (Рыгдылон, 1955. С. 188).

Городища с каменными стенами. Первое известие о наличии на байкальском побережье каменных построек было сделано геологом И. Д. Черским в отчете, опубликованном в 1880 г., где им в Приольхонье отмечено 6 "каменных стен" (Черский, 1880. С. 63). Во время поездки 1881 г. Н. Н. Агапитов посетил остров Ольхон и осмотрел сооружения, выявленные И. Д. Черским. Он описал укрепления на мысах Шибэтэ и Хоргой и составил чертежи этих стен. Кроме этого, Н. Н. Агапитов подтвердил наличие городища на острове Хубун, напротив мыса Хоргой, и выявил новое городище на материке недалеко от ярмарочных балаганов (имеется в виду городище Шибэтэ. — Б. Д.) (Агапитов, 1881. С. 13). В 1901 г. А. А. Коротневым были осмотрены два городища у поселка Горемыки на Северном Байкале (Коротнев, 1901). В 1916 г. Б. Э. Петри упомянул о наличии сооружения на горе Шибэтэ по реке Анге (Хороших, 1924. С. 30).

Изучением байкальских городищ занимался П. П. Хороших, им осмотрено 5 укреплений и даны краткие описания некоторых из них. Всего П. П. Хороших упоминает о наличии на байкальском побережье 25 "каменных" городищ (Хороших, 1924. С. 28—31). П. П. Хороших, вслед за Н. Н. Агапитовым, относил эти укрепления к памятникам железного века (Хороших, 1924. С. 28).

В 1920 г. стены, находящиеся на мысу Лударь, обследовали Е. А. Титов и В. Б. Шостакович, ими были сняты чертежи городищ (Хороших, 1924. С. 31). Каменное укрепление, находящееся на мысу Шибэтэ (остров Ольхон), исследовалось А. М. Мандельштамом в 1959 г. (рис. 17). Впервые на городище были произведены раскопки, составлено описание и вычерчен план (Грязнов, 1959). И. В. Асеевым произведены раскопки на городище Шибэтэ (залив Куркут) (Асеев, 1980. С. 95, 96). Укрепления на Северном Байкале были осмотрены в 1978 г. А. Д. Цыбиктаровым (Цыбиктаров, 1979). В настоящее время изучением байкальских городищ занимается А. В. Харинский, им проводится паспортизация этих памятников, ведутся раскопки северобайкальских укреплений (1994).

Городища, укрепленные каменными стенами, подразделяются на два типа.

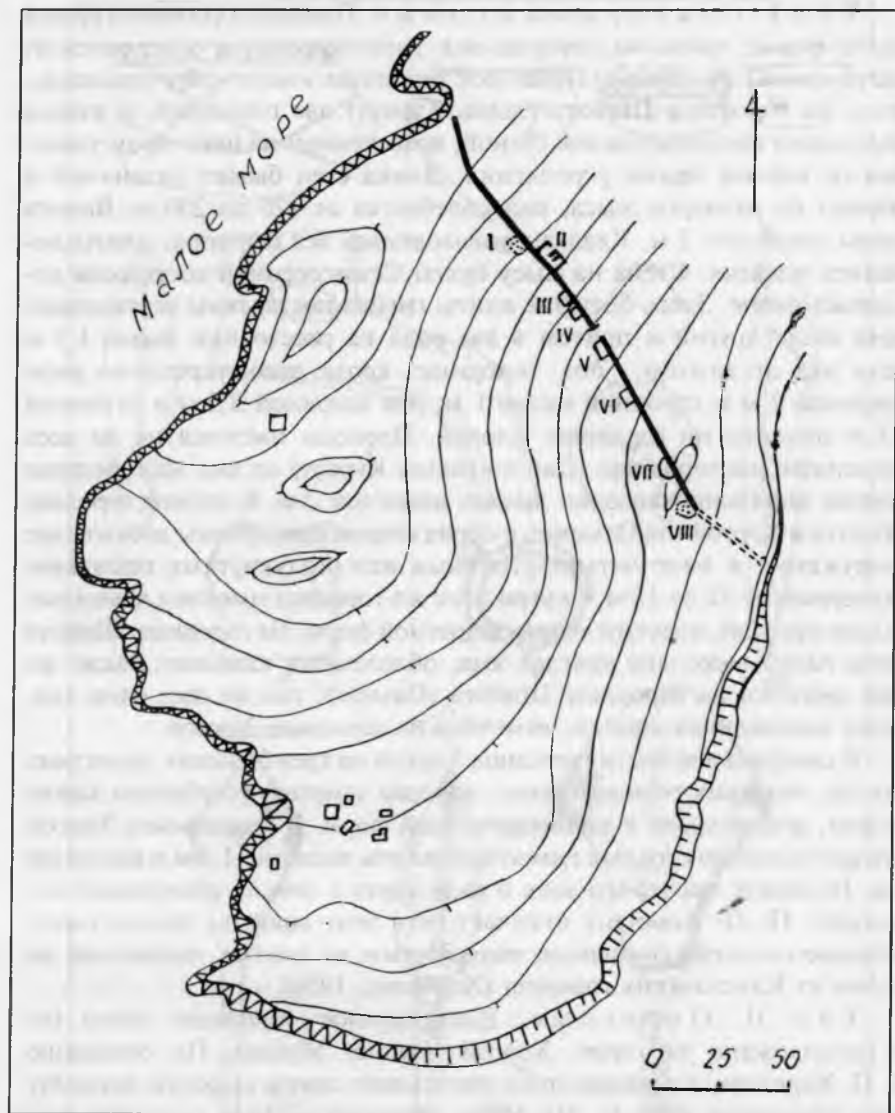

Рис. 17. План городища Шибэтэ (о. Ольхон) (по Н. К. Качаловой и А. М. Мандельштаму)

Тип I. Секторно-мысовые. Городища соответствуют в плане форме мыса, на котором они расположены, и отделяются от плато каменной стеной. Почти все городища имеют одну площадку, лишь на городище Шибэтэ (залив Куркут) две площадки, и вторая образована дополнительной стеной, возведенной на некотором удалении от первой линии укрепления. Длина стен бывает различной и зависит от размеров мыса, она колеблется от 120 до 200 м. Высота стены достигает 3 м. Кладка производилась без раствора, плиты ложились плашмя. Стена на мысу бухты Семисосенной сооружена несколько иначе. Здесь большие плиты гнейса поставлены вертикально одна возле другой и притом в два ряда на расстоянии около 1,5 м один ряд от другого. Это городище, кроме того, укреплено рвом шириной 2 м и глубиной около 1 м; ров шириной 3,5 м и глубиной 1,5 м отмечен на городище Хоргой. Проходы имеются не на всех городищах, на городище Шибэтэ (залив Куркут) их два, на городище Хоргой зафиксирован один проход шириной 2 м. К стенам городищ Шибэтэ и Хоргой (на Ольхоне) с обеих сторон пристроены добавочные сооружения в виде четырехугольных или полукруглых площадок размерами от 12 до 18 м. Внутри этих же городищ имеются каменные кладки круглой, полукруглой и квадратной форм. На городище Шибэтэ (река Анга) выкопана круглая яма, обложенная камнями; такие же ямы имеются на городище Шибэтэ (Ольхон), там их две; одна яма, также выложенная камнем, отмечена на городище Хоргой.

В центральной части городища Хоргой на трех больших гранитных плитах, лежащих горизонтально, хорошо заметны углубления конической, шаровидной и цилиндрической форм. В конце мыса Хоргой находится прямо стоящая гранитная плита высотой 1,8 м и шириной 1 м. На плите прочерчен знак в виде круга с точкой посередине и с ножкой. П. П. Хороших отмечает, что этот знак по форме имеет большое сходство со знаком, вырезанным на плитке, найденной на одном из Капсальских городищ (Хороших, 1956).

Тип II. Округлые. Единственное городище этого типа расположено на горе Хоргой (залив Мухор). По описанию П. П. Хороших, каменная стена опоясывает самую высокую вершину горы (Хороших, 1924. С. 31). Иных сведений об этом городище или подобных ему не имеется.

Материал, полученный в результате исследования городищ, немногочислен. Керамика городища Улан-Бор представлена фрагментами нескольких горшков, целая посуда отсутствует. Так как данная керамика ранее не описывалась, представим ее несколько подробнее.

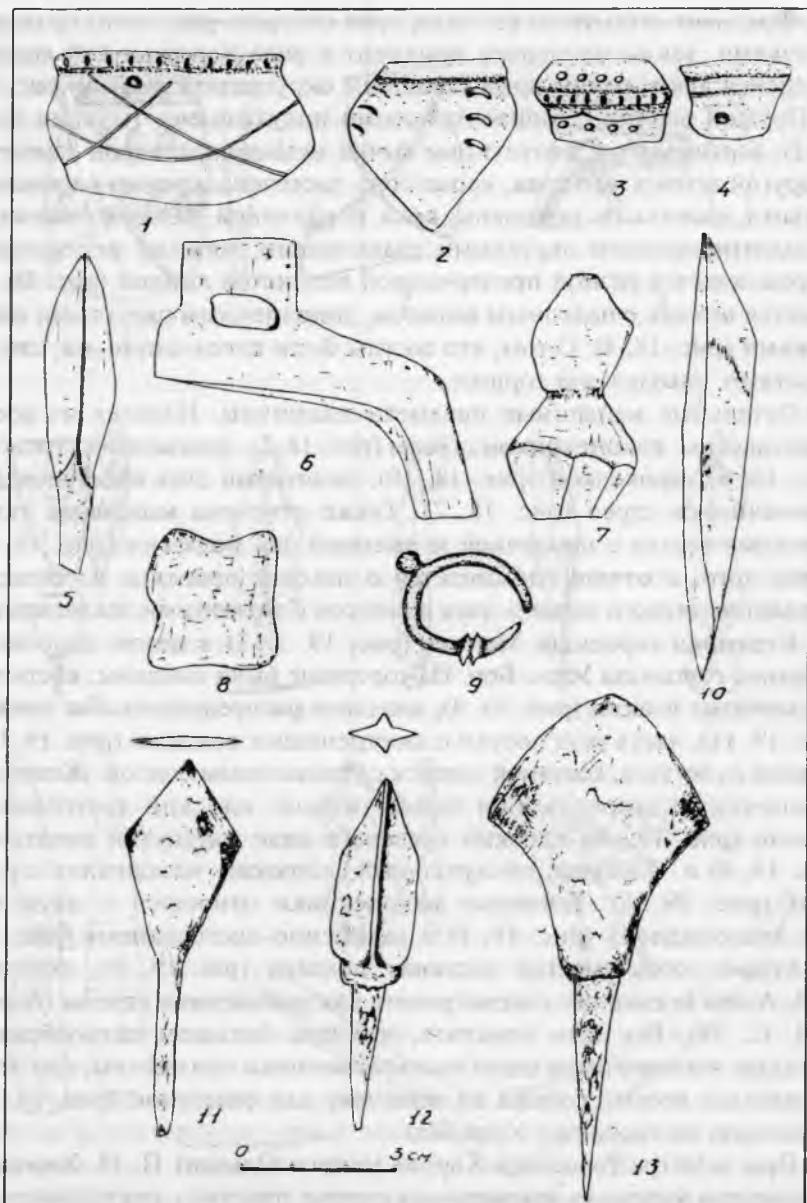

Рис. 18. Находки городищ Улан-Бор (1—10, раскопки Н. Н. Забелиной) и Хоргой (11—13, сборы П. П. Хороших)

Фрагмент отогнутого венчика, края которого рассечены прямыми насечками, также прочерчен орнамент в виде перевернутой пересекающейся арки, концы арки украшены округлыми тычками (рис. 18, 1). Прямой венчик с горизонтальными полулунными тычками (рис. 18, 2), вертикальные полулунные тычки меньших размеров нанесены на другой венчик, его края, кроме того, рассечены косыми насечками. Косыми насечками украшены край и наlepной валик на венчике, орнаментированном округлыми вдавлениями, нижний ряд которых сопровождается резной прочерченной волнистой линией (рис. 18, 3). Имеется венчик с наlepным валиком, дополненным округлыми вдавлениями (рис. 18, 4). О том, что сосуды были плоскодонными, свидетельствует находка дна горшка.

Остальные найденные предметы единичны. Изделия из кости представлены: наконечником стрелы (рис. 18, 5), фрагментом стремени (рис. 18, 6), проколкой (рис. 18, 10), заготовкой двух свистунок для наконечников стрел (рис. 18, 7). Также отмечена массивная литая бронзовая серьга с шишечкой и выемкой для подвески (рис. 18, 9). Кроме того, в отчете упоминается о находке пряслища из богхеда, обломка железного ножа и двух альчиков с железными заклепками.

Керамика городища Манхай (рис. 19, 1—3) в целом однотипна керамике городища Улан-Бор. На городище были найдены: костяные двудырчатые псалии (рис. 19, 9), железная распределительная пряжка (рис. 19, 11), часть рога косули с заостренными концами (рис. 19, 12), поделка из богхеда, костяной шпенек с уплощенным концом. Железные наконечники представлены тремя типами: плоский треугольный срезень (рис. 19, 4), плоский срезень в виде вытянутой лопаточки (рис. 19, 4) и плоский пятиугольный широкий наконечник с ребрами (рис. 19, 5). Костяные наконечники относятся к двум типам: листовидному (рис. 19, 7) и удлинено-листовидному (рис. 19, 6). Кроме того, имеется костяная поделка (рис. 19, 8), которую И. В. Асеев предлагает рассматривать как наконечник стрелы (Асеев, 1980. С. 98). Но надо отметить, что при большом разнообразии костяных наконечников подобные наконечники неизвестны, при этом эта находка весьма похожа на заготовку для свистунок (рис. 18, 7), найденную на городище Улан-Бор.

При осмотре городища Хоргой (остров Ольхон) П. П. Хороших найдено три железных наконечника стрелы: плоский с секторовидным острием и поджатыми плечиками (рис. 18, 13), плоский укороченно-ромбический (рис. 18, 11) и четырехлопастной пятиугольный (рис. 18, 12) (Хороших, 1956).

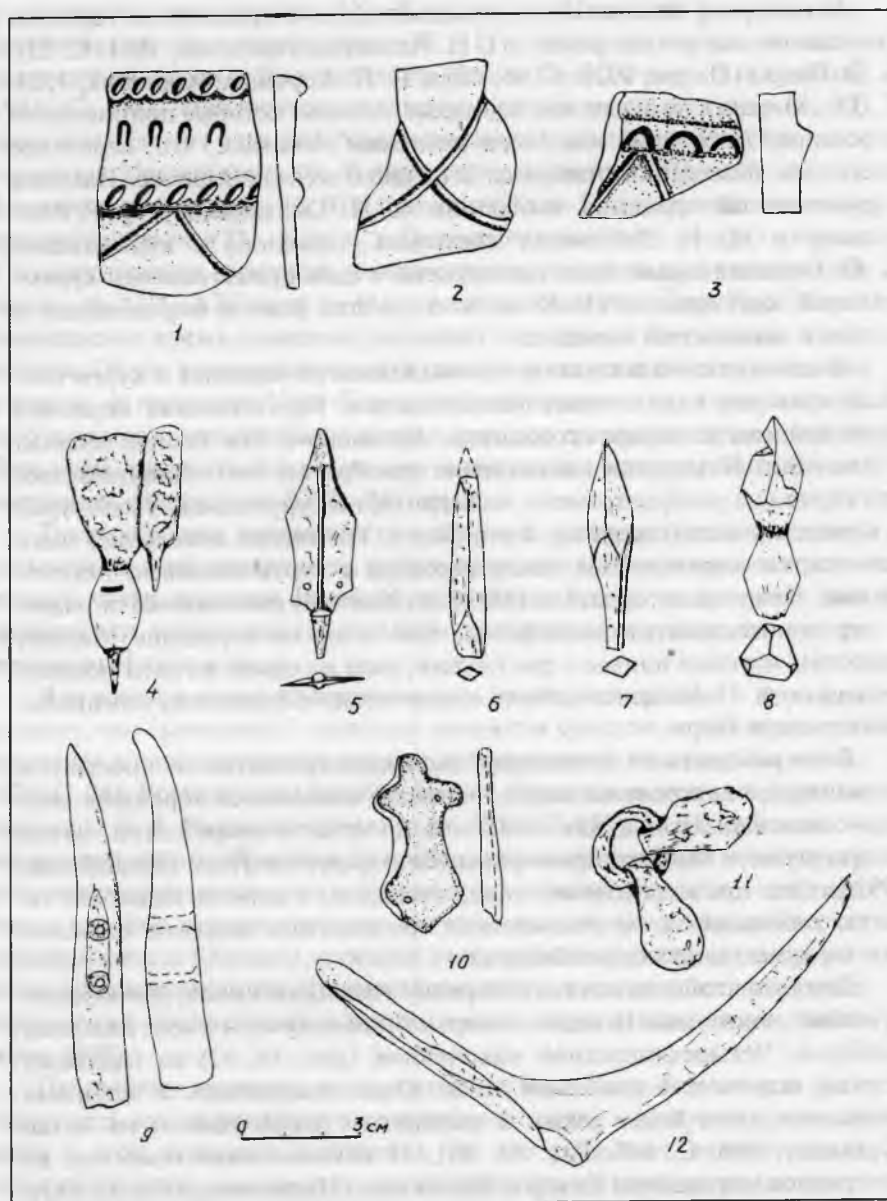

Рис. 19. Находки городища Манхай (по И. В. Асееву)

По вопросу этнической принадлежности и хронологии городищ высказано две точки зрения Н. Н. Агапитов (Агапитов, 1881. С. 22), Б. Э. Петри (Петри, 1928. С. 65, 66) и П. П. Хороших (Хороших, 1924. С. 32), опираясь на бурятские народные легенды, которые приписывали городища "монголам" или "хара-монголам", считали, что, вероятнее всего, эти памятники относятся к поздней железной эпохе. Находки курумчинской керамики позволили А. П. Окладникову, Э. Р. Рыгдылону и Н. Н. Забелиной связывать городища с курыканами. А. П. Окладниковым была предложена и дата существования курумчинской культуры — VI—X вв. н. э., в этих рамках определялась в целом и хронология городищ.

Выведенное положение о принадлежности городищ к курумчинской культуре надо считать убедительным. Курумчинская керамика была найдена на четырех городищах: Кулаково-I, Ута-Хошун, Манхай и Улан-Бор. Немаловажное значение приобретает и то обстоятельство, что городища распространены на территории курумчинской культуры, а в ряде случаев (городище Улан-Бор и Унгинское поселение) даже намечается определенная связь городищ с курумчинскими поселениями. Некоторые городища (Манхай, Хашхай) располагаются рядом с курумчинскими петроглифами, при этом на городище Манхай известны находки плиток с рисунками, узор на одной из плит поразительно схож с орнаментацией на курумчинском горшке из поминальника у озера Нурэ.

Если исходить из принципов эволюции (развития от простого к сложному), то, вероятнее всего, первыми появляются городища секторно-мысового типа, как наиболее простые в сооружении, затем полукруглые и наконец прямоугольные и округлые типы (Дашибалов, 1992б). Эта прямолинейная схема, очевидно, в действительности не всегда соблюдалась, но учитывать ее при решении вопросов хронологии городищ, видимо, необходимо.

Для того чтобы выяснить датировку этих памятников, рассмотрим те немногочисленные находки, которые были получены в ходе раскопок и сборов. Четырехлопастной наконечник (рис. 18, 12) из городища Хоргой встречается довольно редко. Один наконечник с четырьмя лопастями, но с более узким и вытянутым пером найден на Алтае (Худяков, 1986. С. 147. Рис. 64, 45), 11 наконечников известны из материалов могильника Енхор в Забайкалье (Именохоев, 1988. С. 117). По мнению Ю. С. Худякова, данный тип наконечников датируется IX—X вв. н. э. (Худяков, 1986. С. 148). Однако возможна и более поздняя дата наконечника с городища, так как он несколько крупнее

в размерах, чем стрелы IX—X вв. н. э. Плоский укороченно-ромбический наконечник (рис. 18, 11) с этого же городища имеет широкие аналогии и был распространен в XI—XIV вв. н. э. (Худяков, 1991. С. 118). Наконечник с секторовидным острием (рис. 18, 13) чаще всего бытует в поздних средневековых комплексах. Наконечники городища Манхай (рис. 19, 4) датируются в рамках XIII—XIV вв. н. э. Бронзовая серьга (рис. 18, 9) с городища Улан-Бор получила широкое распространение в IX—X вв. н. э. Очевидно, к этой дате следует отнести и возникновение городища, которое функционировало в дальнейшем вплоть до XIII—XIV вв. н. э. На существование городища Улан-Бор в монгольское время косвенно указывает его связь с Унгинским поселением. Об их взаимосвязанности свидетельствует и факт принесения в жертву на городище Улан-Бор людей иранского типа, а ведь именно на Унгинском поселении известны находки среднеазиатских вещей. При этом, надо отметить, что все датирующие находки Унгинского поселения относятся к XIII—XIV вв. н. э.

Таким образом, материалы трех городищ, позволяющих определить хронологию этих памятников, показывают, что возникновение определенной части городищ произошло в конце I тыс. н. э., затем они продолжали существовать довольно значительное время, вплоть до середины II тыс. н. э.

Для какой же цели предназначались эти городища? П. П. Хороших полагал, что "каменные" городища являются сооружениями военного характера и служили укреплениями для временной защиты (Хороших. 1924. С. 28). Временными стойбищами — убежищами считал ангарские городища Э. Р. Рыгдылон (Рыгдылон, 1955. С. 189). Н. Н. Забелина — исследовательница городища Улан-Бор, в предварительном заключении констатировала: люди жили на городище прочно, судя по остаткам стен и столбов, внутри крепости находилось одно большое здание, по толщине стен и большой площади оно не было временным сооружением, а носило характер капитального здания, а наличие отопительных сооружений предполагает жилище зимнего типа (Окладников, Забелина, 1958).

По нашему мнению, сооружение на горе Улан-Бор нельзя рассматривать как укрепленное поселение и люди, вероятнее всего, не жили в этой крепости постоянно. На это указывает очень тонкий культурный слой, а во многих местах крепости он вообще отсутствует. Кроме нескольких находок внутри укрепления, не обнаружено каких-либо предметов, связанных с производственной деятельностью, отсутствуют на городище и хозяйственные ямы, которые свидетельствовали

бы о постоянном поселении. Дополнительным аргументом в пользу кратковременного пребывания людей в крепости и невозможности постоянной жизни внутри нее является неудобное расположение городища на вершине горы (Дашибалов, 1990).

Хотя о том, что часть городищ могла быть обитаема, говорят материалы раскопок городища Манхай, но краткость публикаций не позволяет использовать эти данные как полноценный источник. Для того чтобы составить соответствующее представление об этом городище, необходима исчерпывающая и документированная информация.

На этимологию мысов, на которых находятся эти сооружения, обратил внимание Э. Р. Рыгдылон. Название городищ Шибэтэ образовано от бурятского слова "шибэ" — заслон, прикрытие, а укреплений Хоргой от слова "хоргодох" — прятаться, скрываться (Рыгдылон, 1955. С. 180). Надо заметить, что в Хакасии крепости, сооруженные на вершинах гор, называются "сибэ", что однозначно бурятскому или в широком понимании языка монгольскому значению слова "шибэ". Большинство исследователей, занимавшихся изучением енисейских "сибэ", считают их укреплениями, служившими в качестве временных убежищ (Бутанаев, 1984; Мороз, Худяков, 1988; Готлиб, 1991).

Таким образом, предложение П. П. Хороших и Э. Р. Рыгдылона рассматривать городища как временные крепости-убежища вполне резонно и некоторые городища могли быть убежищами. Очевидно, эти укрепления не могли служить целям долговременной обороны, в них можно было только временно спрятаться, схорониться и переждать нападение. Можно предположить, что завоевателей больше интересовали скот и материальные ценности, в меньшей степени они стремились уничтожить создателей этих богатств, поэтому укрывшееся за стенами население не подвергалось нападению и осаде.

Б. Э. Петри, осмотревший байкальские городища, заключил, что они как оборонительные сооружения непригодны. С целью объяснить их назначение он ссылается на бурятское предание, в котором говорится, что каменные стены служили загонами для скота на ночь и были сооружены предшественниками бурят. С помощью стен и валов "монголам" легко было охранять стадо от волков, которых тогда было очень много (Петри, 1928. С. 67). Вряд ли городища служили ограждениями для скота. Множество фактов не согласуется с этой версией, приведем лишь некоторые из них. Сооружение нескольких линий обороны, в некоторых случаях значительные размеры площади, огороженной стенами, не у всех укреплений имеются проходы — все это не находит объяснения, если считать городища загонами. Зачем при строи-

тельстве загонов совершать человеческие жертвоприношения? Этот факт, несомненно, свидетельствует о высокой значимости городищ.

Б. Э. Петри отчасти прав в том, что байкальские городища не могли быть фортификационными сооружениями. Действительно, большинство городищ вряд ли можно рассматривать даже как временные укрытия. Весьма сомнительно, чтобы можно было спрятаться за стенами городища на горе Хоргой, на обоих мысах Шибэтэ, не могло служить укреплением и городище на острове Хубун.

Следовательно, наряду с городищами, которые могли быть крепостями-убежищами, некоторые городища не годны для этой цели. Все это заставляет с известной долей осторожности подходить к оборонительной функции городищ и искать какие-то иные объяснения. Мы полагаем, что имеются определенные основания считать эти памятники святилищами и рассматривать их как культовые сооружения (Дашибалов, 1990, 1991а). Именно на городищах должны были проводиться наиболее значительные обряды, родовые сборы и торжества. Весьма примечательно, что в некоторых местах Ольхонского края эти памятники считаются священными (Хороших, 1924. С. 32). Священными считаются у бурят горы Манхай и Идыге, на которых имеются курумчинские городища. На этих горах буряты проводили огромные молебствия, сопровождаемые массовыми гуляниями, состязаниями в борьбе и конными скачками (Михайлов, 1976. С. 154—157).

Валы и рвы городищ имели отчасти и культовое значение, они оберегали от злых сил сакрализованное пространство. Имела значение и форма городищ — округлая или прямоугольная. Здесь уместно вспомнить наличие валов и рвов на тюркских поминальных храмах, форма которых обычно четырехугольная (Кызласов, 1969. С. 33). Территория городища была священной и охранялась божествами. При нападении неприятеля население, скрывшееся в городище, находилось в безопасности. Это, вероятно, должна была осознавать враждующая сторона; верования, присущие той эпохе, не позволяли переступить эти условные (для нашего времени) представления. С этой точки зрения можно объяснить и сооружение распространенных в Сибири "валов Чингисхана".

Для того чтобы усилить сакральные оборонительные функции городищ, производились кровавые человеческие жертвоприношения. Свидетельством этого являются человеческие останки в валу городища Улан-Бор.

Вероятно, для коллективных культов предназначались здания на городище Улан-Бор. Об исполнении обрядов свидетельствуют жертвен-

ники на городище Удактай (Рыгдылон, 1955. С. 184). Алтарями служили камни с отверстиями на городище Хоргой. Схожие жертвенники отмечены на многих культовых сооружениях (Агапитов, 1881. С. 14, 15; Хороших, 1924. С. 29). Очевидно, в связи с тем, что городище Шибэтэ (залив Куркут) являлось святилищем, внутри была выложена каменная площадка или дорожка длиной около 40 м и шириной 3 м (Асеев, 1980. С. 96). Весьма похожи на шаманские подвески и предметы, найденные на городище Манхай (Асеев, 1980. С. 100).

Некоторый свет может пролить объяснение топонима Куда, предложенное Т. М. Михайловым. По его мнению, гидроним Куда восходит к древнетюркскому слову "худай" — бог. Кудинскую долину тогда следует рассматривать как священное место, ибо в ней расположены знаменитые в прошлом бурят культовые места Манхай, Идыге, Байтог и другие. Название горы Идыге с тюркского языка понимается как "священная" (Михайлов, 1976. С. 155). Но ведь эти же культовые места были почитаемы и до бурят, именно на них расположены курумчинские городища, которые я предлагаю рассматривать как святилища. В Кудинской долине находится значительное число городищ; долина, очевидно, была в средневековую эпоху крупным культовым центром, возможно, с этим связано и возникновение топонима Куда — божественная.

Временные стойбища

Как отдельный тип памятников курумчинской культуры выделяются временные стойбища (см. рис. 4). В большинстве случаев подобные местонахождения фиксируются на разрушенных человеком или природой участках дневной поверхности (пашни, карьеры, дюны, подмытые берега рек и озер). Археологический материал в этих комплексах чаще всего бывает смешанным, и на одном участке можно встретить предметы различных хронологических периодов — от эпохи камня до этнографических вещей. Специальное исследование стойбищ курумчинской культуры не проводилось, и в большинстве случаев они были обнаружены при проведении археологических разведок. Обследование таких стоянок обычно ограничивается осмотром и описанием местонахождения, топографией и сбором подъемного материала, иногда закладываются небольшие раскопы (шурфы) с целью проверки наличия культурного слоя и его состояния.

По подсчетам автора, в Байкальской Сибири известно более 100 пунктов, которые можно обозначить как временные стойбища. Впервые подобные памятники, определенные как курумчинские, выделены

Б. Э. Петри в долине реки Ангары, недалеко от Иркутска. Это стоянки Межовка и Кузьмиха, где наряду с неолитическим материалом найдена керамика, схожая с керамикой "курумчинских кузнецов". Б. Э. Петри отмечал, что "курумчинские кузнецы", вероятно, селились на тех же местах, где раньше жили неолитики" (Петри, 1916. С. 140). Экспедициями 20—30-х гг. под руководством А. П. Окладникова открыто значительное количество временных стоябищ курумчинцев в долине реки Ангары (Окладников, 1935). В 1956—1969 гг. археологическим отрядом Иркутского областного краеведческого музея произведено сплошное обследование побережья озера Байкал, где выявлено большое количество местонахождений с курумчинской керамикой (Свинин, 1971). Новые материалы на Байкале получены работами Л. П. Хлобыстина (Хлобыстин, 1963). В Баргузинской долине сбор подъемного материала разрушенных стоянок производился П. П. Хороших (Хороших, 1962а), И. В. Асеевым, Н. А. Боковенко и другими исследователями (Асеев и др., 1985). Нашей экспедицией в 1985—1993 гг. также найдены новые пункты временных стоябищ курумчинской культуры.

Основная часть известных памятников расположена непосредственно на побережье озера Байкал. Отчасти это может объясняться постоянным вниманием исследователей к археологии озера. Собственно на побережье Байкала наибольшая концентрация местонахождений находок курумчинской керамики отмечена в трех местах: это Приольхонье (берега Малого Моря и сам остров Ольхон), а на восточном берегу Байкала — Чивыркуйский залив и низовья реки Селенги. Такое обилие стоянок, по всей видимости, связано с тем, что эти места наиболее удобны для заселения и здесь производится интенсивный лов байкальской рыбы. По этим же причинам сюда стекалось население курумчинской культуры, а обилие стоябищ обусловлено сезонными перемещениями их семей. В удобных и приспособленных для пастьбы скота берегах байкальских бухт могли размещаться летники с жилищами и хозяйственными сооружениями, а в труднодоступные места отправлялись только лишь для ловли рыбы или охоты на нерпу.

На данных стоянках не фиксируется культурный слой или же он очень незначителен. Основным материалом, происходящим с этих стоянок, являются кости животных, керамика, ножи, наконечники стрел, предметы рыболовства. Отсутствие культурного слоя и следов постоянных жилищ на стоянках позволяет считать их временными сезонными стоябищами.

Наряду с обычными летниками, существовали, видимо, и специализированные стоябища. Одним из наиболее исследованных памятни-

ков этого типа является поселение в устье реки Белой. Эта стоянка исследовалась в различные годы А. П. Окладниковым, М. М. Герасимовым, Л. Я. Крижевской, Н. Н. Гуриной и другими археологами (Крижевская, 1957; Крижевская, Окладников, 1959; Свинин, Медведев, 1959).

Первый культурный горизонт, относящийся к курыканам, занимает площадь не более 2500 м². Большая часть находок тяготеет к береговой полосе и в глубине террасы не прослеживается. Практически на всех раскопах под дерном залегают черепки, кости животных и шлаки. Культурный слой эпохи железа частично смешан с предметами неолита. По отчету А. П. Окладникова, среди обломков керамики встречены фрагменты сильно обожженной и ошлакованной трубки-сопла диаметром около 5 см, являвшейся принадлежностью горна. Рядом были найдены и обломки самого горна, оплавленные толстые черепки. Также на стоянке обнаружено обилие шлаков. Остатки разрушенного железоделательного горна, крицы и шлаки встречены в раскопах М. М. Герасимова. Работами Л. Я. Крижевской найдены новые свидетельства железоплавильного производства: железные шлаки, небольшой глиняный льячек, гранитный молот для дробления руды.

Л. Я. Крижевской в курыканском слое зафиксировано два очага, выложенных из каменных плит; один очаг имел четырехугольную форму. Также расчищена яма круглой формы диаметром 0,6 м и глубиной 0,85 м. До самого основания яма была заполнена костями, среди костей встречены фрагменты керамики.

Основной находкой на стойбище является керамика; она принадлежит толстостенным сосудам, с внутренней стороны на многих черепках следы нагара, венчик сосудов незначительно отогнут наружу. Орнаментирована керамика налепным валиком, горизонтально опоясывающим сосуд; в ряде случаев валик рассечен насечками, которые иногда украшают и край венчика; по верхней части тулова сосуда под венчиком бывают нанесены резные линии в виде арок, зигзагов или треугольников. Кроме керамики, на раскопах найдены два костяных наконечника стрелы и один железный наконечник, уплощенный, с гранью посередине пера, костяная круглая пуговица с железной заклепкой в центре, пряжка для ремня и кованый гвоздь.

Таким образом, есть определенные основания считать стойбище в Усть-Белой временным поселением рудокопов и плавильщиков. По материалам Я. И. Сунчугашева, подобного типа поселения были распространены у древних металлургов Хакасско-Минусинской котловины (Сунчугашев, 1975. С. 71).

2. Могилы и погребальный обряд

В литературе распространено мнение, считающее, что население курумчинской культуры практиковало обряд трупосожжения на стороне с последующим захоронением остатков кремации под шатровыми сооружениями. С течением времени накапливались новые материалы, позволяющие связывать с курыканами иные погребальные памятники (рис. 20). Одно погребение по обряду трупоположения исследовалось П. П. Хороших в 1962 г. в Иркутске, его случайно обнаружили при проведении строительных работ. Погребение было частично разрушено, но тем не менее зафиксировано, что погребенный лежал на левом боку скорченно, ориентированный головой на СВ. В отчете, наряду с описанием положения погребенного, приводятся рисунки вещей, найденных с ним. П. П. Хороших датировал погребение тюркским временем и предположил, что так как погребение попадает в хронологические рамки существования курыканского союза, то его следует считать захоронением курыканского воина (Хороших, 1962). Материалы погребения остались неопубликованными.

В эти же годы средневековые погребения на восточном побережье Байкала исследовались Е. А. Хамзиной, которая, продолжая систематизацию Г. П. Сосновского по средневековой Забайкалья, разделила все имеющиеся памятники на три типа: 1. Хойцегорский (VII—X вв.); 2. Тапхарский (X—XIII вв.); 3. Саянтуйский (XIII—XIV вв.) (Хамзина, 1970. С. 82). Памятники Тапхар-V, Тапхар-VI, Баянгол и Телятниково отличались от выделенных Г. П. Сосновским основных типов погребений, характерных для Западного Забайкалья. Это различие было отмечено Е. А. Хамзиной введением трех территориальных групп в хойцегорскую стадию: южной, центральной и северной, где центральная (поминальный комплекс Тапхар-V) и северная (Баянгольский могильник) являются собственно курумчинскими памятниками.

Погребения могильников Тапхар-VI (Т.-VI)* и Телятниково (Тел.) Е. А. Хамзиной были выделены в промежуточный тапхарский этап, или тип, который датировался X—XIII вв. н. э. На всех этих памятниках наблюдались общие черты, "все они принадлежат родственным племенам, которые можно объединить в культуру курыканского типа" (Хамзина, 1970. С. 123). Но объединения однокультурных памятников произведено не было, и Е. А. Хамзина, подчеркивая своеобразие этих погребений, тем не менее не решилась вычленить их из схемы Г. П. Сосновского, опирающейся, как уже указывалось, на материалы, происходившие из южных районов Западного Забайкалья.

* Сокращенное наименование памятника.

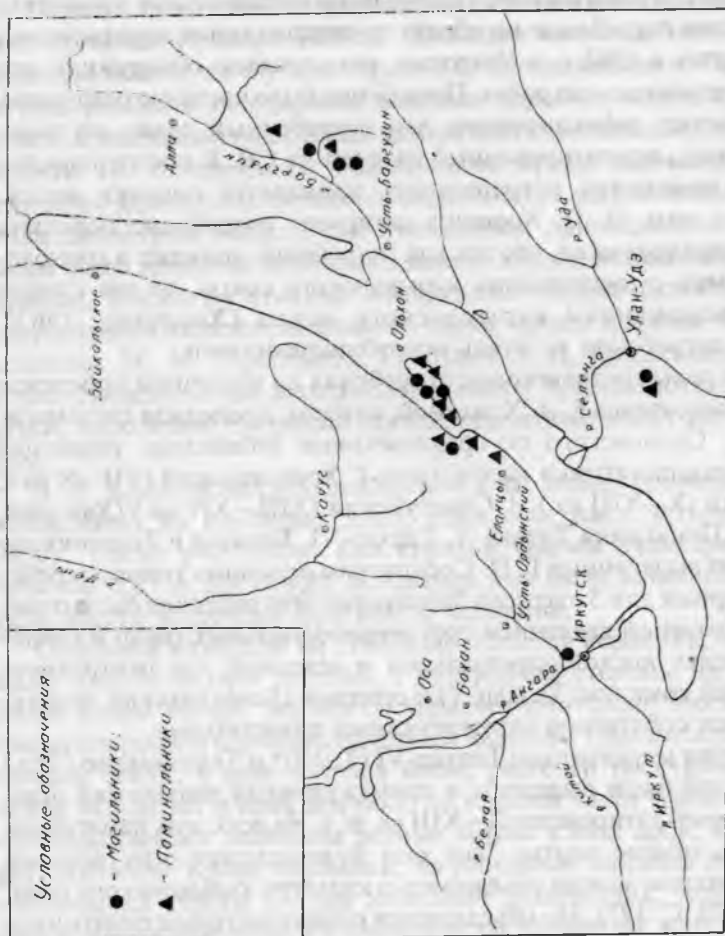

Рис. 20. Карта распространения могильников и поминальных курумчинской культуры

Нами была дана аргументация выделения историко-культурной области Байкальской Сибири и определены ее границы, которые включают также восточное побережье озера Байкал (Баргузинскую долину, низовье реки Селенги). Памятники Тапхар-VI, Баянгол и Телятниково входят в историко-культурную область Байкальской Сибири как территориально, так и, это самое главное, своими этнокультурными характеристиками, что позволяет рассматривать их в русле эволюции байкальского историко-культурного комплекса.

На западном побережье Байкала в 1969 г. В. В. Свининым был открыт, а впоследствии исследован погребально-поминальный памятник Харанса-I (Х.-I), где наряду с поминальными сооружениями было раскопано и 11 погребений по обряду трупоположения. В некоторых могилах была найдена курумчинская керамика. В дальнейшем эти погребения, а также могильник Харанса-II М. А. Зайцевым были отнесены к курумчинской культуре, но уже с ранне-монгольским влиянием, и датированы X—XI вв. н. э. (1989. С. 10). В 1983 г. нами совместно с М. А. Зайцевым было исследовано отдельное разрушенное погребение на поминальнике Куркут-I, которое М. А. Зайцев датировал IX—X вв. н. э. и отнес к курумчинской культуре (1989. С. 11).

В Приольхонье И. В. Асеевым раскапывались погребения Куркутский комплекс-II-18, 19 (К. к.-II-18, 19), Ольхон-3 (О.-3). В погребениях Куркутский комплекс-II-18 и Ольхон-3 была найдена курумчинская керамика, что позволило исследователю связать их с курыканами (1980. С. 132, 134). А 3 погребения (Куркутский комплекс-I-133, Куркутский комплекс-II-4, 19) ввиду их новизны и необычности по сравнению с ранее известными материалами были отнесены к пришлым племенам (Асеев, 1980. С. 129).

В 1984 г. полевые исследования начал Байкальский отряд археологической экспедиции Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР под руководством автора. Основная задача заключалась в поиске и исследовании средневековых археологических памятников Байкальской Сибири с целью реконструкции основных этапов этнической истории бурятского и якутского народов.

В течение десяти полевых сезонов выявлено и раскопано несколько новых могильников как на западном (Черенхын-I, Куркут-II, Будун), так и на восточном побережьях озера Байкал (Бодон-I, Бодон-II, Хадын-Бор). Продолжены исследования на старых известных могильниках, подвергающихся уничтожению ветровой эрозией (Баянгол) (Дашибалов, 1986; 1987; 1988; 1991).

Новые материалы, полученные нашим отрядом, дают возможность полнее и конкретнее описать сами могилы и погребальный обряд населения курумчинской культуры и по-новому оценить погребальные памятники, известные из полевых работ предыдущих исследователей.

Все изученные погребения происходят из Приольхонья, Баргузинской долины и низовьев реки Селенги. Нам пока не известны погребальные памятники Тункинской долины, долины рек Ангары (кроме одного, случайно обнаруженного в Иркутске), Лены, хотя там и отмечены другие типы памятников курумчинской культуры.

В большинстве своем могильники и отдельные погребения курумчинской культуры располагаются на возвышенностях, южных склонах гор, в седловинах между скальными выходами. Все те места, которые курумчинцами выбирались в качестве могильников, использовались и ранее. На некоторых курумчинских памятниках (Куркут-II, Будун, Хадын-Бор) зафиксированы плиточные могилы раннего железного века, кроме того, имеются захоронения позднего средневековья. Большинство этих мест, по всей видимости, выделялось с глубокой древности, и всегда осознавались их сакральность и культовая значимость.

Все курумчинские погребения по наличию или отсутствию надмогильной конструкции делятся на две основные группы: курганные погребения, обозначенные на поверхности каменной насыпью (70 погребений), и грунтовые захоронения без надмогильной конструкции (39 погребений). Погребение, исследованное П. П. Хороших в Иркутске, было разрушено, и мы не можем отнести его к той или иной группе.

Погребения под каменными насыпями

Надмогильная конструкция выглядит в виде овальной кладки из камней. В пяти случаях (Ч.-I-37, К.-I-106, К.-II-8, К.к.-II-19, О.-3) насыпь имела прямоугольную форму. Наиболее крупные кладки длиной 5,5 м и шириной 3 м, а большинство кладок размерами 3х2 м. Кладки чаще всего однослойные, мощностью не более 20 см, и ориентированы длинной осью так же, как и могильные ямы, в основном по линии ЮЗ — СВ. В погребениях (К.к.-II-19 и Б.-I-23) ориентировка могильной ямы и надмогильной конструкции не совпадали. В 11 погребениях каменная насыпь была разрушена и представляла развал камней с бесформенным контуром, в семи погребениях могильника Тапхар-VI камни кладки отсутствовали, но, судя по описанию Е. А. Хамзиной, кладки ранее были (1970. С. 48). У

некоторых насыпей известны небольшие каменные выкладки, которые пристраивались к основной конструкции. В выкладках погребения Черенхын-I-37 зафиксировано кострище. Преобладают надмогильные насыпи без находок. Лишь в девяти кладках обнаружены отдельные угольки, под двумя насыпями расчищено мощное угольное пятно. В шести кладках найдены фрагменты курумчинской керамики. В двух известны находки ножей, в двух — обработанные небольшие камни, и под одной кладкой лежала железная цепь.

Форма могильной ямы в плане не всегда отчетливо просматривается. В 32 могилах ее можно считать овальной, в 21 погребении яма имеет прямоугольные очертания, у 14 могил о форме ямы судить трудно. Длина и ширина ямы колеблются от 0,3—0,5 до 0,7—2,5 м и зависят от возраста погребенного и формы трупоположения. Ямы детских погребений отличаются меньшими размерами, а ямы с вытянутыми на спине скелетами длиннее, чем со скорченными костяками. Глубина ям варьирует от 0,2 до 1,3 м. У подавляющего числа погребений она не больше 1 м. Небольшая глубина характерна для детских погребений. Дно ям ровное, горизонтальное.

В засыпке 13 ям встречались мелкие угольки, в засыпке одной ямы найдены косточки барана. Яма погребения Ольхон-3 была забутована камнями, а в яме погребения Куркутский комплекс-II-18 над костяком расчищен небольшой каменный ящик с фрагментами керамики внутри.

К конструктивным особенностям могильных ям следует отнести каменные перекрытия. Такие кладки-перекрытия отмечены в восьми погребениях. Камни кладки-перекрытия чаще всего не выходили за пределы могильной ямы. Под плитами перекрытия погребения Черенхын-I-40 расчищен железный нож.

В 54 случаях из 69 погребений поза умершего устанавливается. По этому признаку все захоронения делятся на 6 видов: 1) вытянутые на спине (25 погребений); 2) на правом боку с подогнутыми ногами (24 погребения); 3) на спине с подогнутыми и заваленными направо ногами (4 погребения); 4) вытянутые на правом боку (1 погребение); 5-й вид образуют погребения, в которых имеются отдельные кости скелетов, по которым невозможно восстановить форму трупоположения (11 погребений); 6) кенотафы, где кости умершего вовсе отсутствуют (4 погребения).

По способу оформления внутримогильной конструкции все погребения делятся нами на 8 типов. Рассмотрим каждый тип в отдельности.

Т и п 1. Погребенный заворачивался в берестяной пакет (19 погребений).

Захоронения этого типа исследованы на пяти могильниках: 7 погребений раскопано на могильнике Харанса-I, 4— Будун, 4— Бодон-II, 3— Харанса-II и одно — Куркутский комплекс-II. Преобладают захоронения 1-го вида — труположение, вытянутое на спине (17), из них два погребения (К. к.-II-18 и X.-I-28) являются взрослыми, остальные 15 погребений детские. Захоронений 2-го вида — труположение на правом боку с поджатыми ногами — всего 2 (Буд.-39, 43), и оба погребения являются детскими.

В целом погребения первого типа отличаются скромностью инвентаря. В восьми захоронениях не имеется находок. Фрагменты керамики присутствовали в двух погребениях. В пяти погребениях найдено по одному небольшому ножу, также найдены два колчана и два наконечника стрелы, один крюк для подвески колчана. В четырех погребениях присутствуют 30 бус (количество бусин в одном захоронении варьирует от 3 до 11). Известна также находка костяного игольника с двумя иглами и одной пряжкой без язычка.

Битые кости животных расчищены в четырех могилах, а в погребении Будун-41 в изголовье стояла нога барана, а у тазовых костей расчищен позвонок барана.

Т и п 2. Захоронение производилось в простой грунтовой яме (16 погребений).

Захоронения этого типа исследованы на семи могильниках: большая часть погребений (9) раскопана на могильнике Черенхын-I, 2 погребения — Куркут-II, по одному погребению — Ольхон-3, Харанса-I, Бодон-I и II, Тапхар-VI. Преобладают захоронения 2-го вида — труположение на правом боку с поджатыми ногами (10), известно два погребения кенотафа, без костей умершего, и в четырех погребениях анатомический порядок костей нарушен. Большая часть погребений является взрослыми (10), и лишь 4 захоронения можно считать детскими (Ч.-I-51, К.-II-15, Б.-II-1, Т.-VI-11).

Вещи бытового назначения представлены фрагментами от двух керамических сосудов и двумя целыми горшками, остатками берестяного туеска, шилом, восемью ножами, игольником с иглой и одним кочедыком (предмет для развязывания узлов). Также найдены: пара стремлян, 5 костяных наконечников стрел, один крючок для колчана. Предметы одежды и украшения: 7 пряжек, одна костяная застежка, одна бляшка, 8 колец (в двух погребениях по одному кольцу, в двух других — по два и четыре кольца), 3 височных кольца, 6 серег (по паре в каждом погребении), 182 бусины (количество бусин в одном погребении варьирует от 1 до 103). Культовые вещи: один колокольчик.

3 бубенчика, 2 астрагала, одна раковина каури. Совершенно без находок было одно детское захоронение (Б.-II-1). Кости животных найдены в одной могиле (Т.-VI-11).

Т и п 3. Захоронение производилось в колоде (10 погребений).

Погребения раскопаны на двух могильниках: 9 погребений — могильник Тапхар-VI и одно погребение — Бодон-I. Больше всего захоронений I-го вида — трупоположение, вытянутое на спине (5), имеется одно погребение (Т.-VI-19) на правом боку с подогнутыми ногами и одно погребение (Б.-I-23) на спине с подогнутыми и заваленными направо ногами, к 5-му виду (имеются отдельные кости скелетов) относятся 3 могилы. 7 погребений являются взрослыми (Т.-VI-3, 5, 7, 9, 13, 16, 19) и 3 могилы детскими (Б.-I-23, Т.-VI-1, 10).

В погребениях найдены: вещи бытового назначения (2 целых горшка и фрагменты керамики, одна деревянная чаша, 6 ножей, один игольник); предметы вооружения и конского снаряжения (13 наконечников, остатки двух луков и шести колчанов, один удила и 5 стремян); украшения и культовые предметы (одна бляшка и одна подвеска).

Кости животных присутствовали в пяти погребениях: в погребении Т.-VI-13 — захоронение барана, Т.-VI-5, 16 — ноги барана, Т.-VI-3 — кости лошади, Т.-VI-7 — кости животных.

Т и п 4. Захоронение производилось под деревянным перекрытием — настилом (6 погребений).

Погребения исследованы на двух могильниках: 4 погребения — могильник Бодон-I и 2 погребения — могильник Черенхын-I. Два погребения (Ч.-I-38, Б.-I-2) лежат на правом боку с подогнутыми ногами, одно погребение (Б.-I-20) — на спине с подогнутыми и заваленными направо ногами. К I-му виду относится погребение Буд.-44, 4-му — Б.-I-26 и 5-му виду — погребение Б.-I-29.

5 могил этого типа являются детскими (Буд.-44, Б.-I-21, 22, 26, 29) и 2 погребения взрослыми (Б.-I-20, Ч.-I-38).

Находки представлены: одним керамическим горшком, одной деревянной чашей, двумя шильями, двумя ножами, одним кочедыком, одним стремянем, одним седлом, пятью наконечниками стрел, остатками одного лука, одной пряжкой, одной застежкой, одной бляшкой, одной серьгой, девятью бусинами, одним астрагалом.

Т и п 5. Захоронение производилось под деревянной крышеобразной конструкцией (3 погребения).

Все 3 погребения исследованы на могильнике Бодон-I. 2 погребения лежат на правом боку с подогнутыми ногами (Б.-I-24, 25), и одно

погребение находится на спине с подогнутыми и заваленными направо ногами (Б.-I-28). Все погребения являются взрослыми.

Вещи бытового назначения представлены: одним керамическим горшком, одной деревянной чашей, тремя ножами, одним кочедыком; предметы конского снаряжения и вооружения — одними удилами, одним стремяном, одним седлом, пятью наконечниками стрел, остатками одного лука и одного колчана; предметы одежды и украшения — одной пряжкой, одной пуговицей и 35 бусинами. Культовые вещи — одним бронзовым колокольчиком.

Т и п 6. Захоронение производилось в деревянной раме (2 погребения).

Оба погребения раскопаны на двух могильниках (Харанса-I и Бодон-I). Вид 1 (труположение, вытянутое на спине) — одно погребение (Х.-I-21), вид 2 (на правом боку с подогнутыми ногами) — одно погребение (Б.-I-22). Погребение Х.-I-21 взрослое, а погребение Б.-I-22 детское.

В этих двух могилах найдены фрагменты керамики, деревянная посуда, две височные бляшки, одна железная пряжка и одна бусина.

Т и п 7. Захоронение производилось в деревянном гробу (2 погребения).

Оба погребения раскопаны на могильнике Тапхар-VI. Вид 1 (труположение, вытянутое на спине) — одно погребение (Т.-VI-15), оно является детским, а погребение (Т.-VI-21) относится к 5-му виду.

Находки вещей отсутствуют. Кости животных (ноги барана и жженные косточки) зафиксированы в могиле Тапхар-VI-21.

Т и п 8. Захоронение производилось в каменном ящике (11 погребений).

10 могил раскопано на могильнике Черенхын-I и одно погребение на памятнике Куркутский комплекс-II. Преобладают захоронения 2-го вида (на правом боку с подогнутыми ногами) — 7 погребений, в двух ящиках кости человека не обнаружены (Ч.-I-16, 33), а в двух могилах (Ч.-I-41, 13) найдены несколько косточек человека. 6 погребений являются взрослыми и 3 — детскими.

В погребениях найдены: вещи бытового назначения (3 шила, 10 ножей, один игольник, один оселок, один кочедык); предметы конского снаряжения и вооружения (одни удила, 2 стремени, 5 наконечников, 2 крюка для колчанов); предметы одежды и украшения (8 пряжек, одна костяная застежка, 5 колец, 3 серьги, 2 колта, 102 бусины в пяти могилах); культовые вещи (4 бубенчика, 2 колокольчика и одна подвеска).

Отдельно следует рассмотреть погребение Куркут-I-106, которое является наземным захоронением, перекрытым каменной насыпью. Кладка прямоугольной формы вплотную примыкала к скальному выходу, под камнями находилось потревоженное захоронение. Могильное пятно не прослеживается. Вероятная ориентировка погребенного на ЮЮВ. Находки: накладки лука, 4 костяных шила, фрагменты курумчинской керамики. Присутствуют кости животных (лошади?).

Грунтовые погребения

К грунтовым погребениям относятся 12 могил памятника Баянгол, три из них были изучены Е. А. Хамзиной, остальные раскопаны нами. Сложность восстановления погребального обряда на этом памятнике обусловлена значительной его разрушенностью. Предположение о том, что могильник является грунтовым, было высказано Е. А. Хамзиной (1970. С. 95). Наши наблюдения подтверждают это предположение. На площади могильника практически отсутствуют какие-либо камни, которые можно было бы связывать с надмогильными конструкциями. При этом не отмечено случая нарушения одного погребения другим. Очевидно, могилы как-то обозначались на поверхности, могла сооружаться грунтовая насыпь или же погребение устанавливалось по западине, образовавшейся от проседания земли в могильной яме. Грунтовым является Телятниковский могильник, где Е. А. Хамзиной было раскопано 25 погребений. Два погребения без надмогильной кладки исследованы на памятнике Харанса-I. Таким образом, всего известно 39 грунтовых могил.

Грунтовые захоронения, так же как и могилы под каменной насыпью, по способу оформления внутримогильной конструкции делятся на типы, а по положению (позе) умершего или же по наличию и отсутствию костей погребенного делятся на 6 видов.

Т и п 1. Погребенный заворачивался в берестяной пакет (одно погребение). Погребение Харанса-I-33, скелет взрослого человека, находки отсутствуют, зафиксирована нога барана.

Т и п 2. Захоронение производилось в простой грунтовой яме (14 погребений).

Захоронения этого типа исследованы на трех могильниках: больше всего погребений (8) раскопано на могильнике Телятниково, 5 — Баянгол, одно — Харанса-I. Преобладают захоронения I-го вида — труположение, вытянутое на спине (9), из них 6 погребений являются детскими. Весьма своеобразна поза погребенного в могиле Телятниково-21: умерший лежит на спине, одна нога вытянута, а вторая (правая)

нога согнута в колене. Захоронений 2-го вида (на правом боку с подогнутыми ногами) --2, также 2 погребения 3-го вида.

Вещи бытового назначения представлены фрагментами керамики, двумя горшками, тремя ножами, четырьмя пряжками, одним шилом и одной иглой. Также найдены 4 серьги, одна бляшка, одна подвеска, бусы.

В погребении Телятниково-17 расчищено захоронение барана, а в могиле Телятниково-4 найдены кости животных.

Т и п 3. Захоронение производилось в колоде (9 погребений). Все погребения раскопаны на Телятниковском могильнике. Больше всего захоронений 1-го вида — труположение, вытянутое на спине, имеется одно погребение — кенотаф (Телятниково-25). 3 погребения взрослые (Тел.-3, 10, 13), и 5 могил являются детскими (Тел.-1, 14, 16, 20, 24).

В трех погребениях найдены фрагменты курумчинской керамики, также известны находки трех ножей, одного шила, одного оселка, ножницы, один наконечник стрелы, бусины, два кольца, две серьги, одна подвеска.

Нога барана находилась в двух погребениях (Телятниково-3, 25), жженные кости животных в трех могилах.

Т и п 4. Захоронение производилось под деревянным перекрытием-настилом (2 погребения).

Оба погребения исследованы на могильнике Телятниково, умершие взрослые лежат вытянуто на спине, только в погребении Телятниково-22 одна нога погребенного (левая) согнута в колене.

В могиле Телятниково-9 найдены фрагменты керамики и жженные кости животных.

Т и п 5. Погребенные заставлялись поставленными под наклоном досками "за забором" (4 погребения). По нашему мнению, обычай захоронения "за забором" восходит к погребениям под крышеобразной конструкцией могильника Бодон-1 и может рассматриваться в одном с ними типологическом ряду.

Все 4 погребения исследованы на могильнике Телятниково. Надо отметить, что умершие в могилах № 1, 20 находились в колоде, которая затем заставлялась "забором". Погребенные в могилах № 2, 3 лежат вытянуто на спине (1-й вид). В погребении № 18 найдены фрагменты керамики, а в погребении № 2— бусы, 2 раковины каури и поставлена жертвенная нога барана. В могилах № 1, 20 находок нет.

Т и п 6. Захоронение производилось в деревянной раме (2 погребения).

Оба погребения раскопаны на могильнике Баянгол. Захоронение № 1 относится к 4-му виду и лежит вытянуто на правом боку, а захоронение № 10 — ко 2-му виду и лежит на правом боку с поджатыми ногами. Оба умерших взрослые.

Могилы богаты находками: керамический горшок, два ножа, две пряжки, один оселок, один кочедык, одни удила, два стремени, 25 наконечников стрел, бусы, одна серьга, одна височная подвеска.

Т и п 7. Захоронение производилось в деревянном гробу (4 погребения).

Все погребения раскопаны на могильнике Телятниково и принадлежат умершим взрослого возраста. Все 4 захоронения относятся к 1-му виду и лежат вытянуто на спине, в погребении № 23 одна нога (левая) согнута в колене.

В двух погребениях найдены фрагменты курумчинской керамики. Известны также находки трех ножей, ножниц, четырех наконечников стрел, остатки колчана, одного крюка для колчана, двух колец и двух серег.

В погребениях № 2, 11 найдены ноги барана и жженные кости животных, а в могиле № 11 были только жженные кости.

Каковы общие черты, позволяющие объединить рассмотренные выше погребения в единую культуру?

1. Основное значение для выделения погребений в одну археологическую культуру приобретают факты нахождения могильников с курумчинскими поминальниками. В 10 случаях (Черенхын-I, Бодон-I, II, Куркут-I, II, Куркутский комплекс-II, Будун, Харанса-I, II, Тапхар-VI) погребения находятся в непосредственной близости с поминальными памятниками. Из них 4 могильника образуют взаимосвязанный погребально-жертвенный комплекс (Харанса-I, Бодон-I, II, Будун) с курумчинскими поминальниками (рис. 21).

2. Находки керамики в погребениях в целом немногочисленны, но из 14 местонахождений, откуда происходят все проанализированные нами погребения, в девяти памятниках (Черенхын-I, Бодон-I, II, Куркутский комплекс-II, Ольхон-3, Харанса-I, Баянгол, Тапхар-VI, Телятниково) была обнаружена курумчинская керамика. Если рассматривать находки керамики по выделенным нами типам погребального обряда, то из имеющихся восьми типов керамика не найдена только в одном типе (погребения в каменных ящиках). Погребения в ящиках вместе с могилами в грунтовых ямах составляют единый памятник (Черенхын-I), а в погребениях в грунтовых ямах известны находки двух курумчинских горшков и отдельных фрагментов керамики. Кроме

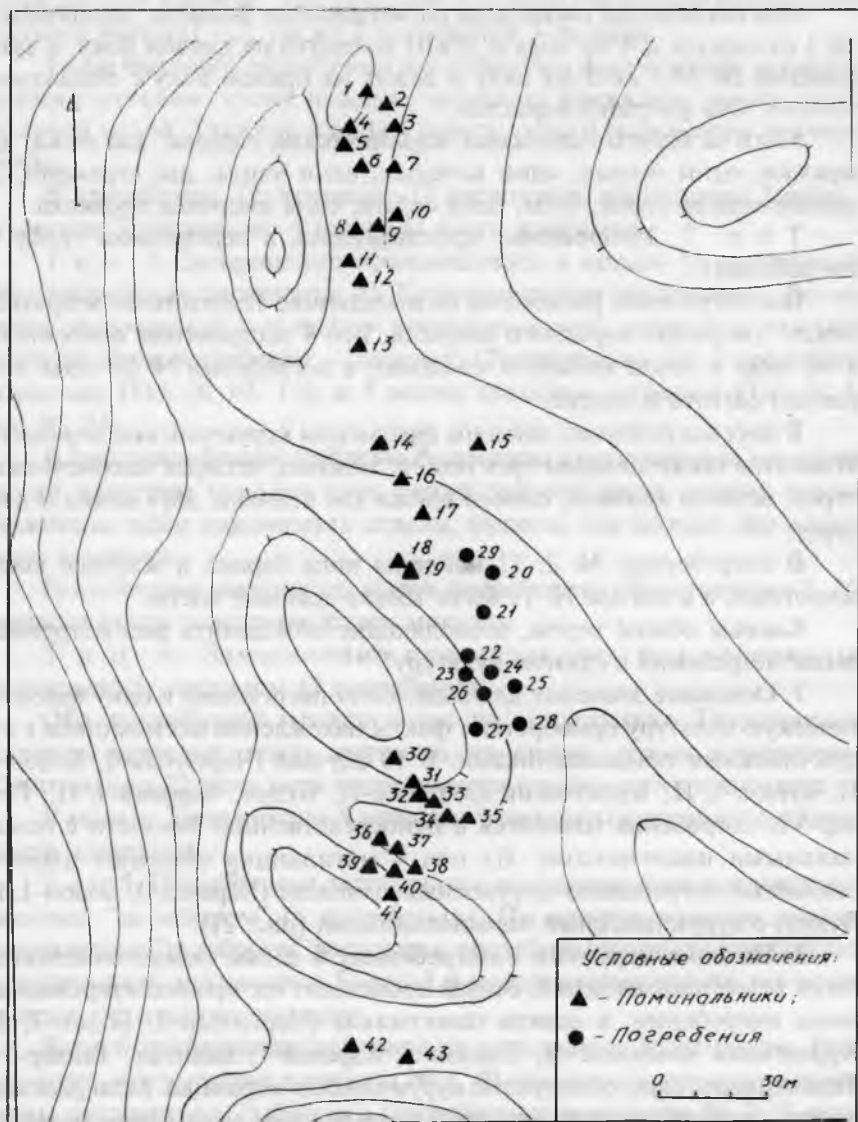

Рис. 21 План погребально-поминального комплекса Бодон-I

того, погребения в ящиках и грунтовых ямах могильника Черенхын-I объединяются и общими чертами обряда: надмогильная конструкция в виде каменной насыпи, одинаковая поза погребенного на правом боку с подогнутыми ногами и одинаковая ориентировка.

3. Если рассматривать погребения по способу положения умершего, то можно говорить о двух основных видах: 1-й — труположение, вытянутое на спине (51 погребение); 2-й — на правом боку с подогнутыми ногами (27 погребений). Как будет показано в дальнейшем, здесь мы имеем дело с причинами хронологического порядка. Все остальные виды погребений немногочисленны и, вероятно, объясняются социальными и половозрастными характеристиками.

4. Значительная часть погребений (68) имеет общую ориентировку на СВ (с сезонными отклонениями), на С ориентировано 9 могил, на В — 6 могил, на СЗ и ЮВВ — по одной могиле.

Рассмотрим погребальный обряд по могильникам. Большой интерес в этом плане представляют раскопанные нами памятники Черенхын-I и Бодон-I. Весьма важен могильник Харанса-I, исследованный В. В. Свининым и М. А. Зайцевым. Обряд могильников Тапхар-VI и Телятниково был изучен Е. А. Хамзиной, и я выделяю только отдельные и значимые для нас детали. Надо отметить, что именно эти могильники можно считать опорными при рассмотрении погребальных комплексов курумчинской культуры. Во-первых, все они исследованы почти полностью. Во-вторых, на этих памятниках количество погребений — наибольшее (от 10 до 25 могил), все остальные памятники или одиночные, или составляют группы не более пяти погребений. В-третьих, все типы погребального обряда и все виды труположений представлены на этих могильниках.

Могильник Черенхын-I (20 погребений). Здесь представлены 3 типа внутримогильных конструкций: в ямах — 9 могил, в ящиках — 10, под настилом — одна могила. Во всех типах, где поза умершего устанавливается, погребенные лежали на правом боку с поджатыми ногами и головой ориентировались в основном на СВ (13 могил). В обрядах второго типа (яма) имеется одно погребение-кенотаф, а девятого (ящик) — таких могил две. Во втором типе, наряду со взрослыми (5), присутствует и детская (1) могила, а среди погребений восьмого типа — 6 взрослых могил и 2 детских погребения. На плане погребения в ямах и ящиках на могильнике не отделяются, также не выделяются детские захоронения. Антропологические обмеры черепов из наших раскопок произведены А. И. Бураевым. В погребениях второго типа

(яма) определены две женские могилы (№ 40, 50) и одна мужская (№ 53). В погребениях восьмого типа (ящик) — одна мужская могила (№ 13). По погребальному инвентарю разделить мужские и женские погребения весьма сложно. Можно предположить, что погребения в ямах женские, так как большая часть украшений, посуда находятся в этих могилах, а погребения в ящиках мужские, хотя и там имеются украшения, правда, в меньшем количестве. При этом надо иметь в виду, что скелет в яме № 53 по обмерам определяется как мужской.

Погребально-поминальный комплекс Бодон-I (10 погребений и 29 поминальников). На 10 погребений выделяется 5 типов погребальных конструкций: тип 2 (яма) — погребение № 27; тип 3 (колода) — № 23; тип 4 (настил) — № 20, 21, 26, 29; тип 5 (крыша) — № 24, 25, 28; тип 6 (рама) — № 22. В девяти случаях поза умершего известна: 4 погребенных лежали на правом боку с поджатыми ногами; 4 — прямо на спине, ноги подогнуты и завалены направо; один — вытянуто на правом боку. Все погребения ориентированы головой на СВ. Половина могил (5) являлась детскими. Пол определен у четырех взрослых костяков: погребения в яме (№ 27), под настилом (№ 20) и под крышей (№ 25) являются мужскими, а погребение, также находящееся под крышей (№ 28), — женское. Так же как и на могильнике Черенхын-I, все погребения памятника Бодон-I (по типу погребальной конструкции, по форме трупоположения, полу и возрасту) не выделяются в отдельные планиграфические группы.

Погребально-поминальный комплекс Харанса-I (11 погребений и 18 поминальников). На памятнике раскопано 9 погребений под каменными насыпями и 2 грунтовые могилы. Нельзя исключать и вероятность того, что над грунтовыми могилами ранее могли находиться кладки. Всего выделяется 3 типа погребальных сооружений: тип 1 (берестяной пакет) — 8 погребений, тип 2 (яма) — 2 погребения и тип 3 (рама) — одно погребение. В 10 могилах умершие лежали вытянуто на спине, а могила № 10 являлась кенотафом; головой на СВ было ориентировано 5 могил, на В — 3 могилы. Преобладающую часть погребений на могильнике составляют детские могилы, которых 8, имеются и 2 взрослых погребения. Тот факт, что погребения в берестяных пакетах образуют детские могильники, подтверждается результатами раскопок детских могильников Будун и Бодон-II, где дети также хоронились отдельно от взрослых.

Могильник Тапхар-VI (12 погребений). Всего выделяется 3 типа погребальных конструкций: тип 2 (яма) — одно погребение, тип 3 (колода) — 9 погребений, тип 7 (гроб) — 2 погребения. В шести могилах

умершие лежат вытянуто на спине, а в погребении № 19 — на правом боку с подогнутыми ногами. Антропологические обмеры были произведены Н. Н. Мамоновой (1961). На могильнике 4 детских и 7 взрослых костяков, из них 5 мужских и одно женское погребение.

Грунтовый могильник Телятниково (25 погребений). Все могилы по погребальной конструкции разбиваются на 5 типов. Тип 2 (яма) — 8 погребений, из них 6 детских и 2 взрослых. Тип 3 (колода) — 9 погребений: 5 детских, 3 взрослых и один кенотаф. Тип 4 (настил) — 2 погребения, оба взрослых. Тип 5 ("забор") — 2 погребения, оба взрослых. Тип 7 (гроб) — 4 погребения, все взрослые. Все 24 костяка лежат вытянуто на спине, преобладает СВ ориентировка — 15 погребений, на С ориентированы 3 могилы. Три погребения отличаются от всех курумчинских могил СВ ориентировкой.

Анализ погребального обряда курумчинской культуры демонстрирует достаточное разнообразие типов внутримогильной конструкции, видов трупоположения погребенного и отчасти его ориентировки. Эти различия чаще всего объясняются причинами хронологического порядка, социальными и половозрастными характеристиками умерших. Также, очевидно, они связаны со сложностью этнического состава населения курумчинской культуры, его многокомпонентностью.

3. Поминальные сооружения, пещерные святилища и петроглифы

Поминальные сооружения

Среди памятников курумчинской культуры наиболее известными и изученными являются шатровые "могилы" (см. рис. 20). Данное определение (Мандельштам, 1974. С. 150) было связано с тем, что сооружения представляли конструкцию из каменных плит, поставленных на ребро под наклоном к центру, и этим они напоминали шатер. Рассматривать их как могилы впервые предложил Н. Н. Агапитов в 1881 г., когда он в местности Абазаев утug в Ольхонском крае исследовал 15 кладок в виде конуса или многогранной пирамиды. Н. Н. Агапитов в двух случаях обнаружил захоронения, а в остальных 13 кладках, кроме незначительного количества угля, жженных костей барана и черепков горшков, ничего не оказалось. На основании этого он предположил, что у народа, оставившего эти памятники, существовало два способа обращения с умершими: захоронение и сожжение на костре, причем сожжение производилось на стороне, так как углей в погребениях мало (Агапитов, 1881. С. 19).

В последующем шатровые сооружения исследовались Б. Э. Петри, который предполагал, что эти могилы оставлены народом, сменившим

культуру "курумчинских кузнецов" и жившим в позднюю железную эпоху (1928. С. 64, 68). Кладбищами "хара-монголов" называл шатровые памятники П. П. Хороших, раскопавший 8 сооружений в виде пирамид (1924. С. 20—23). При этом он обратил внимание на то, что ornamentация керамики из кладбищ "хара-монголов" имеет некоторое сходство с ornamentацией керамики "курумчинских кузнецов" (Хороших, 1924. С. 41).

А. П. Окладников, так же как Б. Э. Петри и П. П. Хороших, поддержал мнение Н. Н. Агапитова о сожжении на стороне с последующим захоронением остатков кремации под шатром, при этом он связывал шатровые могильники с курумчинской культурой и предположил, что памятники этой культуры оставлены народом, известным по тюркским надписям как курыканы (1948).

Значительное количество шатров было раскопано А. М. Мандельштамом и И. В. Асеевым, которые также придерживались мнения о связи их с обрядом кремации (Мандельштам, 1974; Асеев, 1980).

Похожие сооружения исследованы Г. П. Сосновским в 1929 г. в низовьях реки Селенги на сопке Тапхар (керамика (рис. 22) из этих раскопок хранится в фондах отдела истории первобытной культуры Эрмитажа). В 1954 г. Е. А. Хамзиной на этой же сопке было раскопано 16 кладок, которые своей формой напоминали шатровые "могилы", исследованные в Приольхонье (1970. С. 93). Памятник получил наименование Тапхар-V и был включен в группу памятников хойцегорского типа (Хамзина, 1970. С. 83). Л. Р. Кызласов, определив памят-

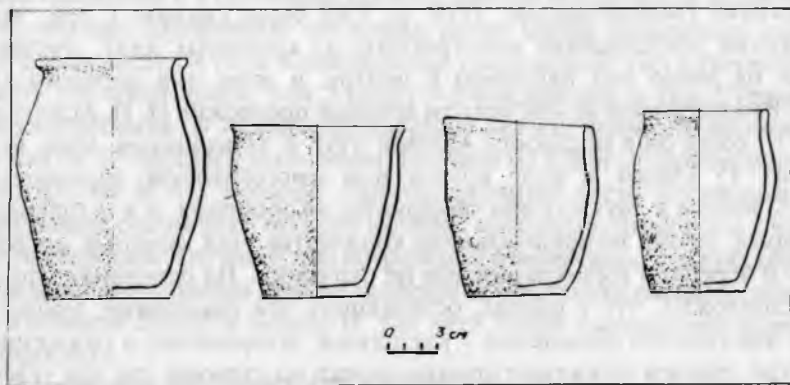

Рис. 22. Керамика из раскопок Г. П. Сосновского на сопке Тапхар

ник Тапхар-V как жертвенно-поминальный, отнес эти кладки также к хойцегорской культуре (1981. С. 60). В литературе уже отмечалась недостаточная убедительность выделения хойцегорской культуры в том понимании, какое в нее вкладывалось Е. А. Хамзиной (хойцегорский этап.— Б. Д.) и Л. Р. Кызласовым (Коновалов, 1989. С. 11). Памятник Тапхар-V территориально входит в Байкальскую историко-культурную область и по своим археологическим признакам (форма и конструкция насыпи, инвентарь) является шатровым поминальником курумчинской культуры.

В 70—80 гг. в Иркутском государственном университете активизируются исследования по средневековой археологии. В результате проведенных работ было поставлено под сомнение отнесение шатровых конструкций к могилам. В. В. Свининым и М. А. Зайцевым была предложена новая интерпретация и приведены доказательства сопоставимости их с этнографически зафиксированным у бурят и якутов обрядом захоронения постола (1982а).

Таким образом, имеются две точки зрения на шатровые сооружения: первая связывает их с обрядом трупосожжения, согласно второй — шатровые кладки сооружались при совершении обряда захоронения постола. По нашему мнению, шатровые сооружения следует рассматривать как поминальные памятники курумчинской культуры. Какие для этого у нас имеются основания?

Всего в Байкальской Сибири исследовано 542 жертвенно-поминальных сооружения (табл. 4). Общее количество нераскопанных памятников велико, в частности, в Приольхонье, но еще не закончена работа по картографированию и не произведен окончательный подсчет уже известных науке комплексов*.

Как правило, поминальники располагаются у подножия гор, в седловинах их южных склонов, чаще всего группами. Количество поминальников на одном памятнике может колебаться от 5—10 до 200 сооружений, отмечены и одиночные конструкции.

Впервые на различие в устройстве шатровых "могил" обратил внимание Н. Н. Агапитов: если кладки памятника Абазаев уту выполнены в виде пирамиды с внутренней полостью, то в кладках у Куркутского улуса плиты сложены ящиком с наклоненными четырьмя стенками (1881. С. 17, 18). Б. Э. Петри (1928. С. 68) и П. П. Хороших (1924. С. 23) отметили, что эти сооружения напоминают коническую юрту, сходство дополняется тем, что у каждой пирамидки имеется

* Имеются в виду шатровые конструкции, ярко выраженные и хорошо выделяющиеся среди других типов поминальников.

Сведения об исследованных поминальных сооружениях куруминской культуры в Байкальской Сибири

№ п/п	Памятник	Территория	Приотыхонье																	Всего
			Остров Ольхон	Прибайкалье	Восточное															
1	Нурэ		121																121	
2	Елгай																			
3	Хужир-III																			
4	Хужир-IV																			
5	Будун																			
6	Харанга-1																			
7	Абазан утук																			
8	Кукурт-1																			
9	Кукурт-II																			
10	Кукуртский комплекс-I																			
11	Кукуртский комплекс-II																			
12	Шинэ																			
13	Уларба-VI																			
14	Сархал-I																			
15	Хужир-Нуга-I																			
16	Черепихин-I, II																			
17	Арга-II, III																			
18	Танхар ?-V																			
19	Болои-I																			
20	Болои-II, III																			
21	Халдун-Бор																			
Всего			13	1	8	?	121	24	7	1	16	147	18	70	16	100	542			

входное отверстие, обращенное на юго-восток, как у современной бурятской юрты.

В дальнейшем это положение было воспринято А. П. Окладниковым (1948. С. 5) и затем перешло во многие современные исследования. Сотрудники Иркутской экспедиции ЛО ИА А. М. Мандельштам и В. С. Сорокин указывали, что мнение о наличии у шатра входа с юго-восточной стороны на исследованных ими памятниках (Нурэ, Куркут-I) не подтверждается (Мандельштам, 1974. С. 155; Грязнов, 1959. С. 113). Описания и чертежи, просмотренные нами по результатам работ И. В. Асеева, В. В. Свинина и М. А. Зайцева, наши полевые исследования шатровых кладок позволяют говорить об ошибочности обнаружения у них входа.

А. М. Мандельштам выделял в конструкции шатров плиты внешней обкладки и внутреннюю камеру прямоугольной или квадратной формы (1974. С. 151). Схожая характеристика дана М. А. Зайцевым, но у него внутренняя конструкция не имеет строгих геометрических форм (1989. С. 7). И. В. Асеев после исследования Куркутских комплексов в Приольхонье выделял 4 разновидности погребений: 1— шатровые с трупосожжением или трупоположением; 2— плоские с трупосожжением или трупоположением; 3— четырехугольные оградки с трупосожжением; 4— скальные с трупоположением. Эта типология основывалась на гипотезе о шатровых сооружениях как погребальных памятниках (Асеев, 1980. С. 13, 59).

Обобщив все сведения по исследованным поминальникам по форме и конструкции кладки, мы выделяем 4 основных типа (рис. 23).

Т и п 1. Шатровые — всего раскопано 306 шатров, что составляет 56% от общего числа поминальников. Кладка выполнена из камня-плитняка, плиты ставятся вертикально под наклоном к центру и образуют замкнутое конусовидное пространство (рис. 23, 1). Почти все шатровые комплексы изучены в Приольхонье, кроме памятника Тапхар-V, раскопанного Е. А. Хамзиной в долине реки Селенги. Внутренняя камера выделяется в том случае, если она выложена в виде оградки-ящика; известны 31 оградка-ящик из камня, 5— из дерева, 3— из коры. Пять внутренних камер-огражек памятника Куркут-I были ориентированы углами по сторонам света, а одна оградка (шатер 8) ориентирована сторонами. Всего оградки зафиксированы в 39 шатрах. Во всех остальных случаях внутренняя камера может быть выражена в виде пустоты, образовавшейся в центре кладки.

Т и п 2. Оградки — исследовано 43 оградки (8%). Кладка выложена из камня в виде квадратной или прямоугольной оградки, плиты могут

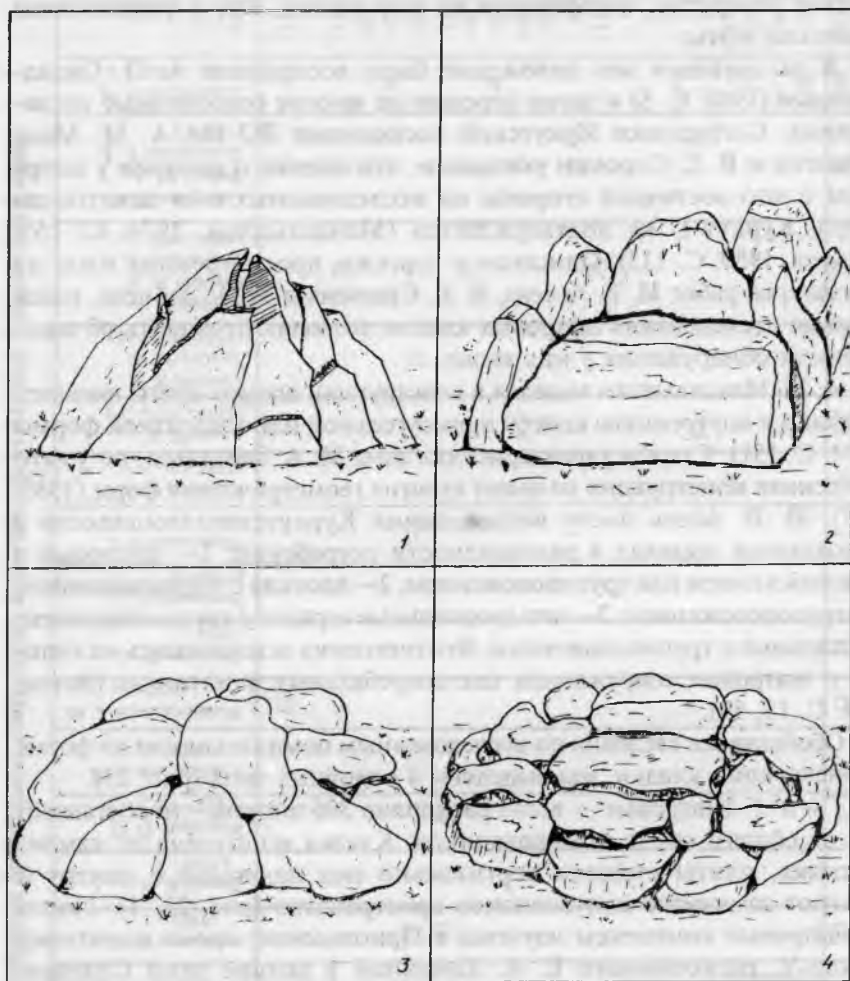

Рис. 23. Типы поминальных сооружений курумчинской культуры

быть слегка наклонены к центру, но они не смыкаются (рис. 23, 2). Это отличает их от шатров с внутренними оградками. Все оградки исследованы в Приольхонье, за исключением оградки 37 погребально-поминального комплекса Бодон-I, расположенного в долине реки Баргузин.

Т и п 3. Купольные — известно 43 кладки, что также составляет 8% от общего числа поминальников. Насыпь выложена из камней валунообразной формы, в отличие от камней-плит, используемых при сооружении шатров*. Принцип постановки камней вертикально с наклоном к центру сохраняется, но форма камня не позволяет создать шатер, и получается куполовидная конструкция (рис. 23, 3). Появление подобных кладок, по всей видимости, связано с особенностями структуры скальных выходов. К примеру, на побережье Куркутского и Мухорского заливов нет купольных кладок, но и камень, используемый при строительстве всех кладок, выламывается здесь в виде плит, а на памятниках Хужир-III или Бодон скальные выходы дают камень округлых валунообразных форм. Косвенное подтверждение этому предположению мы находим в том, что купольные и шатровые кладки не встречаются на одном памятнике.

Т и п 4. Плоские — всего выделено 150 кладок (28%). Кладки чаще всего округлой формы, камни положены на дневную поверхность широкой плоскостью, встречаются и на ребре под наклоном к центру, в разрезе кладка однослойная (рис. 23, 4). При этом надо учесть, что часть сооружений, отнесенная нами к плоским, вероятнее всего, является следствием разрушения шатров. На это указывают материалы Куркутских комплексов, где на некоторых плоских кладках отмечается наличие одной или двух плит, сохранивших свое первоначальное положение под наклоном к центру. С разрушением насыпей, видимо, связано и появление кольцеобразных плоских кладок. Тем не менее на ряде памятников (Хужир-III, Бодон, Хадын-Бор) наблюдаются плоские кладки, не подвергшиеся разрушению, и выделение плоских кладок в отдельный тип имеет основания.

Сосредоточение поминальников разных типов на одном памятнике (рис. 24), наличие общих элементов в конструкции (оградки в типах 1 и 2, вертикально поставленные камни с наклоном к центру во всех типах), единообразие находок (однотипная керамика, угли, кости), как, впрочем, и отсутствие находок — все это позволяет говорить об одной культурной традиции.

* Все три типа (шатровые, оградки, купольные) близки между собой и их можно было бы обозначить как шатровые. Вероятно, отражением этого взгляда является и выделение "малых шатровых" кладок (Бердникова и др., 1989. С. 73). Сюда, видимо, относятся купольные и плоские типы. Если обратиться к типологии тюркских оградок, то некоторые из них не имеют собственно оградок (основного признака) из-за отсутствия близости камней-плит. Исследователи, отмечая это своеобразие, не выделяют их в отдельный тип (Евтюхова, 1941. С. 131; Кубарев, 1979. С. 149).

Нами было подсчитано количество всех поминальников с находками (табл. 5). В 99 (19%) кладках из 504 попадают одиночные угольки. Лишь в 31 (6%) кладке из 504 обнаружены скопления углей и кострища, что позволяет говорить о прямой связи с огнем. Кости найдены в 36 (7%) кладках, жженые кости встречены всего в 34 (6%) сооружениях из 504. Кости из раскопок М. А. Зайцева были осмотрены палеонтологом Л. Н. Иваньевым, все они принадлежали животным, костей человека среди них не было (1989. С. 13). Фауна памятников (Будун, Хадын-Бор, Куркут-II), исследованных Байкальским отрядом Института общественных наук БНЦ, просмотрена антропологом А. И. Бураевым, который не выявил костей человека. Видовое определение костей животных было проделано А. В. Степановым. Чаще всего встречаются кости домашних животных (лошади, коровы, овцы), известны кости и диких животных (изюбря?, козы?), в поминальнике Хадын-Бор-6 найдена кость птицы (журавля?). И. В. Асеевым в шатрах 7 и 36 Куркутского комплекса-I отмечены находки костей рыбы (1980. С. 18, 22). В 198 сооружениях, что составляет 39% от общего числа, нет никаких находок. Полученные результаты ставят под сомнение правомерность вывода о связанности шатровых и других типов кладок с обрядом кремации.

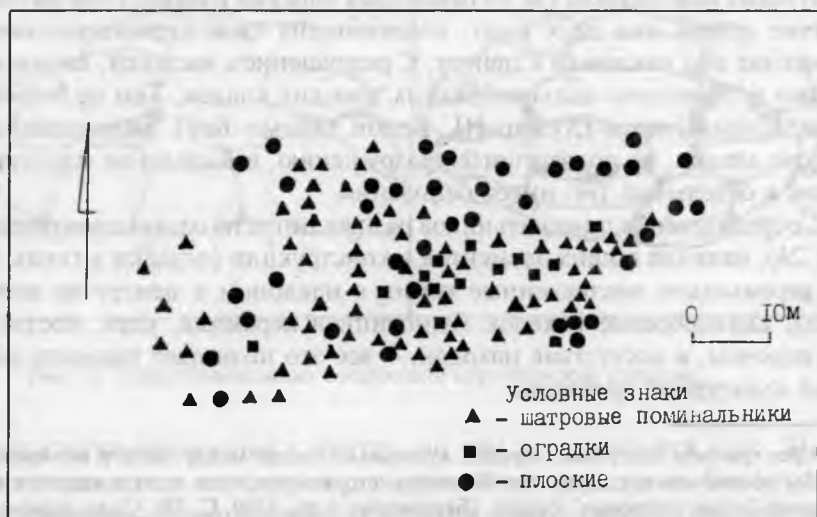

Рис 24 План памятника Куркутский комплекс-I (по И. В. Асееву). Типы поминальников обозначены нами

Сопоставление результатов раскопок жертвенных сооружений Байкальской Сибири с итогами исследований тюркских поминальных оградок выявляет много сходного. Довольно часто в оградках не бывает никаких находок, это же зафиксировано в шатровых и других типах кладок, в некоторых тюркских поминальных оградках иногда встречаются угольки или небольшие пятна золы, что также характерно для жертвенных комплексов курыкан.

Возможно, на семантическую и культурную близость указывают конструкции шатров с внутренними оградками, а также кладки в виде оградок — с оформлением тюркских поминальников также в виде оград. Надо отметить тот факт, что в тюркских оградках встречаются небольшие по размерам каменные ящики-жертвенники или просто ямки, в которых находятся вещи (Гаврилова, 1965. С. 16), такие же ящики и ямки с находками известны и в шатровых кладках (Асеев, 1980. С. 47). Вызывает большой интерес сопоставление одной детали в устройстве тюркских оградок и шатровых сооружений. В некоторых оградках зафиксированы остатки деревянных кольев и стволы деревьев (Кубарев, 1978); остатки деревянных колышков, стоящих вертикально, найдены в семи шатровых кладках и в одной курумчинской оградке; в шатре Куркутский комплекс-I-131 расчищен ствол дерева (Асеев, 1980. С. 40, 47). По мнению И. В. Асеева, они, возможно, служили опорными столбиками, на которые помещались кусочки коры или бересты, образующие погребальные камеры (1980. С. 47). Предположение о назначении кольев в тюркских оградках было высказано Л. Р. Кызласовым, он считал, что эти колья являются остатками шестов для вывешивания голов жертвенных животных (1969. С. 32). В дальнейшем эта идея нашла расширенную и яркую аргументацию в работах В. Д. Кубарева (1978). Не могут ли колья, найденные в шатрах, свидетельствовать о схожем ритуале, выполняемом и курыканами.

Зафиксировано несколько случаев, когда шатровые и другие типы курумчинских кладок располагались рядами: по линии ЮЗ — СВ вытянуты шатры 13—16 Куркутского комплекса-I; на памятнике Будун 6 кладок (№ 11—16) идут в ряд по линии СЗ — ЮВ; так же ориентированы кладки на поминально-погребальном комплексе Бодон-I (6 кладок, № 30—35) (см. рис. 21). Расстояние между шатрами обычно от 0,3 до 2—3 м. Надо отметить, что такие же ряды зафиксированы и у тюркских поминальных оградок, в частности, в некоторых случаях они бывают также вытянуты по линии ЮЗ — СВ и СЗ — ЮВ. Образование такой рядности, по всей видимости, связано с семейной

Находки в поминальниках керамики, костей животных, углей

№ п/п	Памятник	Остров Ольхон				
		Исследовано поминальников	Керамика			
			Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4
1	Нурэ	121	77	21		
2	Елгай	7	7			
3	Харанса-I	18			1	12
4	Хужир-III	23			1	
5	Будун	30			5	2
	Всего	199	84	21	7	14
Приольхонье						
1	Куркутский комплекс-I	131	25	2		6
2	Куркутский комплекс-II	14	4	1		1
3	Куркут-I	54	21	1		
4	Куркут-II	10	3			2
5	Анга-II	1	1			
6	Улярба-VI	13	6			
7	Хужир-Нуга-I	1				
8	Сарма-I	3	1			
9	Черенхын-II	4	1			
	Всего	231	62	4		9
Восточное Прибайкалье (низовья р. Селенги, долина р. Баргузин)						
1	Тапхар-V	16	11			
2	Бодон-I	29		1	6	5
3	Бодон-II	3				
4	Халын-Бор	18				7
	Всего	66	11	1	6	12
Общее количество по типам			157	26	13	35
Итого		496	231/45, 83*			
Общее количество учтенных** поминальников — 504/100						

* В числителе — количество, в знаменателе — %.

** Не учитывались памятники: Абазаев утук, Хужир-IV (из-за неполноты данных).

Таблица 5

(указывается не количество находок, а число поминальников с ними)

Остров Ольхон							
Кости				Жженые кости			
Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4
				7	2		
		2	2				2
		1	1				3
		3	5	7	2		5
9			Приольхонье				1
1			3	10			
6				9			
1							
1							
3							
1							
22			3	19			1
			Восточное Прибайкалье (низовья р. Селенги, долина р. Баргузин)				
			3				
			3				
22		3	11	26	2		6
36/7.14				34/6.74			

Общее количество поминальников с находками — 431/85, 51

№ п/п	Памятник	Остров Ольхон							
		Угли				Скопление углей, кострище			
		Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4
1	Нурэ	38	10			6	1		
2	Елгай								
3	Харанса-I				3				1
4	Хужир-III				5			3	3
5	Будун			3					3
	Всего	38	10	3	8	6	1	3	7
Приольхонье									
1	Куркутский комплекс-I	10	2		2	7	1		
2	Куркутский комплекс-II				2				
3	Куркут-I	7	1			3			
4	Куркут-II	1							
5	Анга-II	1							
6	Улярба-VI	9				3			
7	Хужир-Нуга-I	1							
8	Сарма-I	1							
9	Черенхын-II	1							
	Всего	31	3		4	13	1		
Восточное Прибайкалье (низовья р. Селенги, долина р. Баргузин)									
1	Тапхар-V	1							
2	Бодон-I								
3	Бодон-II				1				
4	Хадын-Бор								
	Всего	1			1				
Общее количество по типам		70	13	3	13	19	2	3	7
Итого		99/19, 64				31/6, 15			
Общее количество поминальников*** без находок — 198/39, 28									

*** Сюда входят памятники: Шидэ, Анга-III, Черенхын-III, Бодон-III (8 поминальников).

преимуществом совершения поминок в одном месте (Кызласов. 1969. С. 26, 182).

Наличие прямых соответствий в этих памятниках не случайно, оно может объясняться, вероятнее всего, сопоставимостью их функционального назначения. Поминальное назначение древнетюркских оградок убедительно доказано. С культом предков и ритуалом поминок связаны, видимо, шатровые и другие типы выделенных нами жертвенников. Еще одним дополнительным и веским фактом, подводящим нас к этой мысли, является исследование четырех погребально-поминальных комплексов, где могилы и жертвенники образуют единый ансамбль.

И. В. Асеев вслед за Н. Н. Агапитовым выделяет шатровые сооружения с трупоположениями. Так как проанализированный материал позволяет интерпретировать шатровые кладки как поминальные, то нахождение под шатрами умерших требует внимательного рассмотрения. Во всех 306 исследованных шатрах захоронений не производилось. Лишь под шестью конструкциями, которые рассматриваются как шатровые, Н. Н. Агапитовым (1881. С. 17) раскопано 2 погребения и И. В. Асеевым (1980. С. 128, 129) 4 погребения. По мнению М. А. Зайцева, связь шатровых кладок с обрядом трупоположения является, возможно, результатом наложения шатровых конструкций на плоские надмогильные кладки погребений (1989. С. 5). К сожалению, чертежи раскопок Н. Н. Агапитова неизвестны, верность суждения М. А. Зайцева подтверждают чертежи погребения Куркутский комплекс-II-2, где могильная яма расположена в стороне от центра шатровой конструкции (Асеев, 1980. С. 49. Рис. 34). Надмогильная кладка погребения Куркутский комплекс-II-19, скорее всего, не является шатровой; два камня, положенные на лежащую плиту, отчасти напоминают шатер, но все остальные плиты образуют горизонтальную вымостку (Асеев, 1980. С. 56). На то, что эти погребения, вероятнее всего, не связаны с шатровыми поминальниками, материал которых в основном относится к VIII—X вв. н. э., указывают хронология и погребальный обряд этих шести захоронений. Если рассматривать их датировку, то видно, что они значительно удалены друг от друга — от рубежа нашей эры (Куркутский комплекс-I-133, Куркутский комплекс-II-4) до первой половины II тыс. н. э. (Абазаев утг-I). Погребальный обряд также вариателен: три трупоположения на спине с разной ориентацией (В, В, З), три скорченных на правом боку погребения с ориентацией С, В, Ю. Все это позволяет воздержаться от прямого отождествления данных захоронений с шатровыми кладками.

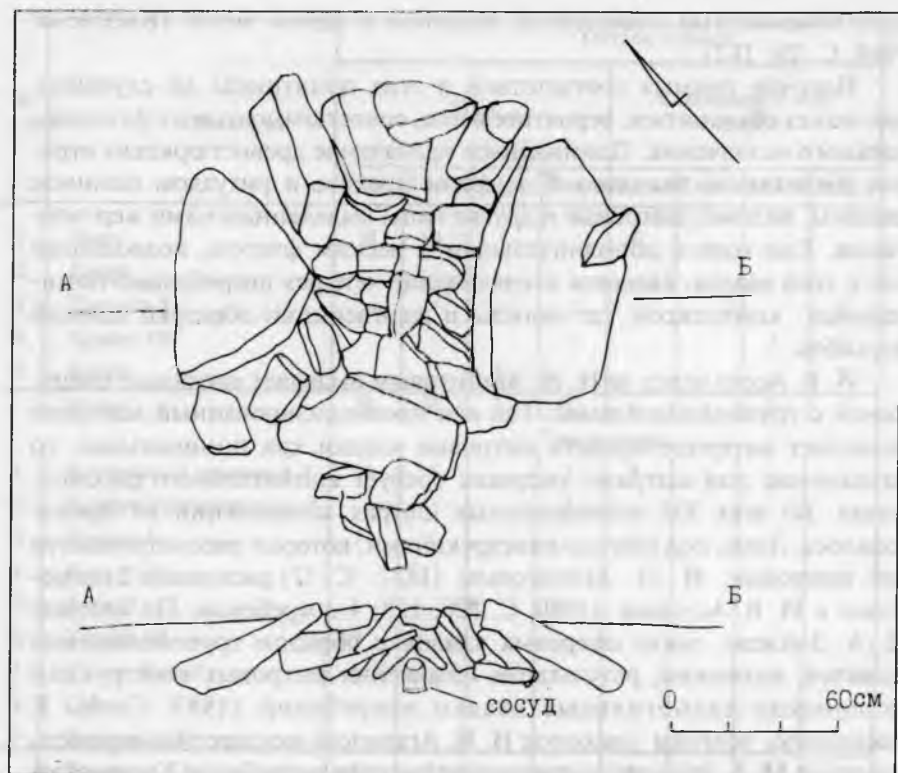

Рис. 25. Поминальник Куркут-II-19

Наиболее распространенными находками в курумчинских поминальниках являются фрагменты керамики. Керамика зафиксирована в 231 поминальнике (или в 45, 83%). Такое большое количество керамики является отличительной чертой прибайкальских поминальных сооружений, тогда как в тюркских оградках находки керамики незначительны. Наряду с фрагментами встречаются целые сосуды. Обычно бывает один сосуд, в ряде случаев перевернутый вверх дном (рис. 25), но на поминальном комплексе Тапхар-V под одним шатром было встречено 7 горшков (Хамзина, 1970. С. 43). В некоторых случаях фрагментированные горшки могут быть полностью реставрированы. На памятнике Будун (шатер 33) было замечено, что целый сосуд вначале разбили, а потом уже на битые черепки складывали камни шатра. Это можно заключить из того, что половина сосуда находилась под одним камнем, а вторая половина лежала под другой плитой.

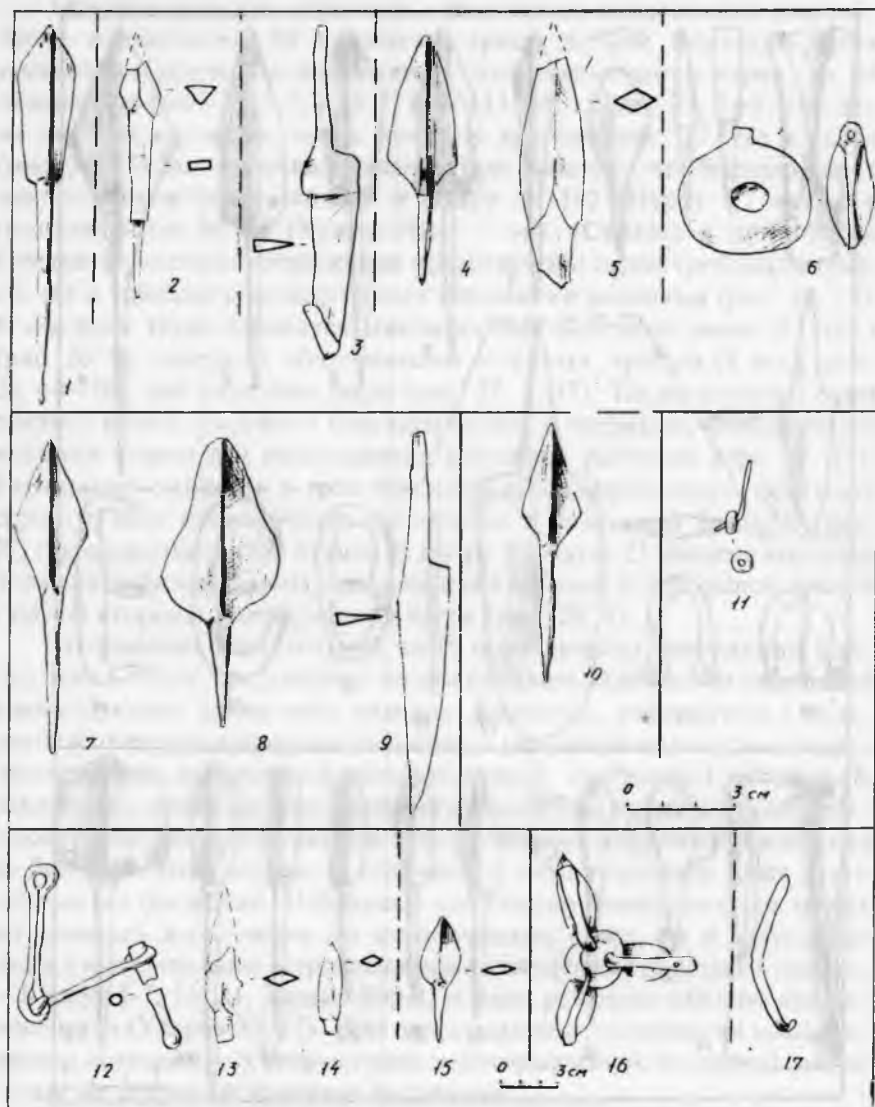

Рис. 26. Находки из поминальников: 1—6— Куркут-I; 7—9— Улярба-VI-12 (раскопки М. А. Зайцева и автора); 10— Хадын-Бор (раскопки автора); 11— Харанса-I-4 (раскопки В. В. Свирина и М. А. Зайцева); 12—15— Куркутский комплекс-II; 16, 17— Куркутский комплекс-I (раскопки И. В. Асеева)

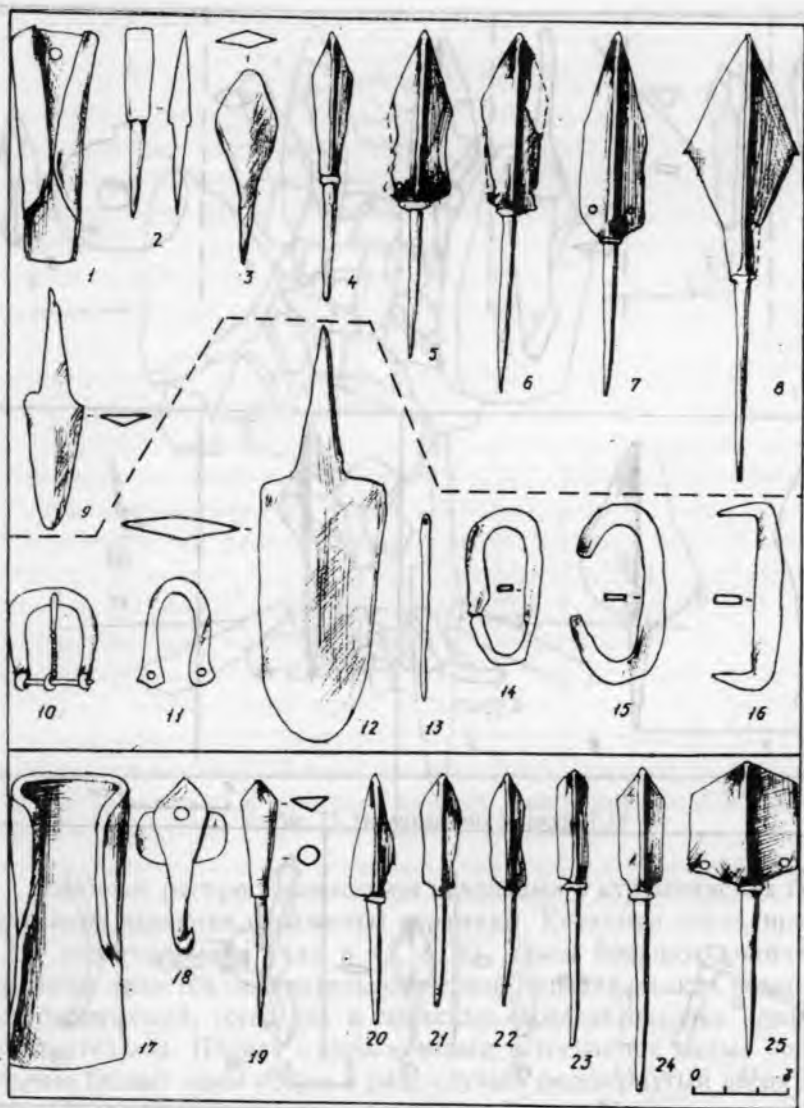

Рис. 27. Находки из поминальников: 1—16— Нурэ (раскопки А. М. Мандельштама);
17—25— Хужир-III (раскопки М. А. Зайцева и автора)

Общее количество инвентаря, найденного в поминальных сооружениях, насчитывает 59 предметов (рис. 26, 27). Большую часть составляют предметы вооружения: это наконечники стрел, их 24 экземпляра (рис. 26, 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 13, 14, 15; рис. 27, 2—8, 19—25), из них три костяных; также найдены крючок (рис. 27, 18) и скоба (рис. 26, 17) для подвески колчана. Надо отметить, что большая часть наконечников была найдена в шатре № 102 (Нурэ) — 7 экз. и в поминальнике № 18 (Хужир-III) — 7 экз. (Свинин и др., 1982а). Предметы конского снаряжения представлены парой тройников (рис. 26, 16) и удилами с двудырчатыми костяными псалиями (рис. 26, 12). К орудиям труда относятся миниатюрные железные ножи (13 экз.) (рис. 26, 9), нередко с обломанными остриями, кресала (8 экз.) (рис. 26, 14—16), два железных тесла (рис. 27, 1, 17). Также известен один предмет в виде широкого плоского лезвия с черенком, возможно, он является ножом для выкапывания корневищ растений (рис. 27, 12). Украшения найдены в трех поминальных сооружениях: фрагмент серьги в виде проволочного стерженька с маленькой бусиной (рис. 26, 11), одна стеклянная бусина. В шатре Куркут-I-23 найдена костяная подвеска округлой формы, линзовидная в сечении, с небольшой лункой с одной стороны в центральной части (рис. 26, 6).

Датирование значительной части поминальных сооружений Байкальской Сибири представляет весьма сложную задачу из-за отсутствия в конструкциях каких-либо находок. Керамику, имеющуюся в большинстве поминальников, по аналогиям с керамикой из соседних территорий, можно датировать в пределах второй половины I тыс. н. э. К сожалению, эволюционно-хронологический ряд курумчинской керамики трудно выстроить, так как в датированных погребениях известно не более десяти сосудов, а керамика в поминальниках чаще всего встречается без вещей. Небольшое количество поминальников может датироваться в основном по наконечникам стрел, но и здесь надо иметь в виду, что чаще встречается один наконечник (в четырех случаях — Куркут-I-7, 16, 21, Хадын-Бор-I) и один раз было найдено два наконечника (Улярба-VI-12). При столь редкой встречаемости наконечников в поминальных сооружениях некоторые из наконечников имеют к тому же широкий диапазон бытования.

Материалы для узкой хронологии дают только 2 поминальника из 542 сооружений. Это — Нурэ-102 и Хужир-III-18. В Нурэ-102 найдено 7 наконечников стрел (рис. 27, 2—8). А. М. Мандельштам датировал этот комплекс VIII—IX вв. н. э., по аналогиям с наконечниками могильника Капчалы-II, где имелись монеты IX в. н. э. Этим же временем определялись и хронологические рамки всего

памятника (Мандельштам, 1974 С. 154). Время сооружения второго поминальника — Хужир-III-18, где также найдено 7 наконечников (рис. 27, 19—25), было отнесено к IX—X вв. н. э. (Свинин и др., 1982, С. 126). В дальнейшем М. А. Зайцев связывал с этим временем все исследованные поминальники (1989. С. 15).

Оба поминальника близки по составу инвентаря, сопоставимы и отдельные наконечники. Так как из всех поминальников только Нурэ-102 и Хужир-III-18 имеют относительно твердые даты и обе они приходятся на конец I тыс. н. э., можно было бы согласиться с мнением М. А. Зайцева. К тому же к IX—X вв. н. э. можно отнести отдельные наконечники стрел, найденные в трех поминальниках: Улярба-VI-12 (рис. 26, 7, 8), Куркут-I-7 (рис. 26, 1), Куркут-I-21 (рис. 26, 4).

Вызывают некоторые сомнения находки наконечников довольно редких типов — листовидных по форме пера с уплощенным ромбическим сечением. Один из них найден в поминальнике Куркутский комплекс-II-10 (рис. 26, 15), второй — Нурэ-102 (рис. 27, 3). Надо отметить, что похожие наконечники имеются в приамурских памятниках XI—XII вв. н. э. (Медведев, 1977. Табл. XL1, 15), там же найдены и кресала скобковидной формы (Там же. Табл. XXXVIII, 1—5), которые также присутствуют в комплексе Нурэ-102 (рис. 26, 16). Следует иметь в виду и то обстоятельство, что наконечники поминальника Нурэ-102 крупные по размерам с расширенными лопастями; эти черты характерны для трехлопастных наконечников уже начала II тыс. н. э. Все это позволяет говорить о несколько поздней дате Нурэ-102 по сравнению с Хужир-III-18.

До появления более веских оснований вопрос передатировки Нурэ-102 к началу II тыс. надо, видимо, оставить открытым, но учитывать эти, пока еще слабо выраженные различия необходимо.

Еще одним аргументом в пользу датировки части поминальников XI—XII вв. служит погребально-поминальный памятник Харанса-I, где погребения и поминальники составляют единый взаимосвязанный комплекс. Погребения Харанса-I датируются началом II тыс. н. э. (Зайцев, 1989. С. 10), к этому же времени можно отнести и поминальные сооружения; хронологический разрыв между могилом и поминальником вряд ли мог составлять значительный промежуток. О существовании поминальников в первой половине II тыс. н. э. говорит факт наложения шатровой конструкции на памятнике Абазаев утук (Агапитов, 1881. С. 17) на погребение, материал которого относится уже к XI—XII вв.

И. В. Асеев по найденным в шатре Куркутский комплекс-II-6 удилам с костяными двудырчатыми псалями (рис. 26, 12) отнес наиболее ранние шатры к VI в. н. э., хотя он и указал, что данный тип

удил бытует на протяжении всего I тыс. н. э. (Асеев, 1980. С. 129). Против такого датирования (VI в. н. э.) возражал М. А. Зайцев, предложивший узкие хронологические рамки бытования поминальных сооружений, ограничивая их IX—X вв. н. э. (1989. С. 15). Удила с двудырчатыми псалиями получили широкое распространение в VI—VII вв. н. э. (Могильников, 1981. С. 32), чаще всего они встречаются в ранних памятниках, и датировка ряда поминальников VI—VII вв. н. э. имеет под собой основания. Подтверждает это и находка небольшого удлинненно-ромбовидного по форме пера и трехлопастного в сечении наконечника из поминальника Хадын-Бор-I (рис. 26, 10). Подобные наконечники датируются VI—VII вв. н. э. (Сорокин, 1956. Рис. 2, 8).

Таким образом, появление ранних поминальных жертвенников можно отнести к VI—VII вв. н. э. Наибольшее распространение поминальники получают в VIII—X вв. н. э., так как большинство вещей, происходящих из них, датируются этим временем. Поминальники, по-видимому, продолжали сооружать в XI—XII вв. н. э. и позднее. Пока какие-либо хронологические различия между отдельными типами — шатровыми, оградками, купольными и плоскими, не выявлены. В большинстве случаев поминальники разных типов находятся на одном памятнике: Куркутский комплекс-I (шатровые, оградки, плоские), Хужир-III (купольные, плоские), Бодон-I (купольные, плоские, оградка).

Какими же представлениями руководствовались курыканы, сооружая поминальники? Основа представлений, связанных с погребально-поминальной обрядностью, во многом общечеловеческая, и отражением этого являются сходные во многих случаях ритуалы и обычаи. Тем не менее мы видим большое разнообразие как в оформлении самого обряда в прощании с умершими, так и в последующих поминальных культах. Чтобы верно истолковать археологические свидетельства этих обрядов и значение предметов, найденных в поминальных памятниках, необходимо обратиться к этнографии, но этнография дает широкий спектр объяснений, которые в некоторых случаях могут даже противоречить друг другу. Появляется необходимость выработки принципов, по которым следует делать сопоставления. Принципы эти вырабатываются в археологии, и основное их содержание сводится к следующему: объяснимые явления должны принадлежать к одной культурной традиции, должна существовать непрерывность традиций; наиболее достоверна та интерпретация, которая является хронологически близкой к интерпретируемой; интерпретирующее и интерпретируемое должны соответствовать по содержанию (Евсюков, 1988. С. 30—33).

При археологическом исследовании жертвенно-поминальных памятников мы сталкиваемся с определенным архитектурным сооружением в виде шатра или каменной насыпи и набором вещей, который эпизодически повторяется в самих конструкциях. Каждый предмет, использовавшийся в обрядности, расположение предмета в сооружении, форма погребально-поминальной конструкции — все это является овеществленным выражением мировоззрения, в основе которого лежат мифологическое объяснение миропорядка и система правил его сохранения посредством ритуальных действий.

За последнее время появилось значительное количество работ, в которых рассматривается семантика традиционной культуры народов Южной Сибири и Центральной Азии (Галданова, 1987; Герасимова, 1989; Традиционное мировоззрение..., 1988). В своей реконструкции мы опирались на эти работы, но не ограничивали себя только Сибирью. В случае, если сходные явления были отмечены и в других, более отдаленных регионах, мы использовали и их. Все эти примеры показывают общность и взаимосвязь мировоззренческих представлений человечества в целом.

Если обратиться к самой конструкции поминального сооружения, то она сложена в виде конического шатра или овальной насыпи*. Похожие архитектурные сооружения (пирамида, арка) в мифологии связываются с идеей Мировой горы (Топоров, 1980. С. 314), и кладка поминального сооружения, по всей видимости, имитирует форму горы и перенимает ее особенности и структуру (Дашибалов, 1994). Гора во многих традиционных обществах воспринимается как образ мира, модель вселенной (Элиаде, 1987. С. 152—154). В хакасском фольклоре гора является прародительницей и одновременно центром, вбирающим в себя умерших (Кызласов, 1982. С. 88). В Китае похороны называли в народе "возвращением в гору", а посещение могил предков "поклонением горе" (Календарные обычаи и обряды..., 1985. С. 39). Универсальность этой идеи подкрепляется и тем, что могильники и поминальные сооружения курумчинской культуры, а также погребальные памятники во многих других регионах в большинстве своем расположены у подножия горы, там, где кончается мир живого человека и начинается мир предков, мир потусторонних существ. Именно на этой пограничной территории выполняется большинство культовых действий и обрядов.

* Следует отметить, что в виде пирамидки лепились из глины ца-ца — буддийский ритуальный символ тела умершего (Герасимова, 1989. С. 118—120).

Внутри шатров (Мировой горы) при раскопках находят керамику, угли, кости животных. В некоторых случаях целые сосуды, находимые в поминальных сооружениях, бывают перевернуты вверх дном (Дашибалов, 1993).

Перевернутые вверх дном сосуды известны в археологических памятниках угорского населения Западной Сибири. Здесь раскопаны небольшие курганы, где под насыпью находился вверх дном один или несколько сосудов, рядом лежат наконечники стрел и режы — другие предметы. В некоторых случаях зафиксированы остатки деревянных четырехугольных конструкций, возле двух сооружений сохранились деревянные идолы. В. И. Молодин считает их "иттерма" (1990). У хантов и манси "иттерма" являются вместилищами душ умерших и их почитание связывается с существовавшим у них культом предков (Соколова, 1990). Следовательно, эти памятники можно рассматривать как поминальные сооружения, и они (перевернутые сосуды, деревянная оградка, набор инвентаря) напоминают в чем-то поминальные кладки курумчинской культуры.

В этнографии сибирских народов перевернутый котел, перевернутая посуда сопричастны миру мертвых. В алтайском языке слово "комгер" ("комгор"), употребляемое в значении "вверх дном, опрокинувшись лежать" (о котле), является однокоренным со словом "ком" — зарывать, хоронить (Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 145). В обряде гадания якуты надевают на голову котел и обнимают коновязь (идея коновязи сопоставима с Мировым деревом, что также семантически близко идее Мировой горы). Слившись с коновязью, человек оказывается в сакральной точке, в "центре мира", которая кратчайшим путем связывает землю с иным миром, но для того, чтобы попасть туда, он должен находиться в состоянии временной смерти, то есть под котлом (Там же. С. 145—146). Таким образом, перевернутый сосуд под шатровой конструкцией (Мировой горой), вероятнее всего, связан с идеями проникновения в мир предков.

С. Ю. Неклюдов убедительно показал, что "оборотность" является характерным признаком потустороннего, хтонического мира и всякое преодоление рубежа (между реальным и ирреальным) сопровождается "оборотом" и "переворачиванием". Яркий пример — мотив поворачивающейся избушки бабы-яги (1979). Сюжеты с переворачиванием мы наблюдаем и в обряде гарил — жертвоприношение предкам в культе Чингис-хана, где исполнители ритуала садились в седло не с обычной стороны, а наоборот. и вставляли в стремя пятки, а не носки (Кьодо, 1993).

Отмечаются в поминальниках находки угольков и золы; по шорским и тувинским преданиям, пепел и сажа служат магическими средствами, делающими героя невидимым от злых сил. Герой шорского сказания "Картыга Перген" залезает под котел и под золу, что со стого сена, и там перерождается; котел и пепел приблизили его к миру предков и вновь явили на свет богатырем (Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 146).

Иногда горшок выступает как священный предмет, связанный с едой и благополучием, символ сытости и блага (Рыбаков, 1988. С. 76). Наличие фрагментов керамики и костей животных под поминальниками, возможно, также связано с идеей обеспечения благополучия и процветания рода, чему и должен был способствовать предок, кому все это предназначалось. Здесь нет противоречия с той функцией, которая отводилась перевернутому горшку и керамике ранее. Если рассматривать поминальные обряды в целом, то все они сводились к двум основным функциям: с одной стороны, умиловить предка, с другой — попросить предка оказывать помощь в социальной жизни своих сородичей.

Довольно распространенной находкой в поминальных сооружениях являются наконечники стрел. В двух случаях найдено по 7 стрел, нельзя не вспомнить о сакральности числа 7 (Элиаде, 1987. С. 159—163). Семантическое назначение стрелы в древних представлениях полифункционально (Герасимова, 1989. С. 225). Стрела в ряде случаев олицетворяла мужское начало, в древнем Китае стрела была необходимым атрибутом культа умерших — стрелы и лук хранились в корзинах предков. Также в Китае воины прижимали стрелы погибших к своим сердцам в надежде вернуть души погибших (Шишлина, 1987. С. 32). Весьма вероятно, что поминальные сооружения со стрелами предназначались предкам по мужской линии. Из всего комплекса поминальников можно выделить всего два сооружения, где найдены фрагмент серьги и бусина, что может являться свидетельством поминовения женщин (хотя серьги носили и мужчины). Надо отметить, что тюркские поминальные оградки сооружались только мужчинам и каменные изваяния изображают преимущественно воинов (Кызласов, 1969. С. 30, 183).

Интерпретация шатровых "могил" как сооружений, связанных с захоронением послета, предложенная В. В. Свининым и М. А. Зайцевым, основана на внешнем сходстве пирамидальной конструкции шатров и шалашиков, сооружаемых из лучинок и бересты у якутов (уруса) над послетом (1982а). Помещение послета в посуду, исполь-

зование сакральной силы огня (кресала, угли) — все это, казалось бы, находит аналогии в поминальных сооружениях. Рассмотренный выше материал позволяет поставить проблему в несколько ином ракурсе. Послед ребенка являлся его двойником, осуществлял защитные функции, в последе заключалась магическая сила, способная оберегать и хранить (Галданова, 1987. С. 45). Например, байты (западные монголы) "послед считают наравне с покойником и его похоронам придают большое значение" (Бурдуков, 1916. С. 84). Само оформление захоронения последа содержит много моментов, сопоставимых с обрядами захоронения умершего. В прошлом у бурят существовал обычай оставлять покойников в юрте со всем необходимым в иной жизни. Также юрта сооружалась и над последом (Галданова, 1987. С. 46).

Рождение и смерть человека в традиционном мировоззрении близкие и взаимосвязанные понятия. Ритуалы, связанные с захоронением последа, и ритуалы, связанные с погребально-поминальной обрядностью, выросли на сходной мировоззренческой основе, и внешнее оформление этих обрядов могло быть сходным. Именно этим, по нашему мнению, объясняется некоторая близость в обряде захоронения последа и в структуре поминальных сооружений.

Строительство поминальных конструкций из камней (иногда весом до 10 кг и более) требовало значительных физических усилий и могло быть выполнено только коллективом, а захоронение последа, как правило, осуществлялось самой женщиной или группой женщин (Слепцов, 1989. С. 94).

Наталкивает на размышления и географическое размещение поминальных сооружений. Из изученных 542 поминальников 468 (или 86,35%) находятся в Приольхонье, там же расположена основная часть известных, но не исследованных поминальников. Приольхонье непосредственно связано с озером Байкал, и поминальники, таким образом, сосредоточены на небольшой территории длиной не более 100 км, тянущейся узкой лентой вдоль побережья Байкала.

Высокая концентрация курумчинских поминальников вокруг острова Ольхон может свидетельствовать об общем культовом месте, где могли собираться представители различных родовых групп, объединяемые единым племенным сакральным центром. Обоожествляться мог и сам Байкал, на берегах которого проходила жизнь курумчинских племен. Материалы этнографии показывают, что, например, у бурят, наряду с существованием родовых, существовали и общеплеменные культы. Общеэхиритским являлся культ горы Байтог, куда на тайлаган-

жертвоприношение съезжались представители всех эхиритских родов (Михайлов, 1987. С. 30).

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном сюжете. Весь рассмотренный материал свидетельствует, что курумчинские поминальники имеют отношение к культу предков. Во многих традиционных обществах ритуалы почитания предков исполнялись во время смены одного годового цикла другим. Именно в это сакральное время души умерших приближаются к жилищам живых (Элиаде, 1987. С. 67). Новый год всегда являлся семейным праздником, соединявшим каждого человека с его живущими и умершими родными. С приходом предков в Новый год утверждалась неразрывная связь поколений (Календарные обычаи и обряды..., 1985. С. 8, 239).

Вполне возможно, что поминальники сооружались в дни новогодних празднеств. В китайских хрониках очень мало сведений о курыканах, затруднительно установить по летописям и календарные обряды годичного цикла древних тюрков. В нашем распоряжении имеются данные по средневековым монголам, указывающие на возможность поклонения предкам именно в Новый год. Китайский посол Чжао Хун, побывавший у монголов в 1221 г., сообщал: "По их обычаю, они каждый раз отсчитывают один год, когда зеленеют травы" (Мэн-да бэй-лу, 1975. С. 49). В "Сокровенном сказании" — источнике 1240 г. повествуется о том, что весной родственники отправились на кладбище в "Землю предков" и не позвали с собой Оэлун (мать Чингисхана) на обряд жертвоприношения предкам (Козин, 1941. § 70). В последующем празднование Нового года у монголов стало отмечаться осенью (Банзаров, 1955. С. 42).

Таким образом, этот материал позволяет допустить, что время сооружения курумчинских поминальников может быть связано с новогодними культами, которые проводились весной или осенью.

Конечно, наша реконструкция представлений, связанных с поминальными сооружениями, является не более чем гипотезой, возможны и другие объяснения. Но ставить эти проблемы и решать их необходимо, ибо задачи максимального изучения древних обществ не могут быть решены без всестороннего исследования и материальных свидетельств.

Пещерные святилища

Изучение байкальских пещер было начало П. А. Кропоткиным. В 1865 г. он осмотрел Кадилинскую пещеру, расположенную на западном побережье Байкала в пади Малая Кадильная. В ней П. А. Кропоткин нашел человеческие кости и отдельные черепа (Хороших, 1955. С. 18).

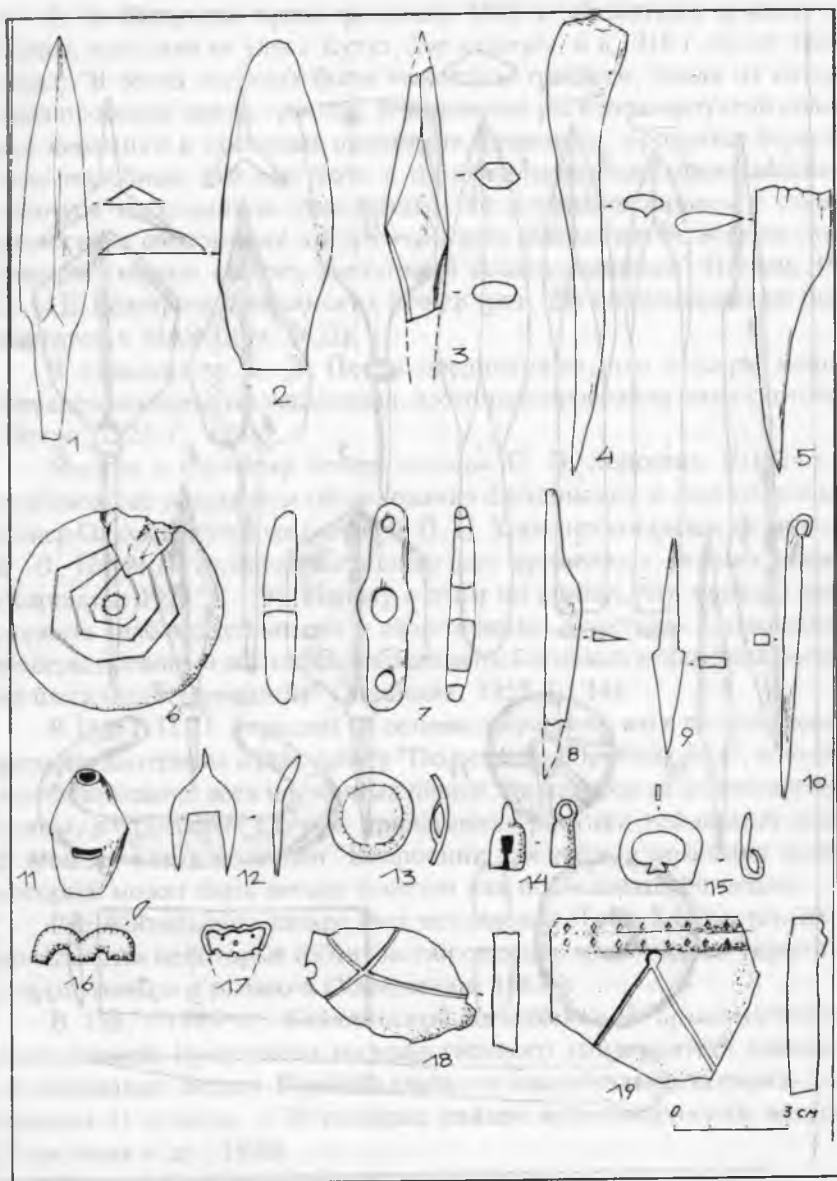

Рис. 28. Находки Байдинских пещер (раскопки Б. Э. Петри)

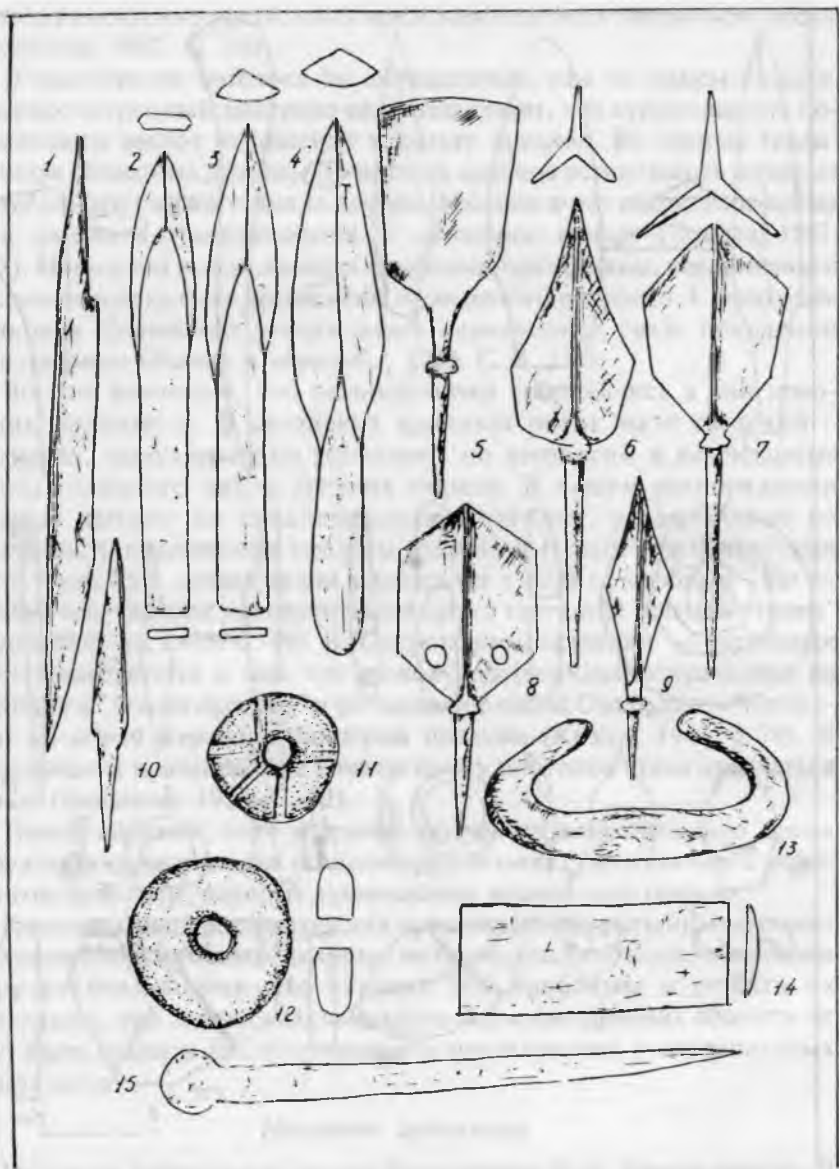

Рис 29 Находки из пещер (по П. П. Хороших)

Б. Э. Петри во время разведки 1913 г. обнаружил в местности Байды, недалеко от улуса Кутул, две пещеры, и в 1916 г. он их обследовал. "В обеих пещерах были выкопаны траншеи, земля из которых была просеяна сквозь грохоты. В результате раскопок получена коллекция керамики и костяных предметов, пряслицы, прошитая береста и тому подобное, что дает хотя и не исчерпывающее представление о культуре насельников этих пещер, но позволяет провести полную аналогию с раскопками в Курумчинском ведомстве. Во всяком случае пещеры можно считать достаточно исследованными" (Петри, 1916. С. 143). Материал Байдинских пещер (рис. 28) опубликован не был и хранится в МАЭ (кол. 2622).

В дальнейшем Б. Э. Петри предположил, что пещеры использовались как временные жилища, в которых проводили зиму скотоводы (Петри, 1923. С. 10).

Многое в изучении пещер сделано П. П. Хороших. В 1924 г. он опубликовал результаты обследования Байдинских и еще нескольких пещер Ольхонского края (рис. 29). П. П. Хороших согласился с мнением Б. Э. Петри о назначении пещер как временных зимних убежищ (Хороших, 1924. С. 19). Наряду с этим он считал, что пещеры могли служить "наблюдательными и сторожевыми пунктами. С площадки у пещеры древними обитателями подавались огневые и дымовые сигналы на ближайшие городища" (Хороших, 1955. С. 14).

В 1955 г. П. П. Хороших на основе собранного им в течение долгого времени материала издал работу "По пещерам Прибайкалья", в которой дается описание всех изученных пещер, на некоторые из них имеются планы, в отдельных случаях прилагаются рисунки найденных вещей. В этой же книге помещен "Вопросник для учета и описания пещер", который может быть весьма полезен для исследователей пещер.

Ряд байкальских пещер был исследован Л. П. Хлобыстиным; он полагал, что некоторые из них могли служить временными укрытиями для охотников и рыбаков (Хлобыстин, 1963а).

В 1987—1989 гг. Байкальской комплексной археологической экспедицией Иркутского государственного университета проведено обследование пещер Прибайкальского национального парка. Была изучена 41 пещера, в 20 пещерах найден археологический материал (Горюнова и др., 1990).

Из всего количества пещер с археологическими находками, известными в Байкальской Сибири, нами выделено 14 пещер. Инвентарь, найденный в них, прежде всего керамика, а также предметы, получившие распространение в курумчинской культуре, свидетельствуют о том,

что они посещались курумчинцами. Какова же могла быть цель этих визитов?

Картина средневекового быта, нарисованная Б. Э. Петри, — в пещере в зимние морозы, расположившись вокруг очага, "хорошо и безопасно было сидеть семье кочевника. в то время, как он сам со старшими сыновьями сторожил свои стада где-нибудь неподалеку" (1923. С. 10) — изображена ярко и образно, но, очевидно, не соответствует действительности. В пещере, конечно, мог укрыться и найти временное пристанище охотник или рыболов, то есть человек, не обремененный значительным скарбом. Провести же в пещере долгую сибирскую зиму, превратив ее в жилище, невозможно по многим причинам.

В изучаемое время хозяйство населения курумчинской культуры было достаточно сложным и, думается, что пещеры как жилища не смогли бы удовлетворить социально-экономические и культурно-бытовые потребности этого общества. Чаще всего пещеры расположены в труднодоступных местах на возвышенностях и отдельно стоящих скалах, куда даже добраться иногда весьма сложно, а жить там и обеспечить зимовку стада, своего основного богатства, представляется нереальным. Причем большинство пещер (Скрипер, Шаманская, Картухайская, Студеный Камень) вообще не пригодны для жизни и не могли быть обитаемы, так как это пещеры-щели или просто небольшие ниши, но и в них тем не менее находятся вещи, изготовленные людьми.

Очевидно, следует искать какие-то иные объяснения. Обращение к этнографическим материалам бурят и других народов позволяет предложить несколько иное решение этой проблемы.

При обследовании байкальских пещер П. П. Хороших выявил ряд существенных для понимания их назначения подробностей.

Местное население считает пещеры священными и скрывает их местонахождение. Буряты придают воде Байдинской пещеры целебные свойства и приносят "хозяину воды" жертвы (Хороших, 1924. С. 18). Г. Р. Галданова предполагает, что поклонение бурят пещерам есть отголосок культового отношения к Земле-матери, а пещера в их представлении является как бы материнским чревом или же женским детородным органом, и к ней обращались для получения дара чадородия. Так, имеется предание, рассказывающее о приезде хоринского тайши на остров Ольхон к Шаманской пещере с просьбой о рождении сына (Галданова, 1987. С. 27—28). О глубокой древности подобных представлений свидетельствует найденная Л. П. Хлобыстиным перед Малой Лударской пещерой на Северном Байкале фаллическая скульп-

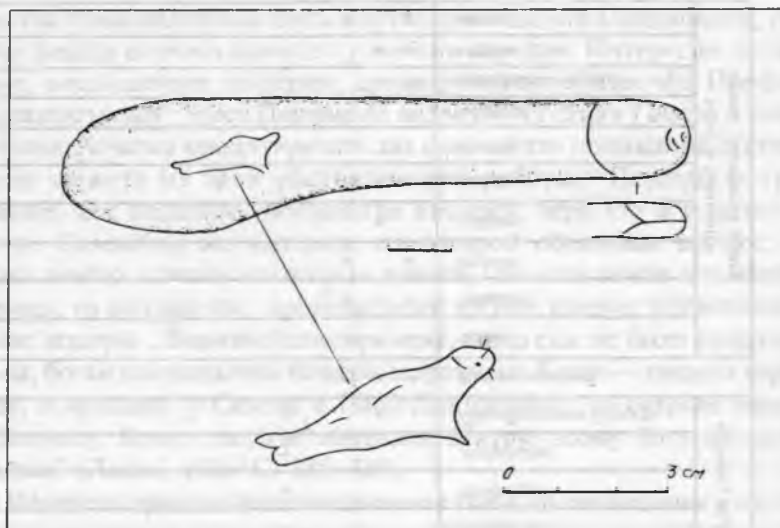

Рис. 30. Фаллическая скульптура с изображением нерпы (раскопки Л. П. Хлобыстина)

турка, сделанная из гальки (рис. 30). Эта фигурка была обнаружена вместе с черепками эпохи бронзы и раннего железного века (Хлобыстин, 1963. С. 13).

Изучение хакасского фольклора, проведенное И. Л. Кызласовым, выявило тесную связь между горой-прародительницей (гора-мать, гора — женское начало) и пещерой как ее частью. В этой же работе имеются сопоставления с западноевропейским материалом, где пещера также воспринималась в виде женщины или женского детородного органа (Кызласов, 1982. С. 87). Л. П. Потаповым приводятся четыре легенды о происхождении тюрков, и в трех из них появление вождя **тюрков** происходит в пещере, которая является хранильницей и прародительницей древнетюркского народа (1991. С. 80—81). Е. В. Баранникова, занимавшаяся проблемой генезиса бурятских сказок, предлагает рассматривать центральный персонаж сказки "Мухуруухай бухуу", женщину-хранильницу подземных сокровищ, которая возлежит посреди огромной пещеры, как Мать-Землю, волшебницу, дарительницу и советчицу честным и справедливым героям (1978. С. 105).

Итак, все изложенное позволяет видеть в прибайкальских пещерах культовые памятники и считать их святилищами курумчинской культуры, связанными, вероятнее всего, с культами Матери-земли, прародительницы рода, а археологические находки не что иное, как свиде-

Находки в пещерах

№	Наименование пещеры	Очаги, кострища	Плиты жертвенники	Предметы пооружения			Орудия труда и предметы быта					Другие находки				Кости домашних, диких животных и птиц													
				Наконечники стрел	Свинутники стрел	Колчан	Керамика	Ножи	Шитья	Пряслища	Осеки	"Подковки"	Правки	Пуговицы	Фаллическая скульптура	Повески	Накладки	Астралы	Обработанная береста	Кости человека	Быка	Лошадн	Кулана	кабана	марала	косули	медведя	северного оленя	нерпы
1	Скрипер								+										+		+	+						+	+
2	Капилисская-I			+			+	+		+																		+	+
3	Капилисская-II			+	+	+	+	+																					
4	Большая							+	+	+																			
5	Байдицкая		+				+	+	+	+																			
6	Байдицкая	+		+			+	+	+	+																			
7	Хурган			+	+	+	+	+		+															+				
8	Шаманская						+				+																		
9	Дударь																												
10	Большой-III			+			+	+	+	+																			
11	Батан																												
12	Каргудайская	+	+																										
	Студеный																												
	Камень	+																											

тельства произведенных здесь жертвоприношений (Дашибалов. 1992). Культ пещер широко известен у многих народов. Интересно исследование, посвященное пещерам, древнеримского философа Порфирия "О пещере нимф". Здесь Порфирий анализирует стихи Гомера о пещере на Итаке. Хочется процитировать два важных для понимания сущности пещер сюжета из этой обстоятельной работы. "Пещеры и гроты древние, как подобало, посвящали космосу, беря его и в целом и в частях. Символом же материи, из которой образован космос, они делали землю, почему некоторые думали, что если земля есть материя космоса, то сам космос, происшедший из нее, следует представлять в образе пещеры ... В древнейшие времена, когда еще не были придуманы храмы, богам посвящались пещеры и гроты: на Крите — пещера куретов Зевсу, в Аркадии — Селене и Пану Ликийскому, на острове Наксосе — Дионису. Всюду же, где почитали Митру, этому богу служили в пещерах" (Лосев, 1988. С. 385, 389).

Перечень археологических находок (табл. 6) сопоставим с предметами, известными из пещер-святилищ Урала и Западной Сибири (Канивец, 1964).

Материалы, полученные при обследовании пещер, позволяют в самом общем виде реконструировать обряды, которые связаны с пещерами. Набор предметов явно не случаен, ведь каждая вещь, кроме своего функционального назначения, несла и большую символическую наполненность, но какова их семантика — разрыв в традиции не позволяет полностью восстановить их содержание.

Очевидно, чаще всего жертвоприношения первоначально были коллективными. В дальнейшем развитие представлений о пещере как о прародительнице дополняется идеей о ее способности даровать потомство, что позволяет осуществлять и индивидуальные поклонения. При коллективных культах совершались кровавые жертвоприношения, и просьбы, связанные с ними, касались деятельности всего рода в целом. Индивидуальные дары были скромнее и беднее, и пожелания затрагивали чаяния отдельного человека. В качестве подношения могло быть принесено пряслице или фрагмент керамического сосуда. Керамика является наиболее распространенной находкой на святилищах, и ее роль в древности, наверное, можно сравнить с нынешним значением мелкой разменной монеты, которая всегда находится на многих современных культовых местах. Рассказывая о поминальных сооружениях, мы уже указывали на семантическую многозначность стрелы. В данном контексте, говоря о находках наконечников стрел и деталей луков, укажем на пример из этнографии манси, где по случаю рождения

мальчика приносили в жертву лук со стрелой (Гемуев, Сагалаев, 1986 С. 150). Найдены в пещерах и кости животных. Весьма сложно определить, каким временем датируются эти кости, ведь культ пещер в Байкальской Сибири, судя по находкам, имел место и в неолите. Преобладают кости диких животных, отчасти это может быть объяснено тем, что диких животных приносили в жертву более длительный период, тогда как домашние животные появились намного позднее.

В четырех пещерах (Скрипер, Кадиллинская-1, Малая Байдинская, Лударь) зарегистрированы находки костей человека. Останки людей имеются также в пещерах Забайкалья (Хороших, 1955. С. 10; Семина, Филатова, 1982. С. 77), Южной Сибири (Кызласов, 1982. С. 88) и Урала (Канивец, 1964. С. 130, 131). Нахождение человеческих останков в пещерах явно не случайно и связано с определенными представлениями древнего населения. Рассмотрим, в чем же могли заключаться эти представления.

И. Л. Кызласовым исследованы средневековые погребения в гротах и скальных нишах; эта традиция, по его мнению, появилась на основе представлений саяно-алтайских народов об уходе в загробный мир как об уходе в гору (пещеру) (Кызласов, 1982. С. 88). Иллюстрацией тому служит и бурятский эпос "Аламжи Мерген", где Агу Горхон просит священную гору забрать тело брата-богатыря:

Ты, Алтай — гора белая,
Ты ушелье раскрой-ка,
Братца милого, дорогого
Я должна хоронить и прятать!
(1936. С. 124).

В этой же статье И. Л. Кызласовым высказывается мысль о том, что могли иметь место и акты "добровольной смерти", принимаемой ради спасения рода, ради возрождения его новых членов. В хакасском фольклоре указывается, что подобные обряды совершались старыми людьми по достижении определенного возраста (Кызласов, 1982. С. 88). О том, что эти обычаи на определенной стадии общественного развития имели повсеместное явление, свидетельствует этнография народов северо-востока Сибири и Японии. "Немошный от старости или изнуренный неизлечимой болезнью человек, чувствуя приближение конца, мог посвящать себя в жертву духам и божеству, стараясь принести тем самым пользу своей семье или общине" (Спеваковский, 1988. С. 99).

Есть определенные основания предполагать совершение в отдельных случаях и человеческих жертвоприношений. Пещерные святилища

были культовыми местами высокого статуса. При обследовании Кадиллинской пещеры, которая находится на западном побережье Байкала, найдены человеческие кости и черепа. Причем П. А. Кропоткин обратил внимание на то, что один из черепов был с явными признаками насильственной смерти — рассечен в двух местах (Хороших, 1955. С. 18). Определить хронологию и этнокультурную принадлежность человеческих останков в пещерах затруднительно. Но о существовании у населения курумчинской культуры обычая принесения в жертву людей свидетельствуют материалы раскопок городища Улан-Бор на реке Унге. Под внешним валом городища расчищены остатки восьми человеческих жертвоприношений; на одном черепе имеется крестообразная трещина, такая же трещина была отмечена и на черепе в Кадиллинской пещере, очевидно можно говорить о схожем способе умерщвления жертвы. На городище Улан-Бор в жертву были принесены иноплеменники, антропологический тип покойников характерен для памиро-ферганской расы, которая в настоящее время наиболее полно представлена среди современных таджиков (Гохман, 1968. С. 114, 115).

Обычай человеческих жертвоприношений был известен у многих этносов. Э. Б. Тайлор в "Первобытной культуре" приводит значительное количество фактов об этом обряде у народов всех материков: "Славянские князья, закладывая детинец, по старому языческому обычаю, высылали людей, чтобы схватить первого мальчика, который встретится, и закладывали его в стену здания... В Африке, в Галане, перед главными воротами нового укрепленного поселения зарывали обыкновенно живыми мальчика и девочку, чтобы сделать укрепление неприступным" (Тайлор, 1989. С. 86, 87). У Д. К. Зеленина опубликован отрывок из христианского номоканона: "При постройке домов имеют обыкновение класть человеческое тело в качестве фундамента. Кто положит человека в фундамент тому наказание — 12 лет церковного покаяния и 300 поклонов. Клади в фундамент кабана или быка или козла" (1937. С. 12). В 1991 г. И. П. Русанова в докладе на заседании отдела славяно-русской и средневековой археологии в Институте археологии РАН говорила о существовании человеческих жертвоприношений на периферии славянского мира вплоть до XII-XIII вв. н. э. А. В. Бурдуков упоминает, что во время войны монголов с китайцами в 1912 г. "в жертву знамени был принесен пленный китаец, которому, однако, неопытный палач не сумел отрубить головы, так что пришлось обратиться к более опытному" (1969. С. 89).

О существовании у предков бурят человеческих жертвоприношений свидетельствуют предания, собранные М. Н. Хангаловым у унгинских бурят (1959. С. 202-212).

Таким образом, находки человеческих костей в пещерах могли быть останками умиловительных человеческих жертвоприношений, по крайней мере, исключать такую возможность нельзя.

Петроглифы

На наскальные рисунки Прибайкалья и юга Средней Сибири первыми из ученых обратили внимание Г. Ф. Миллер и И. Гмелин (Миллер, 1937. С. 535). В последующем рисунки привлекали внимание большинства исследователей, интересовавшихся историческими и археологическими памятниками края. Научный подход к писаницам связан с именем А. П. Окладникова; именно в его работах наскальные рисунки стали полноценным историческим источником, раскрывающим историю древних сибирских народов.

А. П. Окладниковым были выделены из всей массы петроглифов рисунки, связанные с курумчинской культурой (см. рис. 15). Курумчинские петроглифы выделяются среди прочих рисунков по содержанию, стилю и технике. По технике выполнения их можно разделить на два типа: 1— рисунки, вытертые на скале твердым камнем; 2— рисунки, нанесенные на поверхность камня тонкими резными штрихами, иногда такие штрихи сплошь заполняют рисунок изнутри так, что он является изрезанным и процарапанным бесчисленными штрихами. По содержанию преобладают рисунки лошадей и всадников, довольно часто встречаются изображения верблюда (рис. 31). Большое место в жизни людей, оставивших рисунки, принадлежало охоте на лосей, косуль, оленей-маралов, иногда изображены птицы. Наряду с изображениями всадников встречаются рисунки пеших людей, одетых в халаты (рис. 32).

Хронология рисунков была также определена А. П. Окладниковым. Средневековые рисунки рек Лены и Ангары по стилю и содержанию близки к кыргызским писаницам Енисея и искусству алтайских тюрков. И здесь и там передаются одни и те же образы воинов и всадников со знаменами, луками и колчанами, такие же верблюды и кони. Совпадают и детали человеческих изображений Шишкинских и Енисейских писаниц. На головных уборах всадников и пеших фигур ленских петроглифов довольно часто встречаются перья или хвосты. Такие же перья и хвосты известны и на головных уборах, изображенных на скалах в бассейне реки Енисея выше Красноярска. О принадлежности рисунков к средневековью говорит и то, что совершенно

Рис. 31. Изображения верблюдов на курумчинских петроглифах
(по А. П. Окладникову)

Рис. 32. Многофигурная композиция со сценой охоты (по А. П. Окладникову)

сходные всадники известны на гравировке серебряных сосудов, найденных в могилах кыргызских воинов на Енисее, и на костяной луке седла могильника Кудыргэ на Алтае (Окладников, Запорожская, 1959. С. 124).

Еще одним аргументом в пользу средневековой принадлежности рисунков, по мнению М. А. Дэвлет, является заштрихованность общего контура изображения (1976. С. 42, 43). Изображение оленя на альчике с Манхайского городища покрыто косыми черточками (Окладников, Запорожская, 1959. С. 112). Фигура изюбря на скале Улан-Хада покрыта линиями, идущими поперек туловища; перекрестными штрихами заполнены рисунки изюбрей на писанице в распадке между горами Булук и Улан-Хада (Свинин, Коновалов, 1958. С. 52, 53).

Уточнить хронологию писаниц могут и петроглифы, где фигуры животных начоминают букву "П". Они встречаются на Лене, на берегу озера Байкал, на горе Байтог в Куде. А. П. Окладников обратил внимание на совпадение между рисунками животных, туловище которых изображено в виде буквы "П", с аналогичными рисунками, известными на Кавказе, Дону и в Болгарии, где они не могут быть датированы временем позднее IX—X вв. н. э. (Окладников, Запорожская, 1959. С. 132). Однако для более точного определения времени создания петроглифов нет достаточно твердых оснований. Хронология производилась путем стилистического анализа изображений и их сравнения с синхронными рисунками соседних, а в некоторых случаях и отдаленных территорий. Поэтому петроглифы могут быть датированы в целом средневековым периодом.

Принадлежность этих средневековых рисунков к курыканам (курумчинской культуре) была также доказана А. П. Окладниковым. Точно такие же рисунки по стилю и содержанию известны на каменных плитах, найденных на курумчинском городище на горе Манхай в долине реки Куды. Плиты с изображениями были найдены вместе с другими камнями внутри оборонительного вала, опоясывающего городище (Окладников, Запорожская, 1959. С. 110, 111). Также на Манхайском городище Е. Ф. Седякиной был найден бараний альчик с резным изображением оленя с изогнутыми рогами (Там же. С. 112). Весьма схожие рисунки оленей известны на курыканских писаницах. На Унгинском поселении найден фрагмент керамики с прорезным рисунком двух всадников, мчащихся друг на друга; подобные сюжеты имеются и на Шишкинских скалах (Там же. С. 113).

Правильность отождествления средневековых петроглифов с курыканами подтверждает находка камня с рисунком в виде пальметок на Манхайском городище (Окладников, 1961). При анализе орнамента курумчинской керамики нами обнаружен точно такой же узор на курыканском сосуде из поминальника у озера Нурэ (рис. 38. 1, 3).

Глава III. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ КУРУМЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Решение вопросов хронологии средневековых древностей Байкальской Сибири сопряжено с большими трудностями. Это обусловлено слабой изученностью археологических культур, особенно начиная с раннего железного века и вплоть до этнографической современности. Столь значимый для истории народов Восточной Сибири период археологически исследован неравномерно, существуют значительные хронологические лакуны. Единичными комплексами представлены погребения хуннской и более ранних эпох, очень мало материала времени сложения курумчинской культуры. Можно констатировать, что средневековая археология Байкальской Сибири сегодня находится еще на стадии первоначального накопления материалов.

В трудах А. П. Окладникова существование курумчинской культуры пришлось в целом на вторую половину I тыс. н. э. (1948). Этот хронологический период определялся, очевидно, общими историческими соображениями: в связи с упоминанием гулигань в китайских летописях, а курыкан в древнетюркских рунах. События, в которых участвовали гулигане — курыканы, а также сами древнетюркские надписи относились к эпохе раннего средневековья. Вопросы датировки отдельных памятников или типов памятников решались многими исследователями, занимавшимися курумчинской культурой. Периодизация развития средневековых древностей Байкальской Сибири, опирающаяся на археологические свидетельства, была предложена в 1980 году И. В. Асеевым.

Новые данные, полученные за последние годы, в частности, значительный массив погребальных комплексов, материал которых столь важен для решения хронологии, привлечение всего имеющегося фонда археологических древностей курумчинской культуры позволяют ставить вопросы хронологии и периодизации в рамках уже самой культуры.

Основу периодизации составили типологические таблицы эволюции археологического материала, схемы развития отдельно взятых

категорий предметов (удил, стремян, наконечников стрел) внутри единой культуры. Инвентарь типологической шкалы датировался методом аналогий с коллекциями соседних территорий. Для надежности хронологии сравнивались не отдельные находки, а комплекс предметов, каждый из которых подкрепляет общую дату.

В своей работе мы довольно часто обращаемся к сопоставлениям с инвентарем из археологических культур Южной Сибири. Поколениями археологов-сибиреведов здесь уже выработаны системы датировки, сложилось определенное единство взглядов в датировке отдельных эталонных памятников, выявлены вещи, являющиеся хронологическими маркерами определенных исторических периодов. Немаловажно также то, что развитие археологических культур Байкальской Сибири протекало всегда в активном взаимодействии с саяно-алтайскими культурами.

Разумеется, сравнительный метод субъективен, потому как саму вещь авторы воспринимают нередко по-разному; бывает так, что сравнивают одинаковые предметы, но разной стадии бытования. Поэтому для проверки и сопоставления были проведены датировки методами естественных наук. В лаборатории радиоуглеродного анализа ГИН РАН Л. Д. Сулержицким получены даты по образцам костяков из курумчинских погребений (по органической части кости - коллагену). В отделе естественных методов ИИМК В. А. Галибиным проделан спектральный анализ курумчинских бус и определена их хронология.

Немаловажное значение для периодизации имеют материалы опорных могильников (особенности погребального обряда и некоторые категории вещей, время которых можно ограничить определенным периодом). Таких могильников у нас 4 (Черенхын-I, Бодон-I, Харанса-I, Телятниково). Каждый могильник характеризует определенный этап развития курумчинской культуры и отражает последовательную эволюцию погребального обряда и инвентаря, поэтому можно с некоторой условностью говорить о четырех хронологических периодах в развитии культуры.

Первая группа погребений выделяется в п е р в ы й э т а п, названный куркутским (по могильнику Черенхын-I, расположенному на одноименной возвышенности в Куркутском заливе Малого моря). Этот этап датируется VI—VII вв. н.э. (рис. 33). К нему относятся погребения могильников: Черенхын -I-11, 12, 13, 16, 18, 32, 35, 37, 38, 40-44, 50-54 (19 могил); Черенхын-II-8, 15 (2 могилы); Баянгол-2, 4, 5, 7-12 (9 могил); Куркутский комплекс-19 (1 могила); Ольхон-3 (1 могила); Тапхар-VI-19 (1 могила). Всего 33 погребения.

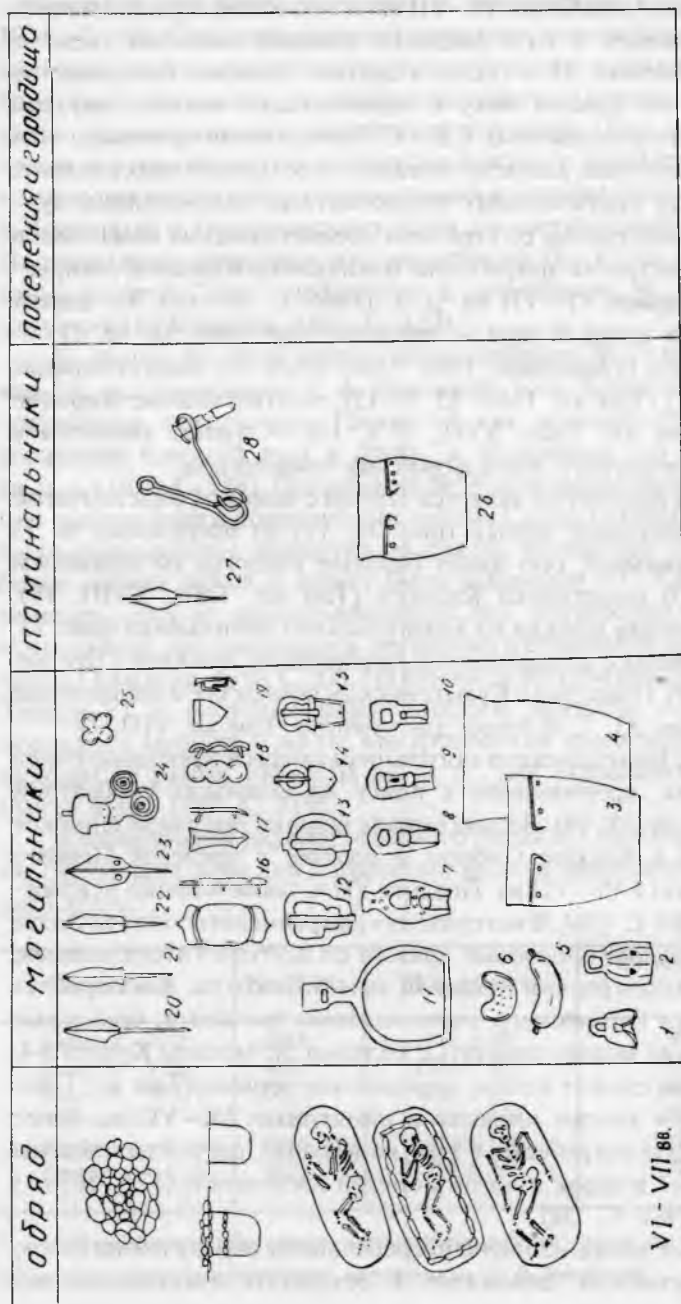

Рис. 33. Погребальный обряд и древности кургурской культуры (VI-VII вв.): 1-6, 11-14, 21, 24 - Черенхын-I; 7-10, 15-20, 22, 23, 25 - Баянгол; 26, 27 - Хашын-Бор; 28 - Куркурский комплекс-II. Черенхын-I, Баянгол, Хашын-Бор - раскопки автора; Куркурский комплекс-II - раскопки И.В. Асеева.

Курумчинские погребения VI—VII вв. н.э. характеризуются надмогильной конструкцией в виде овальной кладки, известны также и грунтовые захоронения. И в тех, и в других могилах большинство умерших лежит на правом боку с подогнутыми ногами. головой покойники ориентированы на В, СВ и С. Захоронения производились в простой могильной яме, в каменном ящике, в редких случаях в колоде.

Большая часть курумчинских трехлопастных наконечников куркутского этапа сопоставима со стрелами древнетюркских памятников Саяно-Алтая, в частности погребений могильника Кудыргэ, датированных А. А. Гавриловой VI—VII вв. н. э. (1965. С. 58—61). Из девяти выделенных нами типов 4 типа — остролистные (рис. 33, 20, 21) — сходные в Кудыргэ (Гаврилова, 1965. Табл. XXII, 3), шестиугольные узкие (рис. 33, 22) (Там же. Табл. XI, 9—12), шестиугольные широкие (рис. 33, 23) (Там же. Табл. XVII, 7, 9, 10) — имеют аналогии в материалах кудыргинского этапа алтайских памятников.

Датирующим предметом является стремя с высокой пластинчатой дужкой и прямоугольной петлей (рис. 33, 11) из погребения № 53 могильника Черенхын-I; оно имеет большое сходство со стремянем погребения № 10 могильника Кудыргэ (Там же. Табл. XVIII, 19). Подпружная костяная пряжка из Баянгольского могильника (рис. 33, 9) также сопоставима с кудыргинской подпружной пряжкой (Там же. Табл. XXXI, 18, 19). Известны в Кудыргинском комплексе и однотипные баянгольским (рис. 33, 7, 8) блоки для чумбура (Там же. VIII, 7).

В материалах Баянгольского могильника имеется несколько типов фигурных бляшек, крепившихся к поясу на шпеньках с обратной стороны (рис. 33, 16, 18, 19). Весьма схожие бляшки получили широкое распространение в Южной Сибири и вообще в пределах Первого тюркского каганата в VI—VII вв. Позднее VII в. такие бляшки неизвестны (Савинов, 1984. С. 126). В материалах кудыргинского этапа на Алтае известны и небольшие бронзовые пряжки со шитком (Могильников, 1981. С. 38). Довольно редкой находкой являются колты. В материалах выделяемого нами куркутского этапа найдено три колта; бронзовые колты (рис. 33, 5, 6) можно сравнить с колтами из могилы Кудыргэ-4, где также найдены схожие колты, украшенные зернью (Там же. Табл. IX-3, 4). Аналогии колтам имеются в памятниках VI—VII вв. более западных районов (в погребении в Уфе, на Кубани), где колты найдены вместе с вделанной в замок золотой монетой Юстиниана (527—565 гг.) (Могильников, 1981. С. 38).

Весьма схожие захоронения по погребальному обряду и инвентарю раскопаны в Восточном Забайкалье. В результате многолетних ис-

следований они были выделены в дарасунскую культуру (Ковычев, 1984. С. 33). Сопровождающий инвентарь в погребениях дарасунской культуры представлен бронзовыми и костяными пряжками, различными фигурными бляшками, украшавшими поясной ремень, наконечниками стрел, плоскодонными баночными сосудами (Там же. Рис. 8, 9). В целом все эти вещи типологически близки к предметам выделяемого нами куркутского этапа курумчинской культуры (могильники Баянгол и Черенхын) и кудыргинского этапа древнетюркской культуры Алтая. Подтверждают датировку этих погребений VI—VII вв. китайские бронзовые монеты "ушу", найденные в погребении № 13 Дарасунского могильника (Ковычев, 1983. С. 122).

К этому же этапу относится погребение № 19 могильника Тапхар-VI, исследованное Е. А. Хамзиной. Е. А. Хамзина рассматривала погребения могильника Тапхар-VI как единый комплекс, хронологически близкий друг к другу, и датировала его в целом X—XII вв. н. э. (1970. С. 116). Погребение № 19 отличается позой погребенного (на правом боку с подогнутыми ногами), а все остальные захоронения были произведены вытянуто на спине. Инвентарь погребения № 19 более ранних типов и может быть датирован VI—VII вв. н. э. Надо заметить, что и планиграфически это погребение выделялось на могильнике, оно находилось несколько в стороне от основной группы могил (Хамзина, 1970. С. 57). На близость погребения № 19 могильника Тапхар-VI к восточно-забайкальским могилам периода первого тюркского каганата и на то, что хронология этого погребения вряд ли выходит за рамки VII—VIII вв. н. э., уже указывалось в литературе (Асеев и др., 1984. С. 119).

В лаборатории радиоуглеродного анализа ГИН РАН были получены следующие даты для погребений выделяемого нами хронологического этапа:

Погребение	№ ГИН	Возраст по C_{14}	Условный календарный возраст
Баянгол - 7(4)*	4823	1470 ± 80	480 г. н. э.
Баянгол - 9 (6)	4822	1500 ± 60	450 г. н. э.
Баянгол - 10 (7)	5431	1520 ± 60	430 г. н. э.
Черенхын - I - 38	5423	1560 ± 30	390 г. н. э.
Черенхын - I - 42	5486	1670 ± 110	280 г. н. э.
Черенхын - I - 53	4825	1450 ± 70	500 г. н. э.

* В скобках указан номер, который погребение имело до составления общей нумерации с учетом погребений, раскопанных Е. А. Хамзиной.

Таким образом, мы имеем по три даты на каждый из двух могильников, составляющих п е р в ы й э т а п развития курумчинской культуры. Определенную уверенность в правильности дат вселяет то, что нет значительного разброса дат между погребениями; допустим, хронологический промежуток между погребениями №7 и 9 могильника Баянгол составляет 30 лет, а № 9 и 10—20 лет. Условный календарный возраст несколько удревняет погребения по сравнению с датами, полученными сравнительно-типологическим методом, но с учетом корректирующих поправок четыре радиоуглеродные даты совпадают с археологическими датами. Причины ранних дат погребений Черенхын-I-38, 42 объяснить пока трудно, нужны большие серии радиоуглеродных дат. Благодаря работе Л. Д. Сулержицкого и его лаборатории, а также другим коллективам по радиоуглеродному датированию массив радиоуглеродных дат по средневековой Байкальской Сибири увеличивается, и, вероятно, в скором времени появится возможность скорректировать даты, полученные по радиоуглеродному и сравнительно-типологическому методам.

Спектральный анализ стеклянных бус из погребений могильников Баянгол и Черенхын-I показывает, что бусы поступали в Байкальскую Сибирь из Восточного Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока путем эстафетных связей. Бусы с преобладанием в составе натрия над калием поступали вплоть до VIII в. н. э. Более точную дату можно дать бусине с белым сердечником из погребения № 32 (Черенхын-I). Подобные бусы являются довольно редкой находкой. Схожие экземпляры известны среди бус скальных склепов памятника Куркат (Узбекская ССР), которые датируются V—VIII вв., и в памятнике Борганьель (Коми АССР) — V—VI вв. Вероятнее всего, бусы такого типа, синего стекла с белым сердечником, имеют узкую датировку VI в.*

В рамках первого этапа появляются и самые ранние поминальники, так как удила с костяными двудырчатыми псалями (см. рис. 33, 28) наиболее часто встречаются в памятниках VI—VII вв. н. э. (Вайнштейн, 1966. Рис. 10, 9). Также к этому времени можно отнести удлиненно-ромбовидный трехлопастной наконечник стрелы (см. рис. 33, 27) поминальника Хадын-Бор. Он отличается от схожих наконечников, распространившихся в VIII—IX вв. н. э., небольшими размерами. Большинство мелких трехлопастных наконечников стрел закончили свое существование к VII в. н. э. (Чиндина, 1977. С. 73).

Следующая группа погребений выделяется во в т о р о й э т а п.

* Эти сведения получены у В. А. Галибина.

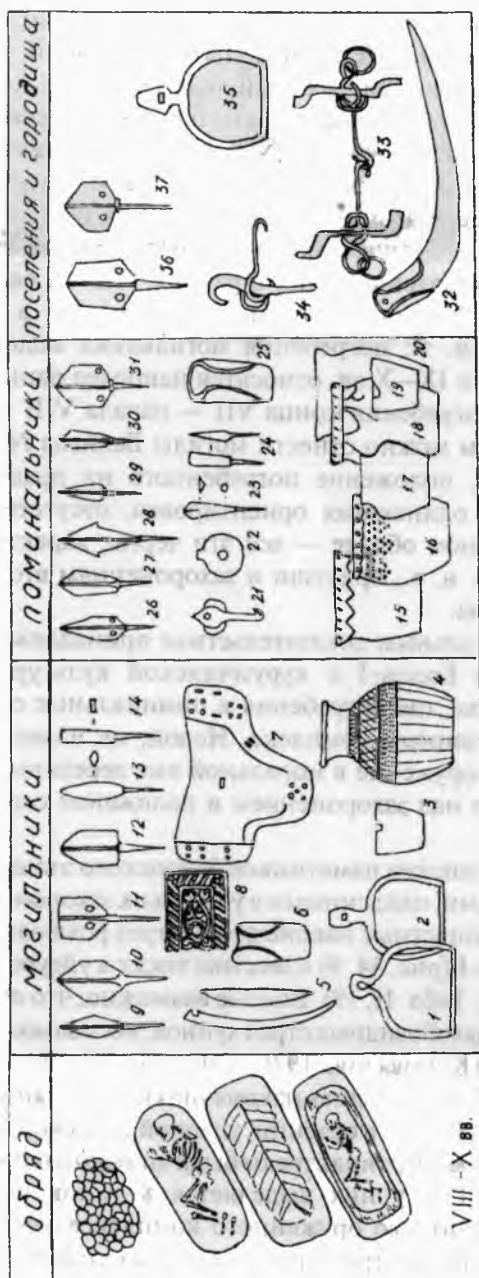

Рис. 34. Погребальный обряд и древности бодонского этапа курумчинской культуры (VIII—X вв.): 1, 14 — Черенхын-I; 2, 4, 7—10, 13, 15, 18 — Бодон-I; 3, 5, 11 — Баянгол; 6, 12 — Иркутское; 16, 17, 24, 26, 28 — Нурэ; 19, 20 — Будун; 21, 23, 25, 27, 29, 30, 31 — Хужир-III; 22 — Куркут-I; 32—37 — Шохтой. Черенхын-I, Баянгол, Будун, Бодон-I — раскопки автора; Иркутское — раскопки П. П. Хороших; Хужир-III и Куркут-I — раскопки автора и М. А. Зайцева; Нурэ — раскопки А. М. Мандельштама; Шохтой — раскопки Б. Э. Петри

названный нами бодонским (по могильнику Бодон, расположенному в Баргузинской долине). Датируется этот этап VIII—X вв. н. э. (рис. 34). К данному этапу относится 16 погребений, основная часть которых (10 могил) исследована на погребально-поминальном комплексе Бодон-I. Также в этот этап входят погребения № 1, 3, 6 могильника Баянгол, погребения Черенхын-I-34, Куркут-I-106, Иркутское погребение.

Кроме могильников, к этому времени относятся также поминальники и поселения. Археологическая изученность этих памятников и хронологическая представленность их в рамках VIII—X вв. неравномерны. Более всего исследованы поминальники, они в основном датируются IX—X вв. н. э.; погребения могильника Бодон-I также связаны с этой датой, к IX—X вв. относятся наиболее ранние вещи с поселения Шохтой. Погребения конца VII — начала VIII в. изучены еще очень плохо, к ним можно отнести могилы Баянгол № 1, 3.

Каменная насыпь, положение погребенного на правом боку с подогнутыми ногами, одинаковая ориентировка, отсутствие костей животных в погребальном обряде — все эти черты, характерные для погребений VI—VII вв. н. э., присущи и захоронениям второго этапа курумчинской культуры.

Еще одним убедительным доказательством принадлежности погребений могильников Бодон-I к курумчинской культуре является планиграфия памятника, где погребения и поминальные сооружения составляют взаимосвязанный комплекс. Новой, не известной ранее традицией является сооружение в могильной яме деревянной крышеобразной конструкции над захоронением и положение седла на ноги умершего.

Инвентарь курумчинских памятников бодонского этапа во многом сопоставим с предметами, найденными в уйгурских захоронениях Тувы VIII—IX вв. н. э. Трехлопастные наконечники стрел ромбовидной формы могильника Бодон-I (рис. 34, 9) известны также в уйгурских памятниках (Кызласов, 1969. Табл. II, 19). Вполне возможно, что они продолжают линию развития ромбовидных стрел хуннов, несколько массивных и больших размеров (Коновалов, 1976. Табл. II, 26). Весьма специфичными для уйгуров Тувы являлись наксечники стрел ланцетовидной формы с вытянутой, овальной в сечении, ударной головкой (Кызласов, 1969. Рис. 25, 3—5). Подобного типа стрелы были широко распространены у курыкан (рис. 34, 13), у них выделяется 8 типов уплощенных наконечников. Особенностью оружейного комплекса курыкан этого времени является отсутствие граненно-выемчатых типов, ярко характеризующих вооружение средневековых хакасов IX—X вв. н. э. (Кыз-

ласов, 1969. Рис. 35, 7, 11—15). Это обстоятельство можно было бы объяснить слабой археологической изученностью Байкальской Сибири, но и в соседнем Восточном Забайкалье, где исследовано значительное количество средневековых памятников, граненно-выемчатые наконечники не найдены. Подобные стрелы использовались для поражения противника в панцирной броне, а в Прибайкалье для этой цели, видимо, служили массивные уплощенные наконечники.

В уйгурском погребении могильника Чааты-I в Туве найдена каменная (из альгаматолита) округлая подвеска с лункой по центру (Кызласов, 1979. Рис. 128,4); очень похожий предмет, только изготовленный из кости с такой же лункой по центру, найден в курумчинском поминальнике Куркут-I-23 (см. рис. 26,6; 34, 22). В VIII—IX вв. продолжают существовать луки с длинными изогнутыми концевыми накладками и двумя срединными (рис. 34,5), хотя в большинстве своем в Южной Сибири концевые накладки на луках исчезают и остаются только срединные трапециевидные накладки. Но накладки погребения Баянгол-6 были найдены с трехлопастным наконечником с тупым острием и широкими лопастями (рис. 34, 11); подобные наконечники имеют узкую дату в пределах IX—X вв. н. э. (Худяков, 1980. С. 107). Тесло (рис. 34,6) из погребения, исследованного П. П. Хороших в Иркутске, схоже с теслом памятника Капчалы-II, датируемого IX—X вв. (Левашева, 1952. Рис. 5, 34, 35).

К датирующим предметам здесь можно отнести седла из погребений № 20 и 25 памятника Бодон-I (рис. 34,7). Типологически близкие седла были найдены в могильнике Кокэль в Туве; такие седла, по мнению Л. Р. Кызласова, датируются VIII—X вв. (1979. С. 138). В VIII—X вв. продолжают бытовать стремена с высокой пластинчатой дужкой, известные в более ранних памятниках, но есть небольшие отличия в форме подножки. Стремя из погребения Бодон-I-20 (рис. 34,2) имеет подножку, верхняя часть которой шире, чем нижняя, и подножка имеет трапециевидную форму, в отличие от круглой формы у стремян VI—VII вв. (Могильников, 1981. С. 37).

В IX—X вв. широкое распространение в сросткинской культуре кимако-кыпчакского объединения получают ажурные украшения с растительной системой орнаментации. Ажурный рисунок на бляшке из погребения Бодон-I-23 (рис. 34,8) близок к узору на бляшке из могильника Ур-Бедари в Кемеровской области (раскопки М. Г. Елькина) (Савинов, 1987. Рис. 1,6).

Имеет большое сходство уйгурская и курыканская керамика (Кызласов, 1979. Рис. 124, 132). Сопоставимы между собой формы баночных

сосудов. Сближает их и орнаментация. Декор на уйгурской керамике в виде накладных валиков (Там же. Рис. 97,8; 98,6), наlepных рассеченных валиков, загибающихся в виде "усов" (Там же. Рис. 124,8; 132,7), скобчатых оттисков (Там же. Рис. 111,1) часто встречается и на курумчинской посуде. Глиняный горшок из курыканского погребения Бодон-I-24 (рис. 34,4), изготовленный на гончарном круге, по своей форме близок к уйгурским вазовидным сосудам из могильника Чааты-I (Кызласов, 1969. Рис. 17,3). Сближает его с уйгурскими традициями и орнаментация в виде лошeных вертикальных линий и штампованного пояса из мелких четырехугольников.

Также весьма схожа с курыканскими и уйгурскими баночными сосудами керамика, найденная в большом количестве в средневековых погребениях Хакасии (Кызласов, 1969. Табл. III-2,4; Грязнов, Худяков, 1979. С. 158). Сходство форм и орнаментации на всех этих сосудах свидетельствует о принадлежности их к одной культурной традиции, которая уходит корнями в хуннское время.

Третья группа выделенных нами погребений характеризует третий этап развития курумчинской культуры, который датируется XI—XII вв. н.э. (рис. 35). Первые погребения этого этапа были исследованы В. В. Свининым в 1969 г. на острове Ольхон возле села Харанцы (1971. С. 74), поэтому данный этап мы предлагаем обозначить как харанцинский. Сюда относятся погребения: Харанса-I (11 могил), Харанса-II (3 могилы), Будун (5 могил), Бодон-II (5 могил), Куркутский комплекс-II-18 (1 могила). Всего 25 погребений.

Дата могильника Харанса-I была определена последующими исследованиями В. В. Свинина и М. А. Зайцева. По мнению М. А. Зайцева, памятник Харанса-I по наличию керамики, сходной с керамикой из шатровых сооружений, может быть хронологически близок к ним и датироваться концом I тыс. н. э. Одновременно по некоторым чертам погребального обряда (характер каменных кладок, захоронение умерших в берестяных пакетах, присутствие жертвенной кости ноги барана) харанцинские могилы близки к раннемонгольским погребениям, исследованным в Прибайкалье и Забайкалье и датируемым XI—XIV вв. н. э. Таким образом, могильник Харанса-I в культурно-хронологической периодизации средневековых памятников Прибайкалья занимает место на стыке шатровых конструкций и раннемонгольских погребений и может быть отнесен к X—XI вв. (1989. С. 10).

Инвентаря в исследованных комплексах незначительное количество, хорошо датированные вещи отсутствуют. Поэтому датировка этапа отчасти определяется соображениями косвенного порядка —

хронологией эволюции погребальных и ритуальных обрядов. В погребениях совершенно отсутствуют вещи, характерные для IX—X вв., хотя на предыдущем этапе они представлены широко. Нет в погребениях и вещей XIII—XIV вв., которые легко узнаваемы вследствие стандартизации к этому времени многих категорий предметов. Исходя из этого, нам представляется, что датировать погребения в берестяных пакетах следует XI—XII вв.

Определенную уверенность в правильной датировке харанцинского этапа дают результаты радиоуглеродного анализа погребения № 27 погребально-поминального комплекса Харанса-I (ГИН — 5501, 860 ± 50 , условный календарный возраст — 1090 г. н. э.). Бусины из погребения Будун-35, по мнению В. А. Галибина, также могут датироваться XII в. н. э.

Данный период является наименее изученным и археологически слабо охарактеризованным не только в Байкальской Сибири, но и в целом в Центральной Азии и Южной Сибири. На всем этом обширном пространстве признаки материальной культуры, установившиеся во второй половине I тыс. н. э., сменяются и облик предметного инвентаря приобретает новые черты, которые уже ярко проявляются в XII—XIV вв. н. э. Происходят изменения в мировоззрении, на это указывают инновации в поминальных и погребальных культах.

Погребения курумчинской культуры переходного этапа характеризуются изменениями в способах захоронения и оформления погребального обычая — появляются захоронения в берестяных пакетах, труположение становится вытянутым на спине, фиксируется присутствие костей животных (в частности, ноги барана). Все эти элементы погребального обряда не прослеживались в могилах предшествующего времени — устойчивая традиция распространения подобных захоронений устанавливается в XIII—XIV вв. (Ковычев, 1984. С. 50). В курумчинских могильниках переходного этапа наблюдаются как новые традиции, так и старые изживающие себя обычаи. На могильнике XI—XII вв. на острове Ольхон (Будун) часть детских захоронений погребена на правом боку с подогнутыми ногами, то есть следуя старой традиции, а часть погребений — вытянуто на спине; оба типа захоронений находятся в берестяных пакетах, все это уже демонстрирует новые черты.

О преемственности в традициях свидетельствуют могильники Бодон-I и Бодон-II, которые относятся к разным этапам развития культуры. В погребении Бодон-I-26 (VIII—X вв. н. э.) над умершими были положены три жерди, три деревянные планки находятся в могильной яме памятника Бодон-II-5, который датируется переходным этапом.

Непрерывность в традициях иллюстрируется также наличием взаимосвязанных погребальных и поминальных комплексов, таких как Бодон-I и Харанса-I.

Четвертый этап (телятниковский) в развитии курумчинской культуры датируется нами XIII—XIV вв. н. э. (рис. 35, 18—41). Этот хронологический период представлен могильниками Телятниково и Тапхар-VI (кроме погребения № 19). Всего 36 погребений. Сюда относятся материалы поселений Шохтой и Унгинское.

Могильники Тапхар-VI и Телятниково были отнесены Е. А. Хамзиной к тапхарскому типу, и их дата определялась X—XIII вв. (1970. С. 82). Е. А. Хамзина верно отметила сходство вещей могильника Тапхар-VI с предметами часовенногорского типа могильника Кудыргэ, которые, как она пишет, "датируются А. А. Гавриловой X—XII веком" (Там же. С. 121). Но в хронологической шкале периодизации алтайских памятников у А. А. Гавриловой нет этапа X—XII вв. (1965. Табл. XXXI), и на странице, на которую ссылается Е. А. Хамзина, памятники типа Часовенной горы отнесены к монгольскому времени — XIII—XIV вв. н. э. (Там же. С. 105). Тогда непонятно, почему Е. А. Хамзина определила дату X—XII вв.; можно было бы посчитать это типографской ошибкой, но датировка этих памятников X—XII вв. встречается и на других страницах (с. 121—122) работы. На с. 123 Е. А. Хамзина дает несколько иную дату — X—XIII вв., и, если отнести их к XIII в., что является правильным, то тогда эти могильники должны были бы попасть в саянтуйский тип (по периодизации Е. А. Хамзиной). Все эти хронологические неувязки заставляют уточнить дату могильников Тапхар-VI и Телятниково.

Плоские наконечники стрел, найденные в погребениях могильников Тапхар-VI и Телятниково (рис. 35, 22—25), известны на широкой территории, и их хронология определяется XIII—XIV вв. н. э. (Медведев, 1966). Срединные накладки с лопаткообразными концами из погребений № 3 и 9 могильника Тапхар-VI (рис. 35, 18) наиболее близки к таким же накладкам XIII—XIV вв. (Савинов, 1981. Рис. 6, 4). Стремена арочного типа (рис. 35, 27) хорошо датируются подобными стременами, известными в каменном этапе аскизской культуры в Южной Сибири (Кызласов, 1983. С. 65); схожие типы стремян широко бытуют в восточно-европейских памятниках XIII—XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 13, 116). Погребения, в которых известны серги с S-образными стержнями (рис. 35, 20), также датируются монгольским временем (Кызласов, 1983. С. 65). Серыи в виде знака вопроса (рис. 35, 26) получают распространение в степях Евразии в XIII—XIV вв. (Вактурская.

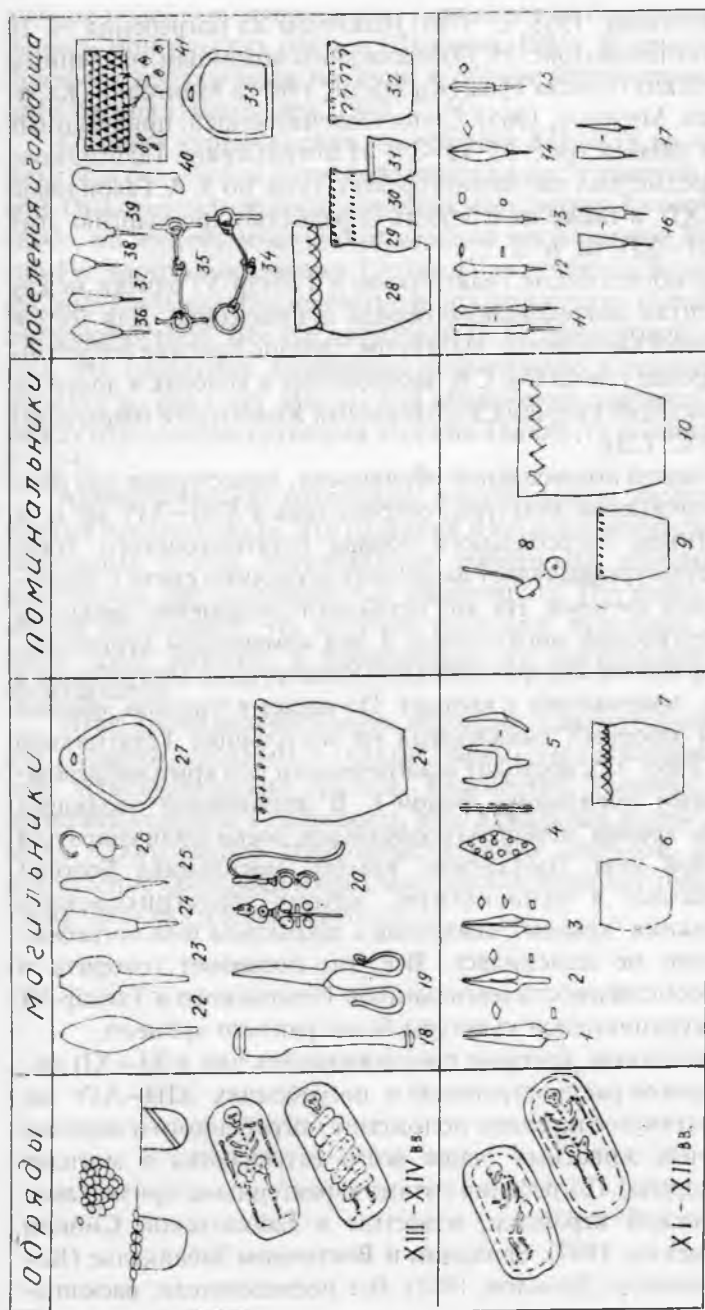

Рис. 35. Погребальный обряд и древности харьчинского (XI—XII вв.) и телятинковского (XIII—XIV вв.) этапов курумчинской культуры: 1—10 — Харанса-1; 11—17, 33, 34, 35, 37, 38, 39 — Шохтой; 18, 21, 24, 25, 27 — Тапхар-VI; 19, 20, 22, 23, 26 — Телятинково; 28—32, 36, 40, 41 — Унгинское. Харанса-1 — раскопки В. В. Свирина и М. А. Зайцева; Тапхар-VI, Телятинково — раскопки Е. А. Хамзиповой; Шохтой — раскопки Б. Э. Петри; Унгинское — раскопки Е. А. Седякиной и А. П. Окладникова

1968. С. 251; Плетнева, 1958. С. 176). Ножицы из погребения № 10 могильника Телятниково (рис. 35, 19) аналогичны ножницам, найденным в древнемонгольских городах Тувы (Кызласов, 1965) и Монголии (Кара-Корум) (Киселев, Мерперт, 1965). Сопоставление вещей, приведенных нами в сводной таблице (рис. 35, 18—27) из могильников Телятниково и Тапхар-VI с предметами часоленогорского типа, по А. А. Гавриловой (1965. Табл. XXXI), а также их близость определяют хронологию этих памятников XIII—XIV вв. н. э.

Погребения могильников Телятниково и Тапхар-VI близки между собой по элементам погребального обряда и инвентарю. Для того и другого могильника характерны: вытянутое труположение погребенного и ориентировка его на С и СВ, захоронения в колодах и дощатых гробах, сопровождение умерших жертвенными животными (баранами) (Хамзина, 1970. С. 123).

Некоторые черты погребальной обрядности, характерные для ранних этапов курумчинской культуры, сохранились в XIII—XIV вв. н. э. Рассмотрение типов погребального обряда телятниковского этапа курумчинской культуры выявляет их непосредственные связи с обычаями более раннего времени. На это указывают сохранение традиций захоронения в грунтовых могильниках и под каменными курганами, одинаковое оформление внутримогильной конструкции (погребение в дощатых гробах, захоронение в колоде). По нашему мнению, обычай захоронения "за забором", выявленный на могильнике Телятниково (Хамзина, 1970. Табл. XI), восходит к погребениям под крышеобразными конструкциями могильника Бодон-I. В дальнейшей эволюции обряда одна часть "крыши" перестала сооружаться, доски стали упираться в край могильной ямы. Двускатная "крыша" могильника Бодон-I трансформировалась в односкатную "крышу" телятниковского могильника; функция "крыши", связанная с закрытием тела погребенного, существенно не изменилась. Все это позволяет говорить о генетической преемственности могильников Телятниково и Тапхар-VI с памятниками курумчинской культуры более раннего времени.

Новыми традициями, которые прослеживались уже в XI—XII вв., но получили широкое распространение в погребениях XIII—XIV вв. н. э., являются вытянутое на спине положение погребенного и наличие костей жертвенных животных (чаще всего встречаются в могилах позвонки и ноги барана). Погребения с этими характерными признаками, но без курумчинской керамики, известны в Байкальской Сибири (Дашибалов, Ющенко, 1987), Западном и Восточном Забайкалье (Ковычев, 1981; Коновалов, Данилов, 1981). Все исследователи, раскапы-

вавшие подобные захоронения, связывают их появление с распространением монгольских племен (Данилов, 1985). В качестве этнического признака предлагается наличие в обряде вертикально поставленной ноги барана (Именохоев, 1989. С. 60).

Отличие курумчинских погребений XII—XIV вв. от монгольских показали результаты антропологических исследований Н. Н. Мамоновой. Она отметила разницу в черепах могильника Тапхар-VI (курумчинского, по нашему мнению) от черепов могильников Тапхар-I и Тапхар-IV. Черепа могильника Тапхар-IV отличаются большими размерами, значительной массивностью и по краниологии ближе к центрально-азиатскому типу. Все это позволило Н. Н. Мамоновой сделать вывод о том, что население Забайкалья неоднородно в пределах рас второго порядка и "пока нет данных для объяснения значительных различий между отдельными группами черепов Тапхар-VI и Тапхар-I и IV" (1961. С. 225).

Археологические материалы, полученные за последние годы, позволяют предположить, что различия в антропологических размерах и в некоторых чертах погребальной обрядности обусловлены разной этнической принадлежностью памятников. Изучение погребального обряда показывает, что местные традиции, присущие курыканам, не были сразу изжиты, а происходило их постепенное изменение и ассимиляция.

Итак, тремя независимыми методами (сравнительно-типологическим, радиоуглеродным и спектральным) мы продатировали выделенные хронологические группы. Разумеется, границы между этими группами условны и подвижны, ведь в реальной жизни этих границ не было. Дальнейшее совершенствование методов датирования и накопление археологических материалов позволит говорить и о более узких хронологических группах.

Глава IV. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОЧЕРК

1. Происхождение курумчинской культуры

Вопросы, связанные с происхождением и формированием культуры, являются менее всего изученными во всей курумчинской проблематике, хотя они в той или иной мере поднимались исследователями. Материалы, полученные за последние годы, позволяют вновь обратиться к ним и рассмотреть их на более широкой источниковой базе. При этом было уточнено, насколько аргументированы и подкреплены данными предположения наших предшественников, намечены узловые моменты в решении трудной, но вместе с тем увлекательной задачи генезиса курумчинской культуры.

Обширные материалы, добытые Ангарской экспедицией, постоянно привлекают внимание ученых. И. В. Асеев, изучая коллекции ангарских островов, отмечает, что керамика с растительным орнаментом в виде виньеток и завитков, которая встречается в слоях бронзового века, кроме того, присутствует и в верхних горизонтах курыканского времени. Это обстоятельство, по мнению исследователя, может свидетельствовать о преемственности культур этих эпох и показывает вероятность участия населения бронзового века в формировании курумчинской культуры (Асеев, 1989).

Наиболее масштабные работы были проведены на двух ангарских островах (Сосновый и Лесной). Именно на них в большом количестве найдена керамика, украшенная резным растительным орнаментом, до этого не отмеченная в археологических комплексах Байкальской Сибири. Всего на Сосновом и Лесном островах выявлено 4 слоя (1 — слой раннего железного века, 2 — бронзового века, 3 — глазковского времени, 4 — слой китойско-серовского времени). В верхнем слое встречалась также керамика, типичная для курумчинской культуры, но, как указывали авторы раскопок, разграничить вследствие распаханности материалы эпохи средневековья и раннего железного века не представлялось возможным, поэтому оба этих слоя были объединены

в один — раннего железного века (Окладников, 1951. С. 26). В ряде случаев и слой бронзового века оказывался нарушенным, следовательно, стоянки этих островов надо относить к числу "смешанных", где археологический материал стратиграфически не отделяется, что вызывает сильные затруднения в определении его хронологии.

К какому же времени относится керамика с резным растительным орнаментом? По мнению И. В. Асеева, ее истоки уходят в бронзовый век. А. П. Окладников чаще всего высказывал мысль, что данная керамика относится к раннему железному веку (1958. С. 18), хотя на научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, отмечая специальные элементы средневекового времени Прибайкалья, он указывал на появлении в орнаментации растительного узора (1960. С. 5).

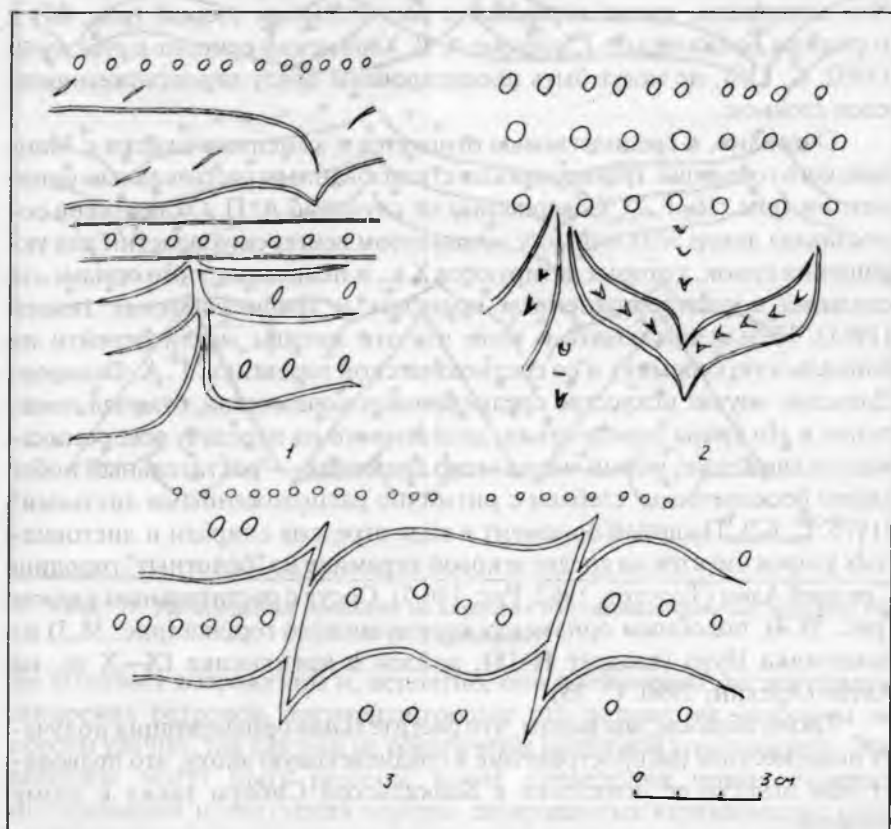

Рис. 36 Растительный орнамент на керамике ангарских (Сосновый, Лесной) островов (по А. П. Окладникову)

Декор, характерный для горшков ангарских островов в виде прочерченных линий, напоминающих стебли растений (рис. 36,1), не является типичным для курумчинской посуды. Несколько похожие мотивы отмечены на четырех сосудах из поминальника Нурэ, который относится к средневековому времени. Керамика с растительным орнаментом в незначительном количестве встречается среди материалов Унгинского и Усть-Тальцинского поселений, дата которых определяется XIII—XIV вв. н. э. Кроме того, обломки горшков, украшенные прочерченными линиями, найдены на западном (стоянка Тетериха — сборы П. П. Хороших), восточном (бухта Аяя — сборы В. В. Свирина; у впадения реки Налимовки в Байкал — сборы И. А. Батуева) и северном (городище Байкальское-I, раскопки А. В. Харинского) берегах Байкала. Эти материалы, кроме керамики с растительным узором (рис. 37) с городища Байкальское-I, которое А. В. Харинский относит к рубежу эр (1992, С. 118), не могут быть датированы ввиду переотложенности слоя стоянок.

Очевидно, к средневековью относятся и каменные плитки с Манхайского городища, гравированные стилизованным растительным орнаментом (рис. 38, 1, 2). Совершенно не случайно А. П. Окладников сопоставлял декор этих плиток с орнаментом венгерских пластин для украшения сумок, которые датируются X в., и появление этого орнамента связывал с распространением иранских и среднеазиатских тканей (1961). Нельзя исключать и того, что эти мотивы могли перейти на байкальскую керамику и со среднеазиатской тюрретики. Г. А. Федоров-Давыдов, изучая искусство средневековых кочевников, отмечал появление в это время нового стиля, нацеленного на передачу всепроникающего движения; новый мотив этого движения — "растительный побег своим бесконечным стеблем с ритмично расположенными листьями" (1976. С. 62). пышный орнамент в виде отрезков спирали и листовидных узоров имеется на средневековой керамике из "болотных" городищ Средней Азии (Толстов, 1962. Рис. 116,3). Сосуд с растительным узором (рис. 38,4), подобным орнаменту курумчинского горшка (рис. 38,3) из памятника Нурэ (квадрат Н-18), найден в могильнике IX—X вв. на Алтае (Алехин, 1990. С. 75).

Таким образом, мы видим, что растительная орнаментация получает повсеместное распространение в средневековую эпоху, что позволяет нам отнести ее появление в Байкальской Сибири также к этому периоду.

Резюмируя, можно сказать, что предположение И. В. Асеева о влиянии на сложение курумчинской культуры племен бронзового века

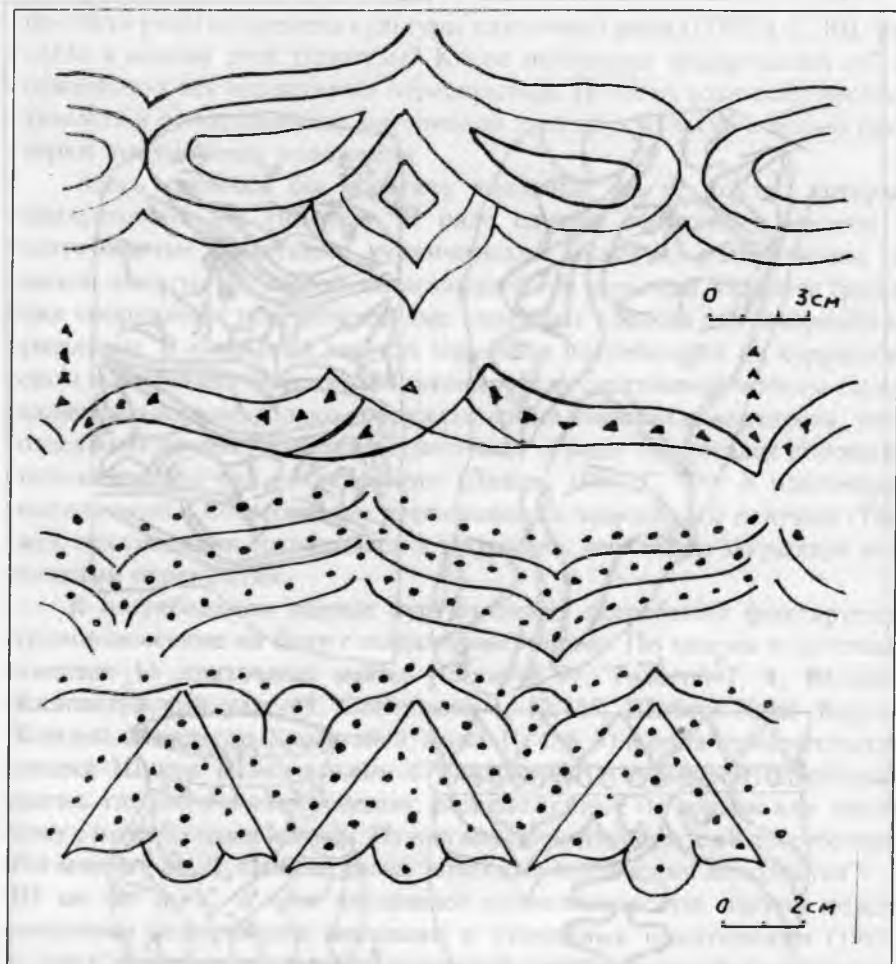

Рис. 37. Растительный орнамент на керамике из северобайкальских городищ (по А. В. Харинскому)

не вызывает возражений и, вероятно, оно правомерно, но материалы ангарских островов, аргументирующие это положение, выбраны не совсем удачно, так как они не обеспечены надежной хронологией. Эти вопросы могут быть решены после проведения новых полевых исследований и получения хорошо датированных керамических комплексов

В бронзовый и ранний железный век уводит генезис курумчинской культуры А. П. Окладников, говоря о том, что в формировании курыкан

Рис. 38. Растительный орнамент: 1, 2 — на Манхайских плитках; 3 — на сосуде из курумчинского поминальника Нурэ; 4 — на средневековом сосуде (Алтай)

приняли участие племена культуры плиточных могил (1955 а. С. 10). Что легло в основу этой гипотезы? Какие источники подкрепляют ее? К сожалению, все это осталось нераскрытым. Поэтому возникает необходимость в сопоставлении материалов этих двух культур с целью проверки выдвинутого положения.

Здесь хотелось бы обратить внимание на те факты, которые подкрепляют эту гипотезу. В ряде случаев плиточные могилы и погребальные памятники курумчинской культуры расположены на одном памятнике. Чертой, сближающей эти культуры, является традиция сооружения в могильной яме каменных ящиков для захоронения умершего. В каменных ящиках хоронили погребенных на курумчинском могильнике Черенхын-I; конструкция плиточной могилы также является ящиком, только сооруженным на дневной поверхности, но в отдельных случаях и внутри плиточной ограды сооружался дополнительный ящик для погребенного (Диков, 1958. С. 28). В плиточных могилах яма с погребенным перекрывалась каменными плитами (Там же), эта традиция сохранилась и у курыкан, они также закрывали яму плитами перекрытия.

В погребальном обряде курумчинских погребений фиксируется труположение на боку с поджатыми ногами. По нашим подсчетам, имеется 13 плиточных могил (Саянтуй-91, Тологой-7, 8, Верхне-Килгантуйский улус-45, Сотниково-1, 12, 15, Шибета-Хада, Барун-Кондуй, Мондогор-Хапсагай-3, Ацай-II, 4, 6, 7) и одна прямоугольная кладка Шулун Шэнэгалжин-17, связанная с культурой плиточных могил, где имеются погребения, расположенные на правом или левом боку с подогнутыми ногами. Из них впускными являются 8 погребений. По мнению А. Д. Цыбиктарова, впускные погребения датируются V—III вв. до н. э., и они заполняют хронологическую лакуну между поздними плиточными могилами и хуннскими памятниками (1989. С. 14). С этой археологической культурой, еще безымянной, соотносится и погребение Куркут-II-4, раскопанное И. В. Асеевым в Приольхонье. Погребенный лежал на правом боку скорченно, головой ориентирован на юг, его дата определяется по бронзовой ажурной пластине III—II вв. до н. э. (Асеев, 1980. С. 128).

Итак, мы видим, что в культуре плиточных могил имеются скорченные захоронения на боку, затем они отмечаются в памятниках V—III вв. до н. э., и в последующем эта традиция передается курыканскому населению, что, несомненно, свидетельствует об автохтонности определенной части курыкан и о их непосредственном родстве с культурой плиточных могил.

Подтверждением тому служат факты нахождения в ограде плиточных могил фрагментов курумчинской керамики. По мнению М. А. Зайцева и В. В. Свинина, это свидетельствует о почитании курыканами древнего населения культуры плиточных могил и, возможно, объясняется генетическими связями этих культур (1978). При этом надо учитывать то обстоятельство, что в керамике курумчинской культуры и культуры плиточных могил отмечаются общие черты, в частности в орнаментации сосудов. Наиболее распространенным типом украшения курумчинской керамики является расщепленный валик, который довольно часто отмечается на керамике плиточных могил Забайкалья. Также керамику плиточных могил и курумчинскую сближает украшение верхнего среза овальным тычком и насечками. На керамике этих культур имеются зигзагообразный и арочный орнаменты. В связи со всем этим весьма интересна находка Г. П. Сосновского верхней части керамического сосуда (рис. 39) в плиточной могиле № 43 у Верхне-Килгантуйского улуса в бассейне реки Чикой. Орнаментация его в виде рубчатого валика с загнутым вниз концом довольно часто встречается на курумчинской керамике и является одним из характерных элементов декорирования курумчинской посуды. Казалось бы, это должно свидетельствовать о сохранившейся древней традиции в орнаментации курумчинской

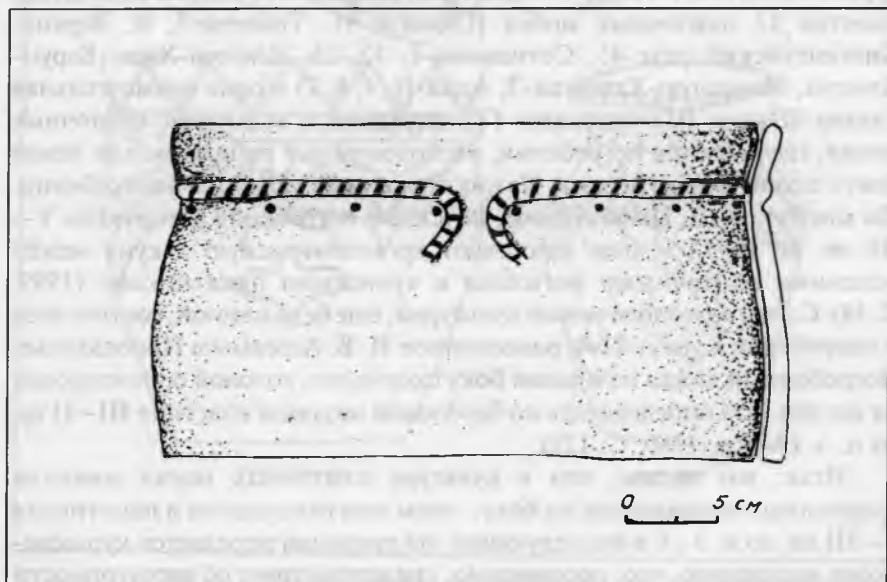

Рис. 39. Фрагмент горшка из плиточной могилы у Верхне-Килгантуйского улуса (по Г. П. Сосновскому)

керамики, но факты нахождения в оградах плиточных могил курумчинской керамики не исключают версии и о более позднем попадании в плиточную могилу этого сосуда, тем более, что сосуд был найден в верхнем слое могилы (Сосновский, 1941. С. 300). Но с другой стороны, на территории реки Чикой пока неизвестны курумчинские памятники, не отмечены и местонахождения курумчинской керамики; ближайшим памятником на юге Бурятии, где имеется керамика, сопоставимая с курумчинской, является Темниковское поселение, материалы которого хранятся в Эрмитаже (кол. 1357).

Если о влиянии на сложение курумчинской культуры населения бронзового и раннего железного века можно говорить в предположительном плане, то более отчетливо проявляются связи курыкан с культурами гунно-сарматского времени и с собственно хуннскими традициями.

Имеющихся фактов не столь много и они не всегда однозначны, но если рассматривать становление байкальского историко-культурного комплекса в широком контексте, то центральноазиатский детерминант в генезисе населения Байкальской Сибири в определенные периоды становился решающим и важным.

Надо отметить, что в Прибайкалье еще неизвестны хуннские поселения и могильники, все они в основном исследованы в южных районах Бурятии, но находки вещей хуннского облика отмечаются. В 1981 году иркутским археологом В. И. Смотровой на Ангаре были найдены типично хуннские ажурные бляхи: одна со сценой борьбы зверей, вторая с геометрическим орнаментом (1982). Нами в 1988 году при обследовании дюнных стоянок Баргузинской долины в урочище Хасхал были обнаружены фрагменты серой хуннской керамики (1989).

Не исключено, что именно хуннское влияние сказалось на появлении в погребальной обрядности курумчинцев грунтовых могильников. Могильник хуннского Иволгинского городища является грунтовым (Давыдова, 1985), грунтовыми являются курумчинские могильники Баянгол и Телятниково. Могильники подобного типа в целом не характерны для кочевых культур и имеют большее распространение в среде оседлого или "оседающего" населения. В хуннских погребениях встречаются захоронения в каменных ящиках, правда, их не так много по отношению к общему числу захоронений. Начиная с культуры плиточных могил традиция сооружения каменных ящиков является почти непрерывной для данной территории, отмечена она и у курыкан, от которых, несомненно, переходит к бурятам.

Ряд вещей, характеризующих облик курумчинской культуры, также имеет аналогии в инвентаре хуннских памятников. Сходство пред-

метного комплекса не всегда может объясняться родством культур, но в данном случае нам представляется возможным проводить сравнения. Территориальные границы хуннской и курумчинской культур близки, и, несомненно, высокоразвитое государство хуннов оказывало большое влияние на соседние байкальские племена, которые заимствовали достижения своих соседей.

Если рассматривать предметы вооружения, то, по мнению Ю. С. Худякова, большую роль в сложении форм средневековых стрел сыграл оружейный комплекс хуннов Центральной Азии (1986. С. 207, 209). Ряд типов курумчинских наконечников зародился, видимо, в хуннской среде, в частности, это трехлопастные ромбовидные, удлиненно-ромбовидные, остролистные, пятиугольные узкие стрелы. Длинные концевые накладки курумчинских луков (рис. 40, 1), найденные в курумчинском погребении № 3 могильника Баянгол, весьма схожи с подобными накладками, полученными П. Б. Коноваловым при раскопках хуннских памятников в Ильмовой и Черемуховой падах; отличия наблюдаются в изогнутости накладок — хуннские накладки менее изогнуты, чем курумчинские. Колоколовидные бронзовые подвески (рис. 40, 4), распространенные у курыкан, известны в материалах Дырестуйского могильника. Сближает эти подвески и то, что сбоку у них пробиты небольшие отверстия. В курумчинских погребениях и поминальниках были найдены предметы из кости, которые имеют отверстия для подвешивания и характерный признак, сближающий их, — это наличие круглых высверленных лунок (рис. 40, 5, 6). Внешне они очень похожи на хуннские детали прибора для разжигания огня (Коновалов, 1976. Табл. XVIII, 11, 12), лунки которых имеют следы нагара от трения; у курумчинских же предметов нагар не прослеживается. Забайкальские хунны и курыканы использовали в изготовлении поделок местный материал (богхед), хунны выделявали богхедовые пластины, а курыканы применяли его для изготовления бус и пряслиц.

Весьма своеобразны курыканские серьги и височные кольца, украшенные спиральным орнаментом. Серьги в виде проволоочной спирали известны и у хуннов (Коновалов, 1976. С. 193). Спиральный орнамент встречается на хуннском войлочном ковре в кургане № 6 Ноин-улы (Руденко, 1962. С. 57), хуннском головном уборе (Там же. Табл. XVII, 1) и подушечной наволочке (Там же. Табл. IX). Хунны украшали завитками в виде спиралей и керамические сосуды (Давыдова, 1985. Рис. VI, 14). На хуннской керамике довольно часто встречается арочный узор (Там же. XIV, 6, 7), который в дальнейшем получил широкое распространение на курумчинской посуде.

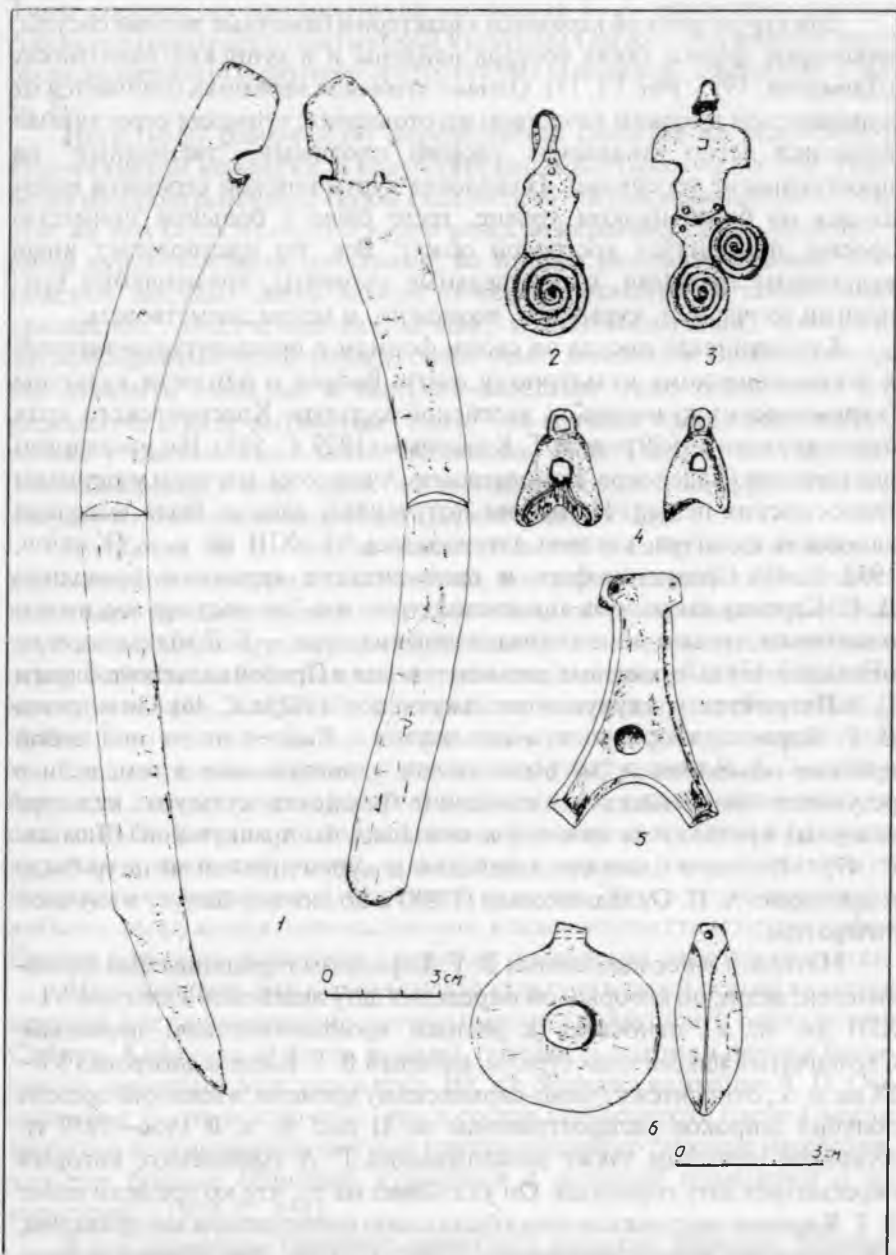

Рис. 40 Находки из курумчинских погребений (раскопки Б. Б. Дашибалова)

Для курумчинской керамики характерны баночные лепные сосуды, некоторые формы таких сосудов найдены и в хуннских памятниках (Давыдова, 1985. Рис. VI, 15). Однако хуннская керамика отличается от курыканской высоким качеством изготовления; хуннская сероглиняная керамика легко узнаваема своими плотными, "звонящими" на простукивание черепками. Технология курумчинской керамики находилась на более низком уровне, тесто было с большой примесью дров, применялся костровый обжиг. Все это предполагает иные культурные традиции, хотя отдельные элементы, применяемые хуннскими гончарами, курыканы, возможно, и могли заимствовать.

Курумчинская посуда по своим формам и орнаментации тяготеет к южносибирскому культурному очагу. Вопрос о близости культуры "курумчинских кузнецов" к ладейской культуре Красноярского края был поставлен в 1929 году В. Г. Карцовым (1929. С. 563). Им исследован ряд городищ (Ладейское, Ермолаевское, Ачинское), изучены материалы Бирюсинских пещер. На основе полученных данных была выделена ладейская культура, которая датировалась VI—XIII вв. н. э. (Карцов, 1932. С. 48). Сравнение форм и орнаментации керамики позволило В. Г. Карцову выдвинуть предположение, что "на востоке мы имеем памятники, чрезвычайно ей (ладейской культуре. — Б. Д.) близкие, если не тождественные, каковые дает намечаемая в Прибайкальской области Б. Э. Петри культура курумчинских кузнецов" (1929а. С. 46). По мнению В. Г. Карцова, теория о приходе якутов с Енисея имеет под собой крепкие основания и "не было ничего удивительного в том, если в результате дальнейших исследований Ладейская культура, культура северных притаежных коневодов, оказалась бы прякутской" (Там же. С. 47). Мнение о близости ладейской и курумчинской культур было поддержано А. П. Окладниковым (1948) и до сих пор бытует в научной литературе.

Материал в исследованных В. Г. Карцовым городищах был незначителен; вещи, по которым он определил дату ладейской культуры VI—XIII вв. н. э., относятся к разным хронологическим периодам. Ступенчатый наконечник стрелы, который В. Г. Карцов датировал VI—IX вв. н. э., относится к гунно-сарматскому времени, а плоский срезень получил широкое распространение во II тыс. н. э. В 1956—1959 гг. Ачинское городище также раскапывалось Г. А. Авраменко, который пересмотрел дату городища. Он указывает на то, что ко времени работ В. Г. Карцова таштыкская эпоха была слабо представлена материалами, а ее изучение только начиналось (1963. С. 110). Это обстоятельство, видимо, и определило ошибочное выделение ладейской культуры.

Типы сосудов, их орнаментация позволили Г. А. Авраменко отнести Ачинское городище к таштыкской культуре (Там же). Это мнение затем было поддержано и другими археологами (Мартынов, Абсалямов. 1988. С. 5).

Итак, надо говорить об определенном сходстве не ладейской и курумчинской керамики, а курумчинской и таштыкской посуды. Наиболее распространенным типом таштыкской посуды является баночный, этот же тип характеризует и курумчинскую керамику. Узор, используемый курумчинскими гончарами, во многом напоминает декор таштыкской посуды. Здесь можно отметить аналогии в таких типах орнамента: расщепленно-валиковый, подковообразный, арочный, зигзагообразный, полулунный, скобочный, линейный. Особо хотелось бы отметить сходство в выпукло-налепном типе орнамента, эти украшения в виде вытянутых "ушек" на венчике сосуда встречаются только у таштыкских племен (Кызласов, 1960. Табл. 4, 42, 152, 195). Такой же декор в виде "ушек" на венчике имеется и на курумчинских сосудах из поминальника Нурэ (Дашибалов, 1992а).

В работах И. Е. Зыкова делается вывод о генетических корнях курыканской культуры с таштыкской, но в основе подобного заключения лежит предполагаемая им родственная связь таштыкского обряда трупосожжения с курыканским сожжением покойника и дальнейшим захоронением его остатков под шатровыми "могилами" (1973. С. 25). По моему мнению, шатровые "могилы" не являются погребениями, и, значит, они не могут быть сопоставимы с таштыкскими захоронениями. Следовательно, вполне справедливое утверждение И. Е. Зыкова о близости этих культур основано на сравнениях, с которыми можно не согласиться. В целом же на таштыкско-курумчинские связи и близость курыкан к южносибирской культурной традиции указывают многие параллели в материальной и духовной культуре. Это сходство отмечается в обычае сооружения поминальников, в одинаковом стиле петроглифов Енисея и Ангары, в наличии у курыкан рунических знаков и надписей.

Надо полагать, что курумчинская культура в своей основе является местной и ее формирование связано именно с территорией Байкальской Сибири. Какую-то ее часть, видимо, составили потомки племен бронзового и раннего железного века. На это обращал внимание А. П. Окладников: "... не исключено, что в состав курыканских племен могли входить и ассимилированные ими группы коренного таежного населения, что еще больше сближало курыканов с лесными племенами и их культурой" (1959. С. 155).

В последующем процессе этногенеза курыкан большое влияние оказало население плиточных могил. Но наиболее активное формиро-

вание курумчинской культуры и сложение всех компонентов в единое целое произошло, надо полагать, в хуннское время. Прежде всего, хунну закрыли с юга наиболее опасные для таежных племен границы, откуда проникали центральноазиатские степные племена, которые не давали возможности для консолидации этнообразующих элементов. Мощное хуннское государство стало надежным южным форпостом, а с севера подступала тайга, и байкальская лесостепная зона стала своеобразной нишей для сложения этноса.

Хуннский племенной союз не был этнически однородным; в состав забайкальских хунну, очевидно, входили местные племена. Это и должно было сближать их с соседними байкальскими культурами. По заключению антрополога А. И. Бураева, сделавшего обмеры курыканских черепов, хотя они и представлены очень незначительной серией, из предшествующих краниологических обмеров они сопоставимы с черепами хунну (1993. С. 12).

О том, что курыканы являются потомками хунну, свидетельствуют и летописи Танской династии: "Предки Дома ойхор (хойху) были хунны. Они обыкновенно ездили на телегах с высокими колесами; почему при династии Юань-Вэй (с 386 г.) еще называли их Гао-гуй или Чилэ, ошибочно превращенное в Тйелэ. Поколения их суть: Юаньгэ, Сиеяньто, Кибийю, Дубо, **Гулигань** (выделено мной.— Б. Д.), Доланьгэ, Пугу, Байегу, Тунло, Хунь, Сыгье, Хусье, Хигье, Адье, Байси, всего пятнадцать поколений. Они рассеянно обитали по северную сторону Великой песчаной степи" (Бичурин, 1950. С. 301).

На сложение курыкан большое влияние оказал и южносибирский очаг культуры, в частности, таштыкские племена, а затем и государство енисейских кыргызов.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Хотя имеющихся фактов недостаточно и они восполняются в ряде случаев предположениями, базирующимися на соображениях общеисторического плана, в становлении и генезисе культур Байкальской Сибири большую роль играли три фактора, три определяющих начала.

Во-первых, это традиции, восходившие к местной линии развития и уходящие корнями в глубокую древность; вторым вектором являлись импульсы, исходившие из центральноазиатского мира; и третьим культуронесущим центром служили городские цивилизации среднеазиатского мира, связь с которыми осуществлялась через саяно-алтайские народы.

Комбинация из этих трех факторов раскладывалась в исторической ретроспективе по-разному, и своеобразие культур Байкальской Сибири заключается во взаимодействии данных линий. Ослабление одного из

направлений приводило к усилению других. В определенные периоды мог возобладать тот или иной компонент и население курумчинской культуры оказывалось в сфере исторической активности довлеющего центра. Автохтонная линия развития была, несомненно, преобладающей и цементирующей. Все культурные инновации преломлялись и приспособлялись к уже сложившейся традиции.

2. Хозяйство

Материалы курумчинских памятников позволяют судить и об основных направлениях хозяйственной деятельности населения, которая сформировалась под влиянием естественно-географических условий региона. Эта большая территория различается своими природными характеристиками. На ее значительной части распространены леса, например, по Иркутской области лесистость составляет 75%. Степи занимают 3,5% всей площади (Предбайкалье и Забайкалье, 1965. С. 256). Степи "островного" типа, которые обязаны своим существованием наличию межгорных понижений, вкраплены небольшими участками в обширные таежные пространства. Из-за горного рельефа земельные ресурсы ограничены. Площадь земель, удобных для сельскохозяйственного освоения, мала. В целом на долю пашни в Прибайкалье приходится менее 1% территории (Гвоздецкий, Михайлов, 1987. С. 303)*.

Археологические памятники курумчинской культуры расположены большей частью в межгорных котловинах и тяготеют к остепненным участкам в долинах рек. Степные пространства, а значит, и наличие пастбищ определили скотоводческую направленность хозяйства. Традиции скотоводческого хозяйства центральноазиатского типа были привнесены с приходом на эти земли в раннем железном веке населения культуры плиточных могил. В дальнейшем эта традиция получила самостоятельное развитие, а миграции из Центральной Азии закрепляли и усиливали скотоводческую ориентацию.

Скотоводческое хозяйство населения курумчинской культуры можно отнести к типу полукочевых. К такому заключению позволяет прийти наличие зимников с постоянными жилищами (а именно как зимники, видимо, следует рассматривать поселения Унгинское, Усть-Талькин, Шохтой), а также летников, следами которых является преобладающая часть известных нам временных стойбищ.

*Статистические данные по современному состоянию.

Недостаточная изученность этих поселений не позволяет воссоздать их планиграфию. По имеющимся археологическим материалам восстанавливаются жилища полуподземного типа. Они напоминают тормогэр (жилище, известное у бурят), описание которого имеется у М. Н. Хангалова. Темное жилище в виде землянки; землю выкапывали не очень глубоко; в яме устанавливали четыре столба, на которые клали поперечины, и к ним прислоняли доски. Жилище получалось широкое снизу и узкое, конусообразное, в верхней части. На самом верху оставляли дыру для выхода дыма. Снаружи жилище заваливали землей (Хангалов, 1958. С. 106).

Вне жилища на определенном удалении находились хозяйственные погребки. Можно предположить, что это было вызвано мерами безопасности. В случае пожаров, которые, очевидно, происходили, так как в жилом помещении использовался открытый огонь кострового типа, запасы пищи остались бы целыми. На Унгинском поселении зафиксированы остатки загонов для скота. Это позволяет говорить и о возможном стойловом содержании животных, в частности коров.

Так как скотовод в условиях сибирской зимы проводил на зимнике более полугодя, причем стационарность жилища предполагала одно и то же место зимования, то на поселении откладывался культурный слой. На зимниках хранился инвентарь, связанный с земледелием и сенокосением. На это указывают находки косы-горбуши на поселении Шохтой, на других изученных поселениях имеются косы, серпы, жернова и песты для измельчения зерна.

Летние стоянки менялись, и место их выбора зависело от многих причин: сезонная урожайность трав, обеспеченность водой, возможность для занятий рыболовством и охотой. При всем этом маршрут передвижения строго определялся, а территория кочевания закреплялась за конкретной семьей и обговаривалась заранее.

Все население было распределено по отдельным замкнутым степным долинам, незначительные размеры которых ограничивали кочевание. Поэтому летники и зимники находились не очень далеко друг от друга. Летники чаще всего рассредоточивались у источников воды, по берегам рек. Зимники располагались ближе к ущелью гор, к лесу, где можно укрыть скот от зимних вьюг и ранних весенних метелей. Этот же цикл и направленность кочевки сохранились во многом и до сегодняшнего дня. В Баргузинской долине в поймах рек располагается множество летников, которые осенью покидаются и стоят всю долгую зиму пустые, а их жильцы вместе со стадом перебираются к отрогам Икатского хребта.

Скотоводство составляло основу материального благополучия курумчинцев. Скот служил предметом их меновой торговли. О составе стада свидетельствуют курумчинские петроглифы. Чаще всего на них изображены кони, имеются также рисунки верблюдов, быков. Кости коров и овец найдены в поминальных памятниках курумчинской культуры. Вполне понятно, что в хозяйстве скотоводов особым вниманием и почтением пользовались лошади. И курыканы в этом плане не исключение, в китайских летописях особо подчеркиваются достоинства курыканских лошадей: "Страна производила превосходных лошадей, которые ...сильны, рослы; в день могли пробегать по нескольку сот ли" (Бичурин, 1950. С. 348).

Для того чтобы обеспечить зимовку скота, помимо выпаса была необходима дополнительная подкормка. Поэтому большое внимание уделялось системе заготовки сена. С этой целью земли, прилежащие к зимникам и удобные для полива, оберегались в летнее время от пастбы скота. В Прибайкалье имеются древние оросительные системы, сохранившиеся до наших дней, которые использовались для орошения полей и сенокосных угодий. Несомненно, что многие из них были построены населением курумчинской культуры. Сложное сооружение известно в Кудинской степи около улуса Бартурки, где сеть каналов различной протяженности тянется из пади Идыги в два ряда, в 100-150 м друг от друга. От главных каналов отходили боковые, питавшие водой отдаленные участки. Оросительной системой охватывалась площадь около 5 км длиной и более 600 м шириной (Хороших, 1959).

Скотоводство не всегда являлось надежным способом для поддержания жизнеобеспечения и находилось в изрядной зависимости от климатических условий. Достаточно засушливого лета, когда выгорают большие участки степной растительности, или зимы с обильными снегопадами, большим покровом снега, что затрудняет зимний выпас скота, — и от бескормицы может погибнуть все стадо. Опасность для хозяйства представляют эпидемии болезней скота, связанные с падением животных. Все это могло привести к полному разорению скотоводческих хозяйств, поэтому были необходимы дополнительные источники существования.

Определенная часть населения занималась земледелием. Около поселений курумчинцев известны древние пашни в виде длинных параллельных грядок. Хорошо видны следы древней пашни на правом берегу реки Ангары, на склоне горы к востоку от деревни Кулаковой. Грядки почти вплотную примыкают к глубокому валу курумчинского городища, часть грядок оплыла и почти заровнялась, другие выделяют-

ся довольно отчетливо (Хороших, 1959. С. 87). Следы пашен фиксируются северо-восточнее села Бодон в Баргузинской долине, на северном склоне одной из возвышенностей рядом с горой Кордигой.

Земледелие требует знаний агротехники, опыта и большой затраты труда. Материалы Унгинского поселения показывают, что курумчинцы достигли успехов в этой области: в культурном слое были найдены чугунный сошник, железные серпы, фрагменты жерновов из обработанных плит песчаника. Наличие сошников является несомненным фактом плужного земледелия. С помощью сошников при использовании тяглового скота земля разрыхлялась, перемешивалась и переворачивалась для высадки растений.

Находки каменных жерновов говорят о довольно высоких урожаях. Для переработки полученного урожая уже недостаточно зернотерки, а необходимы более производительные орудия — жернова. Они найдены на всех трех исследованных курумчинских поселениях (Унгинском, Усть-Талькинском и Шохтой). Из девяти обследованных жилищ поселения Усть-Талькин жернова найдены в двух из них, еще в одном жилище был обнаружен каменный пест для толчения зерна, то есть в каждом третьем хозяйстве имелись орудия для переработки земледельческого урожая. Сеяли курумчинцы не только просо, наиболее неприхотливое и приспособленное к суровым климатическим условиям края растение, но и пшеницу, ячмень и коноплю. Именно зерна этих растений найдены на Унгинском поселении (Седякина, 1971). Зерна проса также были обнаружены в жилище поселения Усть-Талькин.

Богатства животного мира огромных таежных территорий, рыбные запасы Байкала и рек в значительной степени способствовали широкому ведению и развитию охотничье-рыболовного и собирательного родов деятельности. Кости диких животных найдены на курумчинских поселениях, имеются они и в поминальных курганах. В некоторых хозяйственных ямах Унгинского поселения обнаружены черепа козлов. Курыканы устраивали облавные охоты, о чем свидетельствуют петроглифы, и мясо добытых в большом количестве зверей могли хранить в погребках. Не исключено, что эта древняя традиция сохранилась у якутов: "... недалеко от юрты выкапывали яму и строили хоспох — подполье с крышей для хранения молочных и мясных продуктов... Сначала якуты выкапывали неглубокие ямы, бока которых были выложены лиственничной корой, а верх покрыт землей и навозом" (Ионова, 1952. С. 299). Очевидно, коллективные охоты должны были проводиться с наступлением морозов, чтобы холод сохранил мясо убитых зверей.

Вовсе не случаен тот факт, что многие стойбища с находками курумчинской керамики отмечены на побережье Байкала и по берегам рек. Рыбному промыслу уделялось большое внимание, об этом говорят находки рыболовных крючков в курумчинских погребениях, а также рисунки ловли рыбы сетями на Шишкинских писаницах. Ушканьи острова служат излюбленным местом сбора байкальской нерпы, поэтому нет ничего удивительного, что здесь зафиксированы курумчинские стойбища. Для охоты на нерпу сюда могли собираться как с Ольхона, так и с баргузинского побережья.

Определенное место в экономике должно было занимать и собирательство. В китайских летописях танской эпохи сказано: "Из растений много сараны" (Бичурин, 1950. С. 348). Луковицы сараны являлись подспорьем в пищевом рационе многих сибирских народов, в том числе и бурят. Орудиями для выкапывания съедобных корней растений служили железные лопаточковидные ножи с широким лезвием, найденные в поминальных сооружениях и на Унгинском поселении (см. рис. 11, 1; 27, 12).

Хозяйство курумчинских племен было натуральным, большую роль в нем играло домашнее производство всех необходимых в обиходе предметов. Наряду с этим существовали различные специализированные ремесла.

При раскопках Б. Э. Петри в местности Уту-Елга в долине реки Куды в одной из землянок обнаружены остатки кузнечного горна, имевшего вид большого толстостенного сосуда с округлым дном и двумя отверстиями для сопел. В таких горнах древние металлурги плавил руду. Анализ железа, полученного в курумчинских кузницах, был произведен Д. Н. Лев. В результате исследований он пришел к выводу, что "для того, чтобы наплавленная масса приварилась к котлу, необходимо было: во-первых, нагреть котел минимум до 1000°, затем лить расплавленный металл. То, что котел был нагрет до очень высокой температуры, свидетельствует оплавление венчика (кромки) котла. Кроме того... сопла изготовлялись из особой огнеупорной глины, точка плавления которой 2000°. Точно также и горны изготовлены из огнеупорной глины. Это свидетельствует о том, что древние металлурги — курумчинцы были очень опытными мастерами. Многие из этих сопел сильно деформированы, что говорит о том, что они были подвержены весьма высокой температуре" (Лев, 1937. С. 126).

Анализ наконечников из коллекции поселения Шохтой, произведенный Д. Н. Лев, показал 98,7% содержания чистого железа (1937. С. 83).

В научной литературе прочно утвердилось мнение о том, что содержание чистого металла в сыродутном железе курумчинцев дости-

гало 99,43%. Эта цифра встречается почти в каждой публикации, связанной с курумчинской культурой, нет смысла перечислять их. Впервые она упоминается в двух работах Б. Э. Петри, вышедших почти одновременно (1922, 1923). В книге, опубликованной в 1922 г., Б. Э. Петри отмечает, что "курумчинские кузнецы" получали очень чистое сыродутное железо, которое содержало 99,43% железа. В работе "Доисторические кузнецы в Прибайкалье" (1923) эта цифра приведена в контексте сопоставления курумчинского железоплавильного производства с металлургией южносибирских племен со ссылкой на сочинение академика В. В. Радлова (Петри, 1923. С. 5).

У В. В. Радлова приводятся **результаты анализа железных предметов из Южной Сибири** Генриха Струве. "Чтобы доказать чистоту этого вида железа с помощью количественного анализа, один нож **раннего периода** (выделено мной. — Б. Д.) подвергли анализу, и оказалось, что в 100 частях содержится 99,43% части железа, т. е. это превосходное сортовое железо, которое хорошо поддается ковке" (1989. С. 464).

В переиздании научно-популярного очерка 1922 г. Б. Э. Петри, не уточняя источник, повторяет фразу о высоком (99,43%) содержании железа у "курумчинских кузнецов" (1928. С. 67). В дальнейшем у А. П. Окладникова эти данные прозвучали так: "Сыродутное железо курумчинцев обладало высокими качествами: процент чистого металла в нем был исключительно высок и доходил до 99,43%, поэтому оно было особенно ковким и прочным" (1948. С. 4). В последующем это утверждение перешло во многие другие работы.

Не изжило себя и бронзолитейное производство. В курумчинских погребениях среди находок известно большое количество бронзовых изделий. Литейщики отливали в специальных формах украшения и культовые предметы. В материальной культуре многих средневековых обществ наблюдается снижение бронзолитейного производства, это фиксируется незначительным количеством находок, изготовленных из бронзы. Сохранение традиций металлургии бронзы является, по-видимому, архаичной чертой, и особенно долго эта ремесленная традиция существовала у лесных племен.

Находки в курумчинских памятниках грубой лепной глиняной посуды свидетельствуют о том, что гончарство не выделилось в отдельную узкоспециализированную отрасль ремесла.

Многие предметы быта изготавливались населением курумчинской культуры из дерева. Широко использовались изделия из бересты, что требовало определенного умения в ее обработке. Незаменимым поделочным материалом являлись кость и камень. Из камня вытесывались жернова, оселки, пряслица, вырезались литейные формы.

Большинство современных исследователей считает основой хозяйства курыкан скотоводство при значительном распространении земледелия и ремесленного производства, главным образом металлообработки (Асеев, 1980. С. 136). Б. Э. Петри назвал культуру "курумчинских кузнецов" культурой скотоводческого кочевого народа, который был "с одной стороны, кочевником, с другой — имел и постоянные жилища" (1923. С. 10).

О слиянии в хозяйстве населения курумчинской культуры черт оседлого и кочевого быта свидетельствуют жилища. В первой половине II тыс. н. э. у них представлено несколько типов жилищ. Полуземлянки раскопаны на поселениях Шохтой и Усть-Талькин, причем между ними имеется существенная разница. Ямы жилищ на поселении Усть-Талькин круглой или овальной формы, очаг располагается в центре постройки, несомненно, что эти признаки были перенесены с планировочной системы юрт, традиционного жилья кочевников.

О том, что юрты и полуземлянки существовали в одно и то же время, говорит находка в одной из землянок Усть-Талькинского поселения каменной плитки с рисунком лошади, везущей кибитку на колесах. Такие же кибитки со сценами перекочевки рядом с изображениями юрт имеются на Манхайских и Шишкинских (рис. 41) писаницах.

Итак, кибитки, юрты, наличие кочевнических традиций в строительстве полуземлянок — все это характеризует мобильный, подвижный образ жизни.

Рис 41. Сцены перекочевки (по А. П. Окладникову)

Анализ жилищ позволяет говорить и об оседлости отдельных родов курумчинцев. Стационарные постройки исследованы на городище Улан-Бор, где стены выстроены веритикально поставленными бревнами. Очевидно, этот строительный прием сохранился у якутских балаганов (Зыков, 1986. С. 27—37). Описание якутских балаганов и курумчинских сооружений городища Улан-Бор обнаруживает их конструктивное

сходство. Об оседлости свидетельствуют землянки поселения Шохтой, где ямы уже имеют прямоугольную форму, что характерно для жилищ земледельческих народов (Раппопорт, 1975).

Такое совмещение оседлых и кочевых традиций (причем все эти типы жилищ относятся примерно к одному и тому же времени) позволяет говорить о том, что процесс оседания на землю прерывался новыми потоками степного населения и эти колебания, оседание и вновь усиление кочевнического быта повторялись эпизодически в связи с изменениями общей политической ситуации.

Рассмотрев основные отрасли хозяйства племен курумчинской культуры, можно сделать вывод о том, что оно носило разносторонний характер. Курумчинцы приспосабливались к природной среде местобитания и исходя из конкретных условий развивали те отрасли жизнеобеспечения, которые соответствовали местным особенностям.

3. Курыканы и хори

В заключительной части главы мы подошли к одной из труднейших проблем — к проблеме этнической идентификации археологической культуры. Идентификация этносов, известных из средневековых письменных источников, с населением археологической культуры всегда гипотетична и поэтому дискуссионна. Гипотетичность эта возникает по многим причинам. Перечислим только некоторые из них. Во-первых, сведения, которыми располагают древние авторы, иногда попадают к ним опосредованно, летописцы сами не являются участниками или свидетелями описываемых событий. Во-вторых, не всегда можно связать географические названия из этих источников с современной топонимикой. В-третьих, не всегда однозначно понимаются и переводятся этнические наименования древних племен и народов. В-четвертых, во многих случаях очень условна хронология описываемых событий. Поэтому исследователю, работающему с письменными источниками и проводящему реконструкцию этнической истории населения археологической культуры, приходится в некоторых случаях строить умозрительные конструкции с надеждой, что дальнейшее накопление научного материала может подтвердить или же внести коррективы в те модели, которые предлагаются им.

Со всеми этими трудностями сталкиваешься и при этнической идентификации населения курумчинской культуры. Эта археологическая культура традиционно связывается с курыканами, народом, известным из китайских и древнетюркских письменных источников. Рассмотрим, что же легло в основу этой гипотезы.

В XIX в. достоянием науки становятся китайские летописи, переведенные Н. Я. (Иакинфом) Бичуриным. Его труд "Собрание

сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена", опубликованный в 1851 г., содержит много ценных и интересных сведений о разных народах, населявших соседние с китайской империей земли. Одним из этих народов являлись гулиганы. По китайским летописям, гулиганы входили в союз пятнадцати племен гаогюй (или уйгуров), язык их сходен с хуннским, но есть небольшая разница — кочуют гулиганы по северную сторону Байкала (Бичурин, 1950).

В. В. Радлов в своих описаниях сибирских племен, используя работу Н. Я. Бичурина, предполагает, что "не может быть сомнения в том, что здесь под Гулигань нужно понимать якутов, по всей видимости, смешанный народ, образовавшийся из уйгуров и тунгусских племен" (Ксенофонтов, 1937. С. 399).

Еще одним важным письменным источником являются рунические письмена. В надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина упоминаются племена уч-курыкан. П. М. Мелиоранский в примечаниях к переводу надписи пишет, что "уч-курыканы мало известны; по китайским источникам, они жили к северу от Байкала, на западе их владения простирались до страны кыргызов" (1900. С. 100).

Н. Н. Козьмин в работе "К вопросу о происхождении якутов-сахалар" присоединяется к высказыванию П. М. Мелиоранского и также считает, что "гулигань" китайских летописей упоминаются в орхонских надписях под именем "уч-курыкан" и, вероятнее всего, этим народом были древние якуты. "Гулигань" — вполне обычная китайская транскрипция турецкого названия "уч-курыкан" (1928. С. 6).

В книге, посвященной происхождению якутского народа, Г. В. Ксенофонтов привлекает данные летописей и орхоно-енисейских надписей, соглашается со всеми изложенными ранее положениями и высказывает предположение, что курыканы, или гулиганы, VI—VIII вв. н. э. — это вилюйские якуты, которые образовались в результате уничтожения северной хуннской державы из остатков хуннских народов и отуреченных тунгусских племен (1937. С. 460).

А. П. Окладников при написании истории якутского народа, проанализировав всю информацию из имеющихся переводов китайских летописей, а также переводов рунических надписей, предположил, что археологические памятники курумчинской культуры оставлены предками якутов, которых в древних письменных источниках называли курыканами-гулиганиями (1948; 1955). Это положение в настоящее время считается общепризнанным, что и отразилось в названии очерка "Курыканы", написанном Е. Ф. Седякиной для первого тома "Истории Сибири".

Следуя за письменными источниками, мы видим, что ранняя история населения курумчинской культуры — курыкан соприкасалась

с историей тюркских каганатов Центральной Азии. Но надо учитывать, что Байкальская Сибирь является в географическом и культурном плане окраиной центральноазиатского мира и, очевидно, не была напрямую втянута в политическую историю орхонских тюрок.

На территории Байкала пока еще не найдено археологических свидетельств, связанных непосредственно с тюрками-тугю. Погребения с конем, совершенные по древнетюркскому обряду, поминальные оградки, древнетюркские каменные изваяния и тамгообразные изображения горных козлов — все эти типы памятников вполне правомерно связываются с распространением тюрок-тугю. Эти комплексы являются диагностическими признаками древнетюркской культуры, и территория их распространения очерчивает и границы захваченных тюрками земель.

Очевидно, надо предполагать определенную ориентированность байкальских курыкан на древнетюркское государство. С целью сохранить свою независимость и власть вожди курыкан должны были преподносить орхонским каганам всевозможные подарки. От берегов Байкала на Орхон отправлялись богатые посольства, о чем свидетельствует надпись на поминальном памятнике. В ней говорится, что в 552 или 553 г. курыканы в числе представителей других народов явились на погребальное торжество, чтобы выразить соболезнование по поводу смерти родоначальника орхонских тюрок Бумын-кагана (Малов, 1951. С. 36).

Сами тюрки не хотели связывать себе руки борьбой с лесными народами, но каганату была необходима пушнина для даров и обменной торговли с Китаем и среднеазиатскими державами. Поэтому тюрки поддерживали племена, имевшие влияние на лесных обитателей. Именно силами таких племен тюрки "геройствовали в пустынях севера" (Бичурин, 1950. С. 301). Курыканы осуществляли поборы с таежного населения Байкальской Сибири и частью своей добычи делились с орхонскими каганами.

Включенность курыкан в экономические и культурные связи древнетюркских каганатов способствовала расширению и их собственных контактов. В курумчинских могильниках Черенхын-I и Баянгол найдены золотые, серебряные и бронзовые колты (рис. 42,1,2,3). Совершенно похожие бронзовые колты найдены в погребении могильника Кудыргэ (Гаврилова, 1965. С. 40), колты обнаружены и в Одинцовском погребении на Верхней Оби (Грязнов, 1956. Рис. 18, 3, 4). Одинцовский и баянгольский колты сближает декор в виде выбивки мелкими перлами по внешней поверхности. Находки колтов также известны в погребении в Уфе и на Кубани (Могильников, 1981. С. 38).

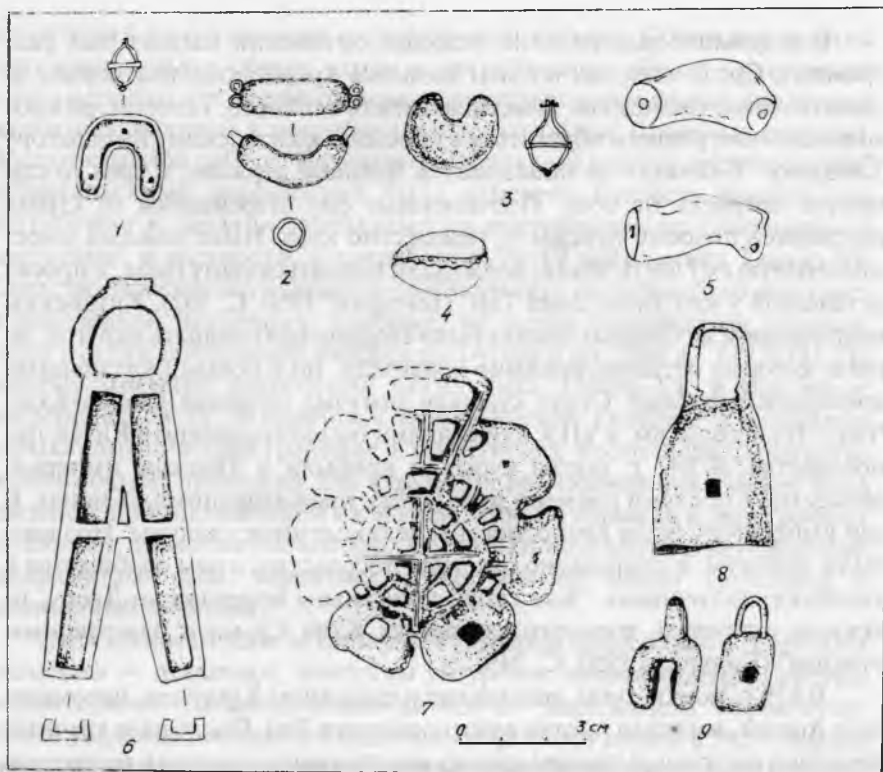

Рис. 42 Находки из курумчинских погребений (раскопки Б. Б. Дашибалова)

В эпоху раннего средневековья в Сибири не обнаружено стеклоделательных центров, очевидно, стекло здесь не изготовлялось. Все стеклянные изделия, найденные в курумчинских погребениях, являются привозными. К предметам импорта относятся коралловые бусы и раковины каури (рис. 42, 4.5). Вероятнее всего, они были доставлены в Байкальскую Сибирь из Средней Азии, которая являлась в средневековье крупным торговым центром, куда свозились товары с самых отдаленных земель.

Телесские племена (в их состав входили и курыканы) постоянно стремились к независимости от орхонских тюрок. Они неоднократно поднимали восстания и пытались играть на противоречиях во взаимоотношениях орхонских тюрок с Китайской империей. Номинальное подданство китайским императорам во многом было выгодно телесцам, чем подчинение тюркам-тугю.

В результате выступления телесцев орхонский каганат был разгромлен. Среди степных племен началась кровопролитная борьба за политическое господство. Власть захватили сейяньто. Телесцы, разгромив сейяньто, решили обратиться с просьбой к китайскому императору Тайцзуну: "Сейяньто не повиновался Великой державе, и чрез то сам навлек погибель на себя. Подчиненные ему старейшины от страха рассеялись подобно птицам — неизвестно куда. Ныне каждый имеет отделенную ему часть земли; все желают поддаться сыну Неба, и просят установить у них чины Дома Тан" (Бичурин, 1950. С. 302). Китайским императором в северных землях было создано одиннадцать округов, во главе которых остались прежние правители, но с новыми китайскими военными титулами. Округ курыкан получил название Сюань-Кюе-Чжеу. По летописям, в VII в. курыканами было отправлено в Китай три посольства. В 647 г. послы курыкан прибыли в Танскую империю совместно с послами племени дубо (туба), проживающими в Саянах. В дар императору были преподнесены великолепные скакуны. Подарки были приняты, и отправлено ответное посольство, о чем сообщается в китайских источниках: "Как скоро гулиганьцы приехали ко Двору, то указано отправить военного сановника Кхан Су-ми с благодарным ответом" (Бичурин, 1950. С. 349).

В 679 г. тюрки-тугу, возглавляемые каганом Кутлугом, потомком хана Ашина, восстали против власти империи Тан. После ряда удачных сражений восточным тюркам удалось восстановить границы и воссоздать второй восточно-тюркский каганат. В числе врагов Кутлуга упоминаются и курыканы: "На юге китайский народ был ему врагом, на севере народ тогуз-огузов Баз-кагана был ему врагом. Кыргызы, курыканы, отуз-татары, кытан и татаби — все ему были врагами. Мой отец каган, — сообщает автор надписи Бильге-хан, — сорок семь раз предпринимал походы и предводительствовал в двадцати сражениях. По милости неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы, отнял каганов у имевших каганов, врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, имевших головы — склонить головы" (Малов, 1951. С. 38).

Возможно, с усилением власти тюркских каганов в Центральной Азии и разгромом телесских племен связано появление в Восточном Забайкалье памятников дарасунской культуры. По мнению Е. В. Ковычева, среди восточно-забайкальских памятников I тыс. до н. э. нет истоков этой культуры, хотя отдельные параллели наблюдаются в обряде — формирование дарасунской культуры произошло на иной основе (1989. С. 23). В связи с этим вызывает большой интерес сопоставление

погребений курумчинской и дарасунской культур. Сближают могилы этих двух культур общие черты в погребальном обряде (скорченная поза умершего и его ориентировка, отсутствие в могильной яме костей животных, наличие в погребениях плоскостонных баночных сосудов). В коллективной работе "Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья" забайкальскими археологами была отмечена близость дарасунских погребений к западно-забайкальским погребениям со скорченными костяками, в частности, к погребению № 19 могильника Тапхар-VI. Сходство дарасунских и западно-забайкальских погребений объяснялось перекочевкой последних, которые, не желая подчиняться уйгурам, ушли в степи Восточного Забайкалья (Асеев и др. 1984. С. 118, 119). По нашему мнению, погребения могильника Тапхар-VI, в том числе погребение № 19, относятся к курумчинской культуре и оставлены курыканами. Распространение в памятниках Восточного Забайкалья особенностей, присущих для курумчинских погребений, может быть связано с проникновением на эту территорию курыкан и родственных им племен, продвижение которых могло быть обусловлено внутренними конфликтами или, вероятнее всего, войной между телесцами и орхонскими тюрками.

Судя по китайским летописям, курыканы относились к телесским племенам — племенам, имевшим уйгурское происхождение. Уйгуры неоднократно пытались освободиться от зависимости тюрков-тугу. После убийства последнего восточно-тюркского кагана в 745 г. борьба завершилась окончательной победой уйгуров и созданием новой степной империи — Уйгурского каганата (745—840 гг.). Вполне возможно, что с образованием Уйгурского каганата произошло объединение всех телесских племен, в этот союз могли входить и байкальские уйгуры — курыканы.

П. М. Мелиоранский пишет, что "в рассказе о похоронах Бумын-Истеми — кагана курыканы называются уч-курыканы, т. е. три курыкана. Подобные названия всегда указывают на "эль", составившийся из нескольких племен, державшихся прежде особняком" (1898. С. 281).

Главенствующую роль в этом общественном устройстве должен был играть какой-то один род. Правящие роды были известны многим народам Центральной Азии и Южной Сибири. Все каганы и высшая знать орхонских тюрков происходили из одного аристократического рода Ашина (Кляшторный, 1964. С. 103—111). У средневековых хакасов в VI—XII вв. древним аристократическим династийным родом являлся род кыргыз (Кызласов, 1969. С. 93). Социальная дифференциация в подобных обществах осуществлялась по двум основным линиям: родовой и внутриродовой. Любой представитель правящего рода, стоящий на

низшей ступени социальной лестницы среди сородичей, был выше, чем более состоятельный член зависимого и угнетаемого рода.

Возможно, социальное расслоение курыканского общества демонстрируют и исследованные курумчинские могильники. Например, во многих погребениях могильника Черенхын-I имеются дорогие, в большинстве своем привозные вещи: сердоликовые и стеклянные бусы, раковины каури (см. рис. 42,4), золотой, серебряный и бронзовый колты (см. рис. 42,1,2,3). Кроме того, найдены также социально-значимые культовые предметы: бронзовые подвески с полыми шаровидными окончаниями (см. рис. 42,7), А-образная подвеска (см. рис. 42,6), бронзовые колокольчики и колоколовидные подвески (см. рис. 42,8,9). В целом инвентарь этого могильника показывает общую состоятельность многих погребенных. Очевидно, могильник Черенхын-I являлся родовым кладбищем одного из правящих аристократических родов курыканского союза. Бедные погребения, такие как Куркут-II-8,15, Ольхон-3, Куркутский комплекс-II-19, чаще всего не входят в состав больших могильников, а находятся по одному или два захоронения. Инвентарь в этих погребениях или вовсе отсутствует или же представлен бытовыми вещами (ножи, пряжки). Вполне реально, что эти захоронения могли быть оставлены представителями социально зависимого и угнетаемого рода.

О социальной неоднородности курыканского общества свидетельствуют и письменные источники. В "Вэнь-сянь-тун-као" о курыканах сказано, что в дар китайскому императору Тайцзуну коней поднес "великий старейшина Сыцзинь". В "Тайшин-хуань-юйцзи" говорится, что у курыкан "двое сыцзинь вместе живут" (Окладников, 1948). Из этих сообщений китайских летописей можно сделать вывод, что во главе курыканского союза находились старейшины, которые звались сыцзинами. Несомненно, что именно этих вождей — сыгинов показывают изображения всадников со знаменами на курыканских наскальных рисунках (рис. 43). А. П. Окладников полагал, что "знамя у всадника на шишкинских рисунках служит прямым указанием на его общественное положение и руководящую политическую роль. Гордые всадники-знаменосцы верхнеленских писаниц являются или реальными земными, или умершими и уже обожествленными военно-аристократическими вождями родов и племен курумчинского племени, предводителями его боевых дружин и властителями" (1955, С. 307).

Каков же был язык курыкан? Здесь следует рассмотреть еще один важный для нас источник — это рунические надписи. Исследователями выделяются семь групп рунических надписей, куда входит и ленско-

Рис. 43. Курыканский всадник (по А. П. Окладникову)

прибайкальская зона распространения этих знаков (Кляшторный, 1974. С. 544). Наиболее известными являются надписи на двух "пряслешках", опубликованные Б. Э. Петри (рис.44). Прорисовки рун Б. Э. Петри были отправлены финским ученым К. Доннеру и М. Рэзенену, которые перевели первую надпись как "ролик веретена", во второй же были переведены отдельные слова (Ксенофонов, 1933). Переводами надписей занимался якутский исследователь Г. В. Ксенофонов, который подходил к переводам с определенной целью — если якуты жили в Прибайкалье и кроме них не могло быть другого народа, то, значит, в надписях надо искать якутские слова и грамматические формы. Исходя из этой посылки, при переводе второй надписи, после определенных корректив им читается якутская фраза (Ксенофонов, 1933. С. 172). Переводы Г. В. Ксенофонтова вызвали справедливые замечания С. Е. Малова, который считает эти толкования неубедительными: "Я думаю, что можно, пользуясь различными диалектами турецкого языка, выделить одну-две буквы, или, заменив их другими, прочесть и по-другому этот текст не с меньшими основаниями" (1936. С. 278). Расходится с мнением Г. В. Ксенофонтова анализ подписей, произведенный бурятским ученым Э. Р. Рыгдылоном. Он считает, что прибайкальские руны в звуковом и смысловом отношении имеют сходство с бурятскими словами (Рыгдылон, 1953. С. 87).

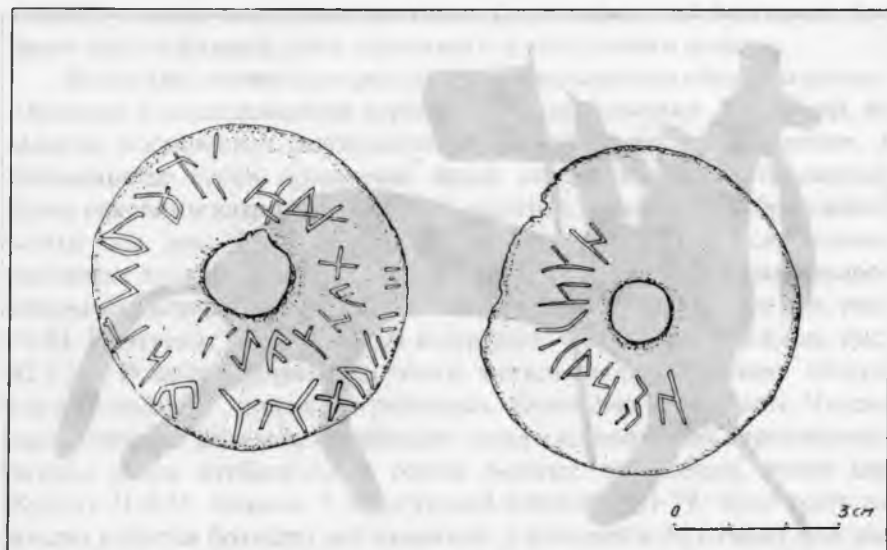

Рис. 44. Пряслица с руническими надписями (по Б. Э. Петри)

Полевые исследования С. Г. Кляшторного в Монголии показали, что многие публикации рунических знаков содержат значительное число неточно воспроизведенных текстов или частей текста. Кроме ошибок, при воспроизведении накопилось немало ошибок исследовательского характера (Кляшторный, 1973). Думается, эти слова приложимы и к изучению рунических знаков Байкальской Сибири.

Прибайкальские рунические надписи и знаки связываются с курыканами по нескольким причинам. Предполагалось, что пряслица, опубликованные Б. Э. Петри, происходят из раскопок курумчинского поселения Шохтой. Хотя Г. В. Ксенофонов отмечал, что эти пряслица представляют случайный подъемный материал, добытый посторонними лицами (1937. С. 67). Следовательно, у нас не может быть твердой уверенности в том, что пряслица найдены в курыканских памятниках и принадлежат курыканам. Но наши сомнения развеивает карта распространения рунических надписей и знаков в Прибайкалье (рис. 45), составленная Э. Р. Рыгдылоном и П. П. Хороших (1961). Эти знаки отмечены на территории, занятой курыканами. Более того, Э. Р. Рыгдылон и П. П. Хороших обнаружили руноподобные знаки на курыканской керамике (1961. С. 202). Очевидно, наличие у курыкан рунической письменности может в определенной степени говорить об их тюркоязычности. Большинство исследователей руническое письмо связывается с кругом тюркских племен, и хронология этого письма

совпадает со временем расцвета тюркоязычных политических объединений Центральной Азии и Сибири.

Имеются ли еще какие-либо факты, указывающие на язык населения курумчинской культуры? Здесь следует обратить внимание на то, что некоторые курумчинские городища, вернее возвышенности, на которых они находятся, носят тюркские названия. Это такие городища, как Манхай, что с тюркского значит "огороженная скала, гора" (Михайлов, 1976. С. 155), и ведь действительно гора огорожена валами курыканского городища. Следовательно, тюркское название оронима связано именно с присутствием на вершине городища. Тюркское название носит гора Идыге, где также имеется курумчинское городище. Два городища на реке Унге расположены на горе Хашхай, название которой тоже может быть тюркским и переводится как "каменная скала, гора". Ряд курумчинских петроглифов также размещен на скалах возвышенностей с тюркскими названиями. Это опять же такие топонимы, как Манхай, Хашхай; курыканские рисунки имеются и на горе Байтог, что означает с тюркского "богатая или большая гора" (Мельхеев, 1969. С. 37—39; Михайлов, 1976. С. 156).

Рассматривая в целом проблему языковой принадлежности курыкан, нельзя не коснуться и вопроса о происхождении названия Байкал, ведь памятники курумчинской культуры окружают это озеро и, несомненно, оно являлось священным и святым для курыкан. Вероятно, не случайно значительное количество памятников курумчинской культуры, связанных с культом предков, сосредоточено на острове Ольхон. Ольхон, видимо, являлся культовым центром населения курумчинской культуры.

Известный бурятский географ Б. Р. Буянтуев в публикации, посвященной анализу этимологии слова "Байкал", делает обзор тюркской и монгольской версий. Тюркское объяснение "бай-кюль — большое озеро", по мнению автора, не подходит, потому как не озером, а морем называют Байкал местные жители. Буряты говорят Байгал-далай (байгал — природный, естественный, натуральный), то есть природное море. В пользу этого объяснения и склоняется Б. Р. Буянтуев, подчеркивая, что за бурят-монгольскую версию говорят географические названия побережья, почти все хребты, мысы и заливы. Ведь они именуются бурятскими и эвенкийскими словами, а не тюркскими (Буянтуев, 1951). Последний аргумент не совсем верен, о чем мы еще скажем. Э. Р. Рыгдылон считает, что слово Байкал состоит из двух корней, свойственных как тюркским, так и монгольским топонимам (бай — большой, обширный; голь-коль — бассейн, водоем). Следовательно, вряд ли можно назвать Байкал

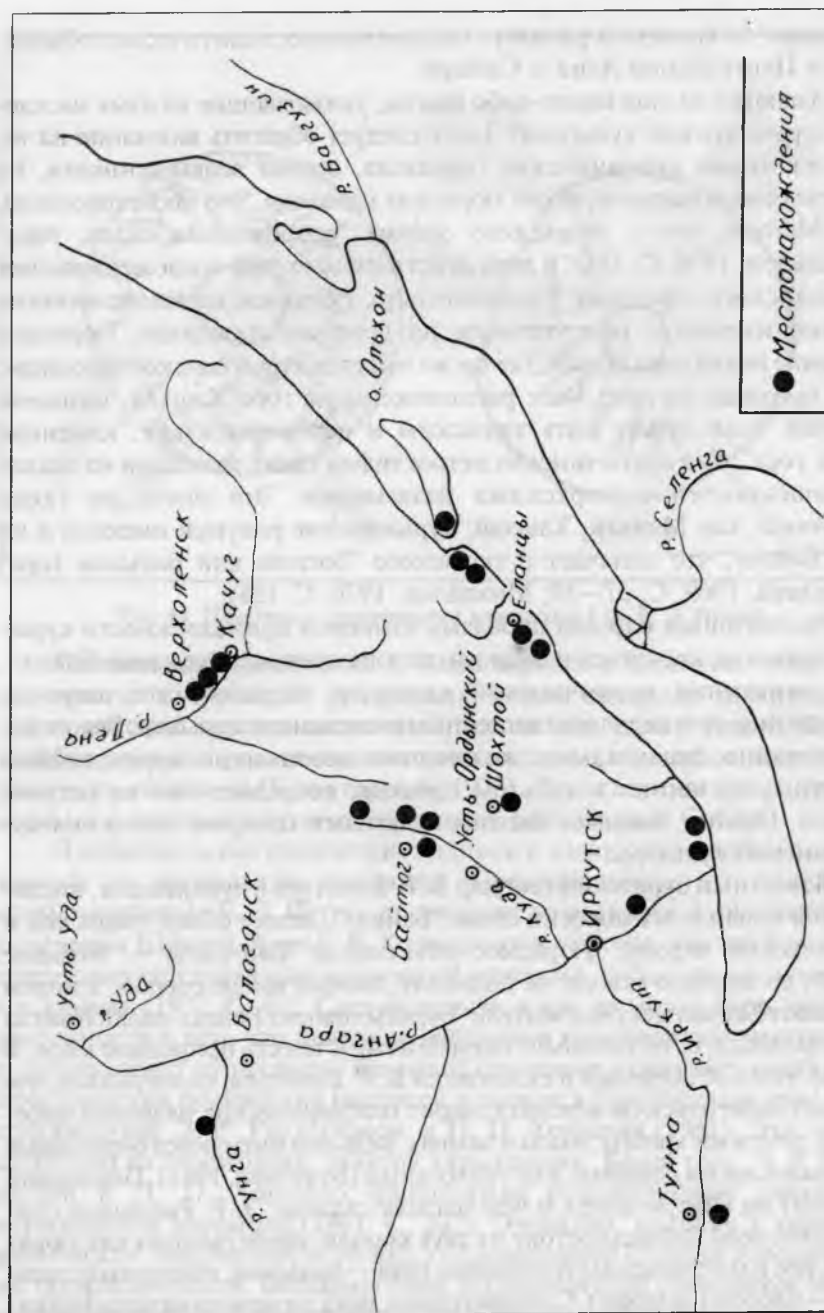

Рис. 45. Карта местонахождений с руническими знаками (по Э. Р. Рыгдылону и П. П. Хороших)

бурятским (монгольским) или якутским (тюркским) словом (Рыгдылон, 1953а).

По нашему мнению, название озера Байкал надо все-таки рассматривать как тюркский гидроним. Какие имеются основания для этого? Рассмотрим это название, взятым не в отдельности и изолированно из географической номенклатуры территории, а среди или в "контексте" названий других крупных озер, расположенных рядом. На восточном берегу Байкала находится озеро Котокель. По мнению М. Н. Мельхеева, долгое время занимавшегося топонимикой Восточной Сибири, второй корень в этом названии "кель" — это тюркское "куль, кюль — озеро" (1969. С. 136). До недавнего времени Гусиное озеро носило название Хул-нуур, что, разумеется, не значит с бурятского "нога-озеро". Очевидно, этот гидроним имеет двойное значение: тюркское (хул, кюль — озеро) (Цыдендамбаев, 1972. С. 481) и монгольское (нуур — также со значением озеро). В соседней Монголии расположено озеро Хубсугул, где опять же второй корень гул; кюль — это тюркское слово озеро. На самом Байкале, в его юго-западной части, среди многочисленных заливов Малого Моря имеется залив с названием Хул. Мы можем видеть в этом названии тюркский след или пережиток прежнего тюркского названия всего Байкала — Байкюль.

Следовательно, наличие рунических надписей в Прибайкалье и тюркской топонимики, связанной с курумчинскими археологическими памятниками, может свидетельствовать в пользу тюркоязычных курыкан. Принадлежность курыкан к древнетюркскому культурному кругу подтверждается, очевидно, и тем, что курыканы, по китайским летописям, входили в число племен уйгурской принадлежности (Окладников, 1955. С. 310).

Таким образом, следуя за нашими предшественниками, в рамках той исторической концепции, которая сложилась в науке, мы связываем археологические памятники курумчинской культуры VI—X вв. с курыканами. Но ведь занимаясь хронологией памятников этой культуры, в третьей главе мы установили, что курумчинская культура развивалась на протяжении длительного времени — с VI по XIV вв. н. э. Тогда с каким же народом могут быть соотнесены археологические памятники этой культуры XI—XIV вв.? Ведь о курыканах письменные источники первой половины II тыс. н. э. уже не свидетельствуют. Этнонимы "курыкан" орхонских рун и "гулигань" китайских летописей относятся к VII—VIII вв. н. э. и в последующем в источниках не встречаются. На рубеже тысячелетий на историческую сцену выходят новые этносы, складываются новые политические объединения.

В арабских источниках X—XII вв. население Байкальской Сибири

обозначается как "фури" или "кури". Зохак Гардизи в своем труде "Украшение известий" (1050—1053 гг.) описывает путь из страны кыргызов к большому племени фури. Из ставки кыргызского кагана к фури вели две дороги: "... одна через степь 3 месяца идти, другая по левую сторону — 2 месяца; но эта дорога трудна. Надо идти все время по лесам, по узкой тропинке и узкому пространству; по дороге много воды, постоянно встречаются реки" (Бартольд, 1963а. С. 47, 48). В сочинении "Худуд ал алам" фури "... это название народа — также из хырхызов; (они) поселяются к востоку от хырхызов; и не смешиваются с прочими хырхызами... Их языка другие хырхызы не понимают, они подобны диким зверям" (Материалы..., 1973. С. 41). У Тахира Марвази к востоку от кыргызов обитает племя "кури" (Румянцев, 1962. С. 121). В китайской средневековой летописи Юаньской династии "Юань ши" ("История Юань") около Ангара размещается народ кули. Этот же народ — кури, живущий у Байкала, упоминается и у Рашид-ад-дина, арабского историка, писавшего в начале XIV в. (Бартольд, 1963. С. 497, 499).

Г. Н. Румянцев предположил, что все эти названия (фури, кури, кули) не что иное, как хор-хори — наименование большой группы монгольских племен (1962. С. 125).

Для нашего исследования здесь важны два следующих обстоятельства. Первое — граница распространения курумчинской культуры входит в земли расселения племен хори. Второе — поздние археологические памятники курумчинской культуры датируются XI—XIV вв., а средневековые хори также упоминаются в источниках этого времени. Все это позволяет нам соотнести поздние археологические памятники курумчинской культуры со средневековым племенным объединением хори.

Какие еще у нас имеются факты, позволяющие сопоставить археологические памятники курумчинской культуры с народом хори? Разбирая предания о происхождении хоринских бурят*, мы можем прийти к выводу, что основной территорией хоринцев, территорией формирования племен, являлись земли вокруг Байкала. В песне агинских бурят (отдельная территориальная группа хоринцев) поется:

Храброго нашего предка
Местоительство — Байкал.
Нашего племени предка

Родина — на Ольхоне (Румянцев, 1962. С. 192).

К. М. Герасимова, занимаясь происхождением и локализацией

* Г. Н. Румянцев вполне обоснованно считал современных хори-бурят потомками средневековых хори (1962. С. 240, 241).

традиционных верований бурят, установила, что общими для всех хоринцев являются обо горы Барагхан в Баргузинской долине, Алтанай обо в районе Еравнинских озер, Челсана в Кижинге. Культ обо острова Ольхон тоже входит в число наиболее значимых для хоринцев (Герасимова, 1969. С. 127).

По преданиям, на берегах Байкала на острове Ольхон встречаются прародители хоринцев. Здесь охотник Хоридой женится на небесной леве-лебеди и у них рождается одиннадцать сыновей, которые сделались родоначальниками одиннадцати хоринских родов (Румянцев, 1962. С. 147). Летом 1902 года А. М. Станиловский посетил остров Ольхон. Собирая легенды о Шаманской пещере (мыс Бурхан в Хужире. — Б. Д.), он установил, что зимой к ней приезжают хоринские буряты и служат хуралы. А. М. Станиловский считает, что корни этого культа у хоринцев уходят в более раннее время: "... почтение, которым пользуется Шаманская пещера среди хоринских ламаитов, мне кажется, можно поставить в параллель с известным в литературе преданием о первоначальном происхождении хоринцев с острова Ольхона (легенда о Хоридое). Очевидно, почтение это проявляется у них с очень древних, еще добуддийских, времен" (1903. С. 130).

С другой стороны, остров Ольхон является крупным культовым центром курумчинской культуры. Именно здесь сосредоточено большое количество курумчинских городищ — святилищ; здесь же отмечена наибольшая концентрация своеобразных памятников курумчинской культуры — шатровых поминальников, связанных, по нашему мнению, с культом предков. И весьма важно для нас то, что ольхонские буряты связывают эти памятники (городища и шатровые "могилы") с хара- или хоро-монголами, которых еще называют хори-бурханы, и у них существует культ этих монголов (Агапитов, 1881. С. 20; Хороших, 1924. С. 20, 33).

Еще одним крупным культовым центром курумчинской культуры является Кудинская долина. Здесь также распространены курумчинские поселения, городища и древние пашни. По преданиям кудинских бурят, эти памятники оставлены хара-монголами (Окладников, 1948. С. 5). На курумчинских писаницах Кудинской долины и реки Лены имеются изображения верблюдов (см. рис. 31). И если мы спустимся вниз по Лене, то узнаем, что якутское название верблюда хоро-тэбиэн, то есть хоринский верблюд (Окладников, 1955. С. 232). И, очевидно, не случайно в Якутии верблюды ассоциируются с народом хоро-хори. Можно предположить, что хозяевами верблюдов курумчинских петроглифов были средневековые хори и через них предки якутов познакоми-

лись с этими необычными для таежных обитателей животными. Откуда могли верблюды, обитатели степных просторов, попасть в Прибайкалье и в какое время? Решение этих вопросов в какой-то степени могло бы приоткрыть и пути миграций древнего населения Байкальской Сибири, но это уже тема отдельного исследования.

Разумеется, нельзя свести к простому совпадению то, что в разных местах (на Ольхоне и в Кудинской долине) археологические памятники курумчинской культуры связываются с хара- или хоро-монголами. Вполне вероятно, что данные названия восходят к хори, которые в средневековые заселяли эти земли. Косвенным подтверждением этому может служить и этимология названия хоринского рода "худай". По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, это название связано с тюркским словом "кудай" — бог (1972. С. 205). Я уже упоминал о том, что Т. М. Михайлов возводит топоним Куда к этому же слову (1976. С. 153). Не мог ли данный род в прошлом населять Кудинскую долину, а затем, переселившись в Тугнуйские степи, обозначить этим именем новые места — в долине Тугнуя имеется топоним Худай. И вполне может быть, что эти переселившиеся хори соорудили в Тугнуйской долине культовое городище — святилище, подобное тем святилищам, которые они воздвигали на реке Куде и Ольхоне. Мы имеем в виду городище Шара-Тэбсэг (Ченкиров, Попов, 1928. С. 154; Рыгдылон, 1936. С. 16, 17). По своим конструктивным особенностям оно имеет типологическое сходство с курумчинскими городищами — святилищами Приольхонья, в частности с городищами, сооруженными на вершинах гор (например, возле села Еланцы), где стены также выложены из каменных плит.

У нас имеется еще один аргумент, который можно добавить к приведенным, для доказательства принадлежности поздних курумчинских памятников к хори. Хотя к интерпретации данного факта надо подходить очень осторожно, тем не менее мы приведем его. В призываниях хоринских бурят вместе с прародительницей птицей-лебедью упоминается ритуальное дерево хоринцев — береза.

Для традиционного мировоззрения характерно то, что наряду с тотемом животным, прародителями племени в ряде случаев являются и деревья. При смерти сородича соплеменники старались вернуть его тело в лоно прародителя. По нашему мнению, к этой идее восходят воздушные погребения на деревьях, подвешивание умерших детей на ветках деревьев и захоронение в дупле дерева. Следовательно, у нас имеются основания рассматривать внутримогильные конструкции в захоронении, изготовленные из дерева (колода, сруб, гроб, берестяной пакет), как реликты, а в некоторых случаях и свидетельства древнего культа священного дерева.

Весьма любопытно то, что в курумчинских погребениях XI—XII вв. (на острове Ольхон, в Баргузинской долине) внутримогильная конструкция иногда бывает изготовлена из березовой бересты в виде сшитого пакета или мешка. Так как береза священное дерево хоринцев, не является ли это еще одним свидетельством принадлежности этих захоронений к хори. Конечно, это доказательство нельзя трактовать слишком прямолинейно, но и игнорировать его, очевидно, также нельзя.

Следовательно, наша попытка связать археологические памятники курумчинской культуры (XI—XIV вв. н. э.) с племенным объединением хори подтверждается материалами бурятских преданий и фольклора, а также некоторыми источниками, свидетельствующими об этом косвенным образом.

Имеющиеся у нас данные позволяют относить хори к кругу монголоязычных племен. Так, говоря о хори X—XII вв., мусульманские авторы отмечают, что их язык отличен от кыргызского и их языка другие кыргызы не понимают (Материалы..., 1973. С. 41). Якутские хоролоры, которые, по мнению большинства ученых, являются выходцами из племени хори, также отличались своим языком от якутского. У В. Л. Серошевского, одного из талантливых исследователей якутского народа, приводится выражение, бытовавшее в прошлом у якутов: "не по-хоролорски тебе говорю, а по-якутски" (1896. С. 248). Эти немногочисленные факты позволяют думать, что основное ядро хоринского союза племен в X—XII вв. было монголоязычным.

Монголоязычными считал средневековых хори и Г. Н. Румянцев. Он сравнивал этот этноним с другими монголоязычными племенами со схожим звучанием (хорчин, хурумши, хорлос, хорхон) и предполагал, что созвучие всех этих этнонимов с основой хор-хур не случайно и восходит к тибетскому названию монголов — хор. Хор, в свою очередь, является множественным числом от хо-, или ху-, и тогда китайское название предков сяньбийцев дун-ху — "северные варвары" может быть истолковано и как "северные хоры" (Румянцев, 1962. С. 126, 127).

Кроме того, Г. Н. Румянцев отметил, что название хори (фури, кури) имеет большое лингвистическое сходство с этнонимом курыкан. Он пишет: "Сопоставление этнонима курыкан с другими названиями племен и народностей позволяет считать наиболее вероятным отождествление их с племенем хори, составляющим ныне один из главных компонентов бурятского народа. Это тем более вероятно, что согласно сообщению Рашид-ад-дина и "Сокровенного сказания", наиболее ранних источников о монголах, племена хори-тумат обитали в

дочингисовскую эпоху, т. е. во всяком случае не позже X в., в Прибайкалье как раз в районе распространения памятников "курумчинской" (куруканской) культуры" (1962. С. 132). Отождествляя курыкан и хори, Г. Н. Румянцев ссылается на предшественников, которые также пытались каким-то образом объяснить или просто сопоставить и сблизить эти этнонимы. В. В. Бартольд полагал, что курыканы орхонских надписей упоминаются в мусульманских источниках уже как народ фури. П. Пелльо считал этноним курыкан женской формой этнонима хори (Румянцев, 1962. С. 122, 123). А. П. Окладников также видел близость в курыканах и кури (1955. С. 310).

Если хори и курыканы собственно один и тот же этнос, а хори относятся к кругу монголоязычных племен, следовательно, и курыканы были монголоязычными — таков вывод Г. Н. Румянцева. Понимая, что этого явно недостаточно для подтверждения столь важного положения, Г. Н. Румянцев подкрепляет его именами целого ряда исследователей (В. В. Бартольд, П. Пелльо, Л. Амби, Ю. Д. Талько-Грынцевич, А. Н. Бернштам, В. Л. Котвич), которые, по его мнению, были сторонниками монголизма курыкан (1962. С. 128).

Рассмотрим их взгляды. О высказываниях по этому поводу В. В. Бартольда, П. Пелльо и Л. Амби мы уже упоминали. Они, так же как и Г. Н. Румянцев, сопоставляют этнонимы курыкан и хори (фури, кури) по звучанию. Неубедительна и аргументация Ю. Д. Талько-Грынцевича, который выводил слово курыкан от монгольского "хуриган" — переводил его как "овца" или считал, что этот народ по происхождению являет какую-то помесь с монголами (1900. С. 67). Не исключено, что Ю. Д. Талько-Грынцевич был знаком со взглядом П. М. Мелиоранского, который ранее, буквально в сходных выражениях, высказал эту же мысль (1898. С. 281). Правда, во второй публикации П. М. Мелиоранского перевод слова "хуриган" более точен — ягненок (1900. С. 100). Непоследователен в определении этнической принадлежности курыкан А. Н. Бернштам, собственно, это и не имело значения для основной идеи его труда, на с. 82 он сближает их с тюркскими, а на с. 165 причисляет курыкан к монгольским племенам (1946). По записям Ц. Ж. Жамцарано влекциях В. Л. Котвич говорилось: "Монголы, по-видимому, состояли не из одних только татар, ибо несколько позднее к этой же группе принадлежал народ, известный под названием курыканы" (Румянцев, 1962. С. 123).

В конце обзора нам становится ясно, что вряд ли можно в качестве серьезной аргументации ссылаться на мнения этих известных ученых. Ведь ни один из перечисленных Г. Н. Румянцевым исследователей не

ставил научной задачей выяснение этнической принадлежности курыкан. Все они занимались определенной проблемой, которая в какой-то степени касалась курыкан, высказывали свои соображения относительно языка курыкан, в некоторых случаях даже не аргументируя это и не вдаваясь в подробности.

Так как гипотеза Г. Н. Румянцева строится на сопоставлении звучания этнонимов, то решающее значение имеет, разумеется, заключение ученых лингвистов. И здесь мы должны прислушаться к мнению Г. Д. Санжеева, который выступил против этимологического отождествления курыкан и хори. Он считал, что это невозможно по фонетическим законам, без учета которых нельзя отождествлять слова, так как в их звуковом составе нет для этого необходимых фонетических условий, вне которых ни один звук не может переходить в другой (Санжеев, 1983. С. 86—94). Г. Д. Санжеев согласен с Г. Н. Румянцевым в том, что этноним курыкан из тюркских языков не объясняется (но надо учитывать, что приставка "уч", то есть "три" — тюркская. — Б. Д.), и считает возможным связать его с курканами Рашид-ад-дина, а затем с бурятским родом хурхад, проживающим в Алари, который, по мнению ученого, имеется также среди эхиритов и булагатов (1983. С. 88, 93).

Раз мы затронули этимологию этнонима курыкан, то приведем все имеющиеся на этот счет соображения. По Г. В. Ксенофонтову, этот этноним объясняется из бурятского "хюргэн-кюргэн" и тунгусского "курокан, куракан, курэкэн", что значит зять. Исходя из этого, Г. В. Ксенофонтов подразумевал, что главы трех подразделений вилюйских якутов (отюренные тунгусы, древние хунны и часть монгольских родов) состояли зятьями тыгынов, властителей якутского народа (1937. С. 461). Сходного мнения придерживается и В. В. Свинин. Он предлагает "уч-курыкан" переводить как "три зять", то есть это три разноязычных рода (тюрки, тунгусы и монголы), связанные между собой кольцевой системой родства (Свинин, 1974. С. 20). Т. А. Бертагаев путем сложных фонетических модуляций возводит название бурят к этнониму курыкан (1970). Разбор данной гипотезы занял бы много места. Несостоятельность и искусственность построений Т. А. Бертагаева вызвали справедливую критику Ц. Б. Цыдендамбаева (1972. С. 272—274) и Г. Д. Санжеева (1983. С. 101—105).

Завершая наш этимологический экскурс, следует согласиться с Д. Д. Нимаевым, который считает, что "даже в случае полной доказанности происхождения указанного этнонима из монгольских языков (как собственно из тюркских. — Б. Д.) вопрос об этнической принадлежности курыкан не получит окончательного решения, так как он не может сводиться к поискам этимологии данного этнонима — проблема в целом гораздо шире и сложнее" (1988. С. 70).

Возвращаясь к концепции Г. Н. Румянцева, нам представляются важными такие основные положения, выдвинутые исследователем: во-первых, кури и фури арабских сочинений не что иное, как племена хори; во-вторых, современные хоринские буряты — это потомки средневековых хори; в-третьих, Г. Н. Румянцев интуитивно почувствовал этногенетическую близость хори и курыкан, но путь, выбранный им для доказательства этого лингвистическими сопоставлениями этнонимов, оказался не совсем верным.

Каковы же, по нашим представлениям, взаимоотношения между курыканами и хори? Попытаемся рассмотреть данный сюжет. Через десять лет после известной работы "Происхождение хоринских бурят" Георгия Никитича Румянцева была издана книга Цыбикжапа Бобоевича Цыдендамбаева "Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование". В этой фундаментальной монографии в третьей главе ставится вопрос о происхождении и составе хоринских бурят, а так как генезис хоринских бурят связан со средневековыми хори, то многие выводы автора могут помочь в решении нашей проблемы.

Ц. Б. Цыдендамбаев тщательно разобрал этимологию названий всех хоринских родов. В результате проделанной работы такие роды, как хуасай, кубдун, харганай, худай и хальбин, по мнению исследователя, имеют тюркское происхождение (Цыдендамбаев, 1972. С. 194—209). Следовательно, почти у половины хоринских родов (5 из 11 родов) история их сложения может быть связана с тюркскими корнями. Этот вывод нуждался в дополнительных обоснованиях. Ц. Б. Цыдендамбаев обращается к материалам бурятского эпоса о происхождении хоринских бурят. Широко известно, что в хоринских легендах их праматерью является лебедь. В "Ацагатском очерке о хори-бурятах", написанном на монгольском языке (рукопись этого очерка имелась у Ц. Б. Цыдендамбаева), есть такие слова: "Когда пролетают лебеди над юртами, из древних времен и донныне принято непременно брызгать молоком, приговаривая: "Происхождение наше от птицы-лебедя, ритуальное наше дерево — береза, мать наша — Будун-хатун, старшая наша сестра — Алун-гоа, родные места Ойхон и Киламан!" (1972. С. 223). В версии, записанной М. Н. Хангаловым, праматерь хоринцев звали Хобоши-хатун. Близость основы имени Хобоши с якутским словом Куба — лебедь отметил Г. Н. Румянцев. Он же привел сопоставительный материал, в котором культ лебедя чаще всего был отмечен у тюркских народов. Но так как это не совсем вязалось с его общей гипотезой, то автор приводит указание на почитание лебедя у остяков, русских и

греков (1962. С. 162, 163). В этом вопросе ближе к истине Ц. Б. Цыдендамбаев, который разбирает и доказывает это положение: "...почитание лебеда у тюрков носило более массовый характер и, что очень важно, исконный характер" (1972. С. 224, 225).

По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, тюрками, вошедшими в состав хори-бурят, могли быть туматы, так как в "Сокровенном сказании" монголов хоринцы называются не просто хори, а хори-туматами, причем в этом союзе туматы-тюрки занимали ведущее положение, а хоринцы протомонгольского происхождения находились в зависимом положении (1972. С. 226).

Исследователи, занимавшиеся этой проблемой, не согласились с подобной трактовкой этнонима "хори-тумат". Г. Д. Санжеев, рассматривая историю формирования наименования "тумат", связывал это слово с термином военно-административного характера, образованным от тюрко-монгольского тумэн — "десять тысяч" (1983а. С. 61—64). Д. Д. Нимаев считает такое объяснение вполне приемлемым и полагает, что нет оснований рассматривать хори и туматов как два совершенно разных народа. Хотя впоследствии хоринский тумэн мог восприниматься и как отдельное племя с самостоятельным названием (1993. С. 152—155).

Если согласиться с мнениями этих исследователей, то, очевидно, тюркские черты в культуре хоринских бурят не могут быть связаны с туматами. Рассмотренный нами материал позволяет считать, что тюркские элементы в культуре хоринских бурят, вероятнее всего, являются курыканским наследием. Средневековые хори-монголы вобрали в себя многие курыканские (тюркские) роды и ассимилировали их; культы и традиции курыкан стали органичной частью хори, а в последующем на этой основе складываются хоринские племена бурят.

Когда политическая власть курыкан перешла к хори и как происходила смена тюркского языка на монгольский? Все эти вопросы пока мало изучены и ответы на них не выходят из области догадок. В арабском анонимном географическом трактате "Границы мира" (Худуд-ал-алам), написанном в конце X в. (982 или 983 г.), упоминаются племена хори (фури), причем хори уже к тому времени заселяли земли западнее Байкала, потому как, судя по сочинению, они помещались к востоку от кыргызов. По археологическим материалам, коренные изменения в курумчинской культуре происходят в XI—XII вв. Тогда, следовательно, мы можем сделать заключение, что какая-то часть хори была в Байкальской Сибири уже в X в., но основная волна переселений, видимо, пришлась на XI—XII вв. Археологическое обследование

культуры хори еще только начинается, и в дальнейшем археология сможет внести отдельные коррективы в наши пока предварительные гипотетические реконструкции.

Очевидно, события, повлекшие за собой исчезновение этнонима курыкан, замена его новым наименованием хори, являлись коллизиями не только местной истории, а входили в орбиту общих политических явлений в Центральной Азии и связаны с крупными переделами этнополитической карты всего центральноазиатского региона.

В начале X в. политическая ситуация в Центральной Азии и прилегающих к ней областях меняется коренным образом. Это связано с возникновением и усилением военного, а следовательно, и политического господства империи Киданей — государства монголоязычных племен, известного в истории под названием династии Ляо (916—1125 гг.). К XII в. кидани практически полностью завладели всей территорией современной Монголии. Киданьская экспансия привела к изменению существовавших этнических границ и во многом изменила расселение и соотношение тюркоязычных и монголоязычных племен центральноазиатского мира.

Об этих событиях мусульманский историк XII в. Тахир Марвази писал, что племя кун, боясь киданьских властителей и будучи стесненным в пастбищах, покинуло свои земли, но их начал преследовать народ кай, который был многочисленнее и сильнее их. Куны переселились на землю шары, шары вынуждены были мигрировать в страну турков-гуззов, а те двинулись на территорию печенегов к берегам Армянского (Черного) моря (Окладников, 1959. С. 175). Итак, на обширных пространствах евразийских степей начались великие перемещения народов, каких не было со времен хуннского движения на запад.

Разумеется, все эти военные действия, борьба за более обильные пастбища, лучшие охотничьи угодья, за земли, богатые залежами железных руд, которые так нужны были завоевателям для изготовления оружия, не могли не затронуть племена Южной и Восточной Сибири.

Вся эта смута, развязавшаяся между отдельными народами, сдвинула с места и монголоязычное племя хори. В X—XI вв. группы племен, возглавляемые хори, оказываются у берегов Байкала. Надо полагать, что проникновение хори на территорию Байкальской Сибири не было мирным. Вероятно, какая-то небольшая часть курыкан, под давлением более сильных и могущественных завоевателей, двинулась вниз по Лене и ушла на север в земли предков якутов. Оставшиеся курыканские роды вошли в состав нового складывающегося политического союза и новой этнической структуры, возглавляемой хори. Население Байкальской Сибири в это время характеризовалось этнической не-

однородностью и пестротой родоплеменного состава. Наряду с хори (монголами), здесь жили курыканы (тюрки), а также другие племена и роды, различающиеся своим происхождением.

Сходные по своему значению события происходили и во многих других областях Центральной Азии. В конце X — начале XI в. начался процесс постепенного расселения монголоязычных народов, сопровождавшийся вытеснением, а чаще всего слиянием с монголами местных этносов, говорящих на тюркских, тунгусо-маньчжурских и иных языках. Эти события в конечном счете привели к усилению монголоязычных племен в Центральной Азии.

Население, проживавшее до эпохи господства монголов в центральноазиатских степях, в своей значительной массе не покинуло родных мест. Смена политического и языкового господства не означала смены населения, то есть это не значит, что все тюркские племена ушли осваивать новые земли, а их кочевья заселили монголы, хотя этот процесс частично наблюдался. Очевидно, в истории Центральной Азии неоднократно происходила смена политического и языкового господства, но основная масса населения, основной генотип, оставался, но приспособлялся к изменившимся условиям — менял язык и в какой-то степени воззрения и культы. Рашид-ад-дин писал по этому поводу: "...вследствие же их могущества другие (племена) в этих областях также стали известны под их именем, так что большую часть тюрок (теперь) называют монголами. Подобно тому, как перед этим татары стали победителями, то и всех (других) стали называть татарами" (1952. С. 77). Ведь тюрко-монгольский мир во многих своих проявлениях близок, а иногда и един, тем более, когда это касается традиционной культуры, древней и средневековой истории. Поэтому смена языка при совместном проживании тюрок и монголов могла осуществиться в течение 200—300 лет, а для малочисленных групп этот процесс мог завершиться и быстрее. Возьмем примеры из недавнего прошлого. Тюркоязычные сойоты Восточных Саян на сегодняшний день монголоязычны и считают себя в основном бурятами. В XIX— начале XX вв. активно шел процесс монголизации юга Тувы, впоследствии, в связи с политическими изменениями, он приостановился.

Таким образом, все эти события привели к тому, что в XI—XIV вв. на территории Байкальской Сибири складывается новое этнополитическое объединение хори. Какие же еще племена и этнические группы могли входить в это объединение и населять Байкальскую Сибирь, или, как называли ее средневековые авторы, Баргуджин-Токум в ту эпоху? Персидский историк Рашид-ад-дин (1247—1318 гг.) написал многотомный капитальный труд по истории монголов. При создании

работы он использовал не дошедшие до нас древнемонгольские сочинения, рассказы своих современников, побывавших в Монголии, а также устные предания самих монголов.

Рашид-ад-дин пишет о населении Баргуджин-Токума следующее: "Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы... Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища (находятся) на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяют монголы и которые называют Баргуджин-Токум" (1952. С. 121, 150). Далее он повествует: "В тех пределах сидело множество других племен: ойрат, булагачин, кэрэмучин и другое племя, которое они называют хойин-уриянка, — также было близко к этим границам; каждое в отдельности имело начальника и предводителя" (Там же).

По мнению Г. Д. Санжеева, названия "булагачин и керемучин" — не наименования племен. Они (эти названия) попали в труд Рашид-ад-дина из уст мусульманских купцов, которые, рассказывая о своих далеких путешествиях, упоминали и то, что эти племена хорошие охотники на белок (керемучин) и соболя (булагачин) (1983. С. 81—86). Ведь для купцов важным было не наименование племен, а тот товар (пушнина), за которым они отправлялись в столь труднодоступные страны. В "Сокровенном сказании" говорится об одном из таких купцов, туркестанце Асане, который скупал соболей и белок у охотников, спускаясь вниз по течению реки Эргуне (Аргунь) (Козин, 1941. § 182).

В монгольской летописи "Алтан тобчи" упоминаются буряты: "Бурийатский Оро Шигуши поднес августейшему, обладающему величием владыке сокола, пойманного около великого Байкала" (1973. С. 200).

Еще одним племенем, которое попало в результате завоевательной политики Чингиса в Баргуджин-Токум, были меркиты. Меркиты слыли сильным и воинственным народом, жившим по всей долине Селенги. Темучжин во главе объединенных войск разбил основные силы меркитов за рекой Хилок в степной местности Буура-кеере, и остатки меркитов поспешно бежали вниз по реке Селенге в страну Баргучжинскую (Козин, 1941. § 109).

Таким образом, судя по имеющимся в нашем распоряжении письменным источникам, в Байкальской Сибири (Баргуджин-Токуме эпохи средневековья) в XII—XIII вв. обитали такие племена: кори (хори), баргут, тумат, байаут, ойрат, бурят, хойин-уриянка, меркит. Посмотрим, как же расселялись эти племена в пределах Баргуджин-Токума.

Названия бурят и ойрат в источниках в ряде случаев встречаются рядом друг с другом. В летописи "Эрдэни-йин Тобчи" Сананг Сечена

они упоминаются даже как ойрат-бурят. По описанию Рашид-ад-дина, "... местопробытием этих ойратских племен было Восьмиречье" (Сегиз-мурэн)... Из этого места вытекают реки, (потом) все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм; последняя впадает в реку Анкара-мурэн" (1952. С. 118). Рекой Кэм в монгольскую эпоху назывался Енисей, а область, которую населяли енисейские племена, обозначалась как Кэм-Кэмджиут. О том, что буряты жили западнее озера Байкал, можно заключить и из "Сокровенного сказания", где они упоминаются среди енисейских народностей. Следовательно, буряты и какая-то часть ойратов населяли западные пределы Баргуджин-Токума на границе с областью Кэм-Кэмджиут. Причем ойраты были гораздо больше по численности и составляли союз племен, а буряты были малочисленнее и входили в ойратское объединение.

В наименовании племени хойн-урянка, несомненно, узнается его прочтение ойн-урянха, то есть лесные урянха. Средневековый историк сообщает о них следующие сведения: "Во время перекочевков они грузили поклажу на горных быков и никогда не выходили из лесов. В местах, где они останавливались, они делали из коры березы и других деревьев немного навесов и лачуг и удовлетворялись этим... Они делают особые доски, которые называют чанэ... Они так гоняются на чанэ (лыжах) по степи и равнине, по спускам и подъемам, что настигают горного быка и других животных и убивают (их)" (Рашид-ад-дин, 1952. С. 124).

Гильом Рубрук, посол французского короля Людовика IX, посетивший Каракорум, столицу монгольской империи в 1253 г., оставил воспоминания о своем путешествии. В них описываются и те народы, которые он повстречал на своем пути: "...к северу (говорит Рубрук о своем пути к ставке Мунко-хана на Орхоне) также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени Керкисы. Живут там также Оренган, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигают на них по замерзшему снегу и по льду с такою сильною быстротою, что ловят птиц и зверей" (Карпини, Рубрук, 1911. С. 134). Значит, ойн урянха (оренган) жили рядом с кыргызами и ойратами, то есть на западных границах Баргуджин-Токума. Причем ойн-урянха заселяли горные лесистые таежные пространства.

Среди этнических групп, населявших Баргуджин-Токум, упоминаются байяуты. Байяуты были многочисленным племенем и подразделялись на две ветви, одна из этих ветвей кочевала по реке Джадай (Джиде) (Рашид-ад-дин, 1952. С. 175).

Как уже указывалось, в Баргуджин-Токуме оказались и разбитые Темучжином меркитские кочевья. По "Сокровенному сказанию", их

юрты ранее располагались по реке Селенге. После того, как объединенные войска Темучжина, Тоорил-хана и Чжамухи разгромили меркитов, они бросились бежать по Селенге, "к одному из монгольских племен, которое называют баргут," — уточняет Рашид-ад-дин (1952 а. С. 111).

Весьма непроста и запутанна история трех больших племен, которых источники монгольской эпохи размещают в Баргуджин-Токуме. Это племена хори, тумат и баргут. Все исследователи согласны в том, что основные кочевья баргутов находились в Баргузинской долине. В курыканскую эпоху их называли байегу (байырку). Очевидно, тогда они говорили на тюркском языке, а во время господства монголов баргуты стали монголоязычными (Нимаев, 1993). Имеется мнение, высказанное языковедами, что в ряде случаев в источниках термин барга-баргу не может быть наименованием племени. Баргу — презрительное наименование лесных племен, которые, по мнению более развитых степных соседей, являлись "грубыми", варварами, что и означает с монгольского языка это выражение (Бертагасев, 1958; Санжеев, 1983. С. 97).

В источниках имеются и некоторые противоречия. С одной стороны, недовольные политикой Чингис-хана племена бегут и скрываются от него в Баргуджин-Токуме. Очевидно, Баргуджин-Токум являлся убежищем для всех изгнанных, обездоленных и обиженных. С другой стороны, земля Баргуджин-Токума это земля предков Чингис-хана. Род борджигин, откуда происходит Чингис-хан, брал жен из местности Баргуджин-Токум. Чингис-хан не забывал об этом и, будучи владыкой громадной мировой империи, сказал: "Каждый мальчик, родившийся в местности Баргуджин-Токум, на Ононе и Кэлурэне, будет мужественным и отважным, сведущим и сметливым (от природы) без наставлений и выучки. И каждая девочка, которая там родится, будет хороша и прекрасна лицом без убранства, причесывания и румян и будет безмерно искусна, проворна и добродетельна" (Рашид-ад-дин, 1952а. С. 264). Также неясно и то, что баргуты, судя по источникам, считались самыми верными воинами в гвардии Чингис-хана, который всячески поддерживал своих баргутских сородичей, но те же летописи свидетельствуют и о том, что с баргутами были родственны туматы, которые для монголов являлись самым злокозненным и недоброжелательным народом. Чингис-хан наказал их, перебив множество туматских воинов (Рашид-ад-дин, 1952. С. 117, 121, 122, 156).

Относительно туматов Рашид-ад-дин указывает, что в ранний период своей истории они обитали на границе областей Кэм-Кэмджиут и Баргуджин-Токум, в пределах страны кыргызов (1952. С. 118, 122). Тахир Марвази и "Худуд-ал-алам" к востоку от кыргызов размещают

средневековых хори (Румянцев, 1962. С. 121). Возможно, что это было когда-то одно племя, а впоследствии туматы выделились в отдельную ветвь. Такого мнения придерживается Д. Д. Нимаев (1993. С. 154, 155). Близкие идеи высказывал и Б. Б. Барадин (1927).

Рассмотрев этническую карту расселения средневековых племен в Байкальской Сибири (Баргуджин-Токуме), можно сказать, что на этой обширной территории обитали племена, которые были во многом родственны, история многих из них уходила в курыканскую эпоху. Причем летописные источники чаще всего упоминают этноним хори в разных фонетических вариациях, но везде он прочтывается. Очевидно, это было многочисленное племя, которое ассимилировало и включило в свой состав различные родовые группы, отличающиеся как своим языком, так и происхождением.

В дальнейшем это политическое объединение хори, родовые группы, входящие в него, явилось той основой, на которой сложились хори-буряты, а также другие племенные подразделения бурятского народа. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Рассмотрим расселение хоринских бурят. Основная часть хоринцев проживает по рекам Хилок и Уда и их притокам. Еще одна большая группа освоила междуречье рек Ингоды и Онон, это в основном агинские буряты. По материалам С. П. Балдаева, выходцы хоринского рода галзут имеются на Лене, Ольхоне, Баргузине, Кударе и когда-то даже были на Оке. Хоринские шаряты отмечены на реке Лене и в низовьях Уды (Иркутская область), причем нижнеудинские шаряты называют себя окинскими шарятами; очевидно, в прошлом они также жили на Оке. Возможно, о том, что на Оку когда-то заходили хоринцы, говорят лингвистические материалы. С. Б. Будаев, исследуя окинских бурят, выявил ряд фонетических позиций, которые наблюдаются и в ареале распространения хоринского говора (Галданова, 1992. С. 12). Роды гучит и худай имеются в Кудинской долине (Балдаев, 1970. С. 289—307). Г. Н. Румянцев считает, что хангинцы, считающиеся ответвлением племени булагат, являются хоринским родом хальбин (хангин — фонетическая разновидность этнонима хальбин). Легенды хангинцев о своем происхождении отличны от булагатских и совпадают с основным мифом хоринцев о происхождении от девы-лебедя и Хоридоя (Румянцев, 1962. С. 196—198). Один из самых больших хонгодорских родов тайбжан имеет второе название "сагаан". Род сагаан находится и среди одиннадцати хоринских родов (Дугаров, 1993. С. 215). Отдельные хоринские роды проживают в Монголии, во Внутренней Монголии, возможно в Ордосе, а также среди калмыков на Волге (Румянцев, 1962. С. 235—237; Нимаев, 1988. С. 97). Следует согласиться с Г. Н. Румянцевым, что "разбросанность хоринцев от берегов Ангара до излучины Хуан-хэ свидетельствует о сложности их судеб в прошлом" (1962. С. 237).

Очевидно, с фактом такого широкого распространения хоринцев связана и обширная география мифа о происхождении от птицы-лебедя. Этот миф бытует не только среди восточных бурят-хоринцев, но и среди аларских, тункинских и закаменских хонгодоров, а также среди родов хангин, шарят, гучит и шошолок, проживающих на западной стороне Байкала (Дугаров, 1993. С. 216). О древних связях хоринцев и хонгодоров упоминается в шаманских призываниях хонгодоров: "два отока хонгодоров — потомки восьми небесных дев, имеющие хори-монгольское происхождение" (Галданова, 1992. С. 12). На близость хоринцев и тункинских бурят указывал и Стуков. Он писал, что, по преданиям, хоринцы составляют одно племя с тункинскими бурятами и "хоринцы, иступленные буддисты, не редко приезжают по обету в Тунку для принесения жертвы Буха-нойону и для поклонения святым местам, освященным его стопами" (Стуков, 1881. С. 170, 184).

Таким образом, хоринцы проходят среди всех основных бурятских племен (эхиритов, хонгодоров и булагатов). Интересно, что много хоринских родов отмечено среди эхиритов*. Очевидно, это обусловлено тем, что какая-то часть хоринцев в XVII в. и ранее заселяла те же земли, на каких в настоящее время проживают эхириты (Токарев, 1939. С. 118—123).

Не исключено, что некоторые хоринские роды, находящиеся среди добайкальских бурят, уходят своими корнями к средневековым хори и населяют Западную Бурятию еще со средневекового времени. Судя по материалам, собранным С. П. Балдаевым, хоринские роды, проживающие среди эхиритов, отрицают свою связь с забайкальскими хоринцами (1970. С. 290, 295). Это может свидетельствовать о давности их отрыва от основного ядра племени хори. На это указывает и Ц. Б. Цыдендамбаев, полагая, что хоринские гучиты (гушиты) могли войти в состав протоэхиритских родов в связи с походом чингисовских войск против лесных народов (1972. С. 199).

Среди хонгодоров и шошолоков Закамны отмечен культ двух хоринских девиц (Галданова, 1992. С. 20). Этот же культ проводился и булагатами в улусе Буреть Идинского ведомства в конце XIX в. (Михайлов, 1987. С. 68). По словарю-справочнику И. А. Манжигеева, почитание хориин-хоёр зайн имело распространение в Западной Бурятии. Две бедные девушки, последние наследницы шаманских родов

* При полевых работах на острове Ольхон и в Баргузине, где в основном проживают эхиритские роды, местные жители, выяснив, что я отношусь к хоринцам, неоднократно отмечали близость моего говора к их наречию. И. Д. Бураев в устной беседе подтвердил схожесть говора хоринцев и эхиритов и указал, что на это обратил внимание Ц. Жамцарано во время фольклорных экспедиций в Западную Бурятию.

хори-бурят, были погублены ламаистским духовенством. и их души перебрались к западным бурятам, где шаманизм существовал свободно (Манжигесв, 1978. С. 87). Г. Р. Галданова считает, что это более поздняя версия: "... первоначальные истоки культа "хоринских девиц" у хонгодоров и шошолоков Закамны, Тунки и некоторых родов иркутских бурят надо искать в генетическом родстве хоринских, хонгдорских и шошолокских родовых поколений" (1992. С. 20). Похожие мысли высказывал и Д. С. Дугаров, правда, по другому поводу. При этом он указывал на то общее начало, в котором сложились буряты и их основные этнические компоненты (хори, хонгодоры и булагаты),— это культура курыкан (1993. С. 231).

Изложенный нами материал показывает, что генетическое родство бурятских племен имеет глубокие корни и уходит в хори-курыканскую эпоху, к населению курумчинской культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что в средневековые территории Байкальской Сибири занимало население курумчинской культуры. Недостаток источниковой базы не позволил с убедительной полнотой осветить многие вопросы, связанные с развитием культуры почти на протяжении тысячелетия. Имеющийся материал большей частью фрагментарен и неоднороден, что существенно ограничивает возможности исторического исследования. Свою задачу автор видел в поиске и выявлении проблем, связанных с изучением курумчинской культуры, демонстрацией неоднозначности решения этих проблем. Вместе с тем, отталкиваясь от имеющихся фактов, я предпринял попытку предложить свои суждения по вопросам семантики отдельных типов археологических памятников, а также хронологии, происхождения и истории населения курумчинской культуры.

В VI—XIV вв. н. э. на территории вокруг озера Байкал образовалась новая этническая общность. Свидетельством этого являются специфические черты в материальной культуре (керамика, погребальный обряд), которые позволяют характеризовать ее как принадлежащую единой археологической культуре. Эта культура представлена разнообразными типами археологических памятников.

Первыми были открыты и исследованы поселенческие комплексы курумчинской культуры. Коллекции из поселений не были опубликованы и находятся в Музее антропологии и этнографии (Санкт-Петербург) и Иркутском краеведческом музее. Анализ материалов поселений Шохтой и Тотхон показал всю сложность их интерпретации. Отсутствие чертежей и описания раскопок не позволяют использовать находки как полноценный археологический источник. К сожалению, надежность этих находок не может выйти за пределы информативности подъемного материала. Можно однозначно сказать лишь то, что в составе материала имеется керамика курумчинского облика и хронология вещей в целом совпадает со временем существования курумчинской культуры. Причем в коллекции отмечены также предметы с этнографическими чертами.

Обширный круг вопросов связан с изучением Унгинского и Усть-Тальцинского поселений. А. П. Окладников вполне обоснованно

рассматривал Унгинское поселение как курумчинское, но с элементами среднеазиатской традиции. Датировка Унгинского поселения IX—X вв. была предложена, очевидно, исходя из общеисторических соображений. Типологический анализ находок позволил датировать этот памятник XIII—XIV вв. Принятие этой даты означало, что существование курумчинской культуры не ограничивается рамками IX—X вв. н. э. и что эта культура развивалась и в первой половине II тыс. н. э. Для такого важного вывода требовались дополнительные аргументы. И они появились.

Над Унгинским поселением находится городище Улан-Бор. Связь этих двух памятников несомненна: и на городище, и на поселении найдена курумчинская керамика. Кроме того, в валу городища Улан-Бор найдено несколько человеческих останков, причем черепа этих людей характерны для памиро-ферганской расы, а ведь в коллекциях Унгинского поселения некоторые вещи имеют среднеазиатское происхождение. Антропологический материал двух захоронений городища Улан-Бор был продатирован радиоуглеродным методом:

Захоронение	№ ГИН	Возраст по C_{14}	Условный календарный возраст
Улан-Бор-7	6642	560 ± 40	1390
Улан-Бор-8	6643	350 ± 50	1600

Мы видим, что погребение № 7 относится к концу XIV, а захоронение № 8 к началу XVII в. С чем связан такой разброс дат, сказать затруднительно. По нашему мнению, судя по многим признакам, оба захоронения были произведены одновременно. Для нас важно, что обе эти даты омолаживают хронологию городища и первая дата (захоронение № 7) соотносится с датировкой Унгинского поселения, полученной сравнительно-типологическим методом.

Помимо городища Улан-Бор, на территории Байкальской Сибири известно немало число памятников этого типа. Стационарные работы (до раскопок А. В. Харинского) были произведены всего лишь на трех городищах — Улан-Бор, Манхай и Шибэтэ (Приольхонье, Куркутский залив). Мнения о назначении и этнокультурной принадлежности данных памятников неоднозначны. Находки курумчинской керамики позволяют думать, что городища использовались населением курумчинской культуры. Не исключено, что какая-то часть их была сооружена курумчинцами уже в эпоху позднего средневековья. Вероятнее всего,

преобладающее большинство городищ является культовыми сооружениями — храмами под открытым небом. Для совершения религиозных действий была необходима замкнутая сакрализованная площадь. Валы, рвы и стены городищ оберегали это освященное пространство от злых сил. Территория городища была священной и охранялась божествами. Столь высокий статус требовал при возведении городищ особых церемоний, вплоть до человеческих жертвоприношений.

Начиная с Н. Н. Агапитова (публикация 1881г.) в литературе утвердилась гипотеза, по которой шатровые сооружения являются захоронениями населения курумчинской культуры, совершенными по обряду трупосожжения. С течением времени накапливались новые материалы, позволяющие связывать с курумчинцами иные погребальные памятники. Полевыми работами Байкальского отряда было исследовано восемь новых могильников, связанных между собой элементами погребального обряда и инвентаря. Выявленные признаки погребального обряда и предметного инвентаря курумчинских погребений позволили по-новому оценить культурную принадлежность памятников, исследованных ранее, и "опознать" среди них те комплексы, которые, по нашему мнению, связаны с курумчинской культурой.

Из всех типов курумчинских памятников более всего исследованы шатровые "могилы". Вместе с однотипными сооружениями количество раскопанных конструкций превысит 500. По мнению Н. Н. Агапитова, А. П. Окладникова и И. В. Асеева, шатровые "могилы" являются погребениями по обряду кремации. В. В. Свинин и М. А. Зайцев связывают их с обрядом захоронения последа. Сопоставление раскопок шатровых и других жертвенных кладок с результатами исследований шурмакских поминальных курганов и тюркских поминальных оградок выявляет такие сходные признаки: в большинстве сооружений отсутствуют находки: фиксируются небольшие пятна золы или отдельные угольки; отмечены кости животных; имеются общие элементы в конструкции (оградки, присутствие внутри небольших каменных ящиков или просто ямок). Все это не может быть простой случайностью и, судя по всему, объясняется сопоставимостью их функционального назначения. Проанализированный нами материал позволяет считать шатровые "могилы" и близкие им сооружения поминальными памятниками. Подтверждает это и то, что шатровые поминальники (в трех случаях) образуют взаимосвязанный комплекс с погребениями курумчинской культуры.

На побережье Байкала и в долинах Ангары и Лены отмечено множество пещер. В некоторых из них обнаружены кострища, камни-

столики, кости животных, различные находки. в том числе и курумчинская керамика. Б. Э. Петри и П. П. Хороших считали пещеры зимними жилищами курыкан. Надо отметить, что часть пещер не приспособлена для жилья, тем не менее в них также найдены различные предметы. Более реальным представляется рассматривать пещеры как объекты поклонений, а находки расценивать в качестве подношений.

Весь известный инвентарь курумчинских памятников был собран нами в полном объеме и систематизирован. Прделанная типология основного предметного комплекса (вооружение и предметы конского снаряжения) позволила увидеть эволюцию материального комплекса курумчинской культуры и датировать сравнительно-типологическим методом исследованные памятники. Параллельно проводилась датировка методами (спектральным и радиоуглеродным) естественных наук. Данные, полученные этими тремя независимыми методами, совпали. Все это позволило обосновать предложенную нами хронологию курумчинских древностей.

В работе выделено четыре основных хронологических этапа в развитии курумчинской культуры. Разумеется, границы между этими группами условны и подвижны, ведь в реальной жизни этих границ не было.

Погребения VI—VII вв. характеризуются надмогильной кладкой, известны также и грунтовые захоронения. И в тех, и в других могилах большинство умерших лежит на правом боку скорченно, головой чаще всего на СВ. Захоронения производились в простой могильной яме, в каменном ящике, в редких случаях в колоде. Инвентарь представлен предметами вооружения, конского снаряжения, быта, украшениями и культовыми вещами. Основанием для датировки служат аналогичные находки в памятниках VI—VII вв. в Южной Сибири, в частности, в ранних погребениях могильника Кудыргэ.

Инвентарь курумчинских погребений и поминальников VIII—X вв. н. э. близок к предметам из уйгурских погребений Тувы. Каменная насыпь, скорченное положение погребенного на правом боку, преобладающая ориентировка на СВ — все эти черты сближают погребения первого и второго этапов. Новой, неизвестной ранее традицией является положение седла на ноги умершего и сооружение в могильной яме деревянной крышеобразной конструкции.

Третий этап курумчинской культуры датируется XI—XII вв. н. э., и этот период является наименее изученным. Первые погребения этого этапа (Харанса-1) были исследованы В. В. Свиным. М. А. Зайцев отнес их к X—XI вв. н. э. Инвентаря в погребениях харанцинского типа мало, узко датирующих вещей нет. Надо заметить, что в погребениях

совершенно отсутствуют вещи, характерные для IX—X вв., хотя на предыдущем этапе они представлены широко. Нет в погребениях и находок XIII—XIV вв. Все это позволяет датировать эти погребения XI—XII вв.

Памятники XIII—XIV вв. выделяются по материалам могильников Тапхар-VI (кроме погребения № 19) и Телятниково, исследованных Е. А. Хамзиной в Восточном Прибайкалье. Многие черты погребальной обрядности, характерные для ранних погребений, продолжают бытовать и в XIII—XIV вв. К старым традициям, демонстрирующим непрерывность развития, относится обычай захоронения в грунтовых могильниках и под каменной насыпью. Преимуществом наблюдается и в форме погребальных сооружений: дощатые гробы, колоды. Обычай захоронения "за забором" (Телятниково), вероятно, типологически восходит к "крышеобразным" конструкциям (Бодон-I). Очень важным для определения культурной принадлежности памятников являются находки в погребениях курумчинской керамики. Сопоставление вещей могильников Телятниково и Тапхар-VI с предметами часовенногорского типа, по А. А. Гавриловой, определяет хронологию этих памятников XIII—XIV вв. н. э.

В XI—XIV вв. н. э. в курумчинской культуре наблюдается постепенное замещение старых традиций новыми. Это, вероятно, объясняется новой волной миграции, которая наложилась на население курумчинской культуры, и его постепенной ассимиляцией.

Задачи интерпретации археологических памятников с этническими наименованиями, известными по письменным источникам, чрезвычайно сложны, и их решение во многом условно. Поэтому отождествление археологической культуры с конкретным этносом является в большинстве случаев гипотетичным, и это обстоятельство нельзя не учитывать.

Курумчинская культура связывается с племенным объединением "курыкан" тюркских надписей или "гулигань" китайских летописей. В переводе Н. Бичурина говорится, что гулиганы живут восточнее кыргызов у озера Байкал. Надо отметить, что не все переводят топоним Бэйхай как Байкал, есть и другие толкования. Тем не менее географическое расположение и хронология ранних этапов говорят об определенной правомерности отождествления курумчинской культуры с гулиганями-курыканами.

В XI—XIII вв. население Прибайкалья в сообщениях арабских авторов обозначается как "кури" или "фури". Г. Н. Румянцев предположил, что в этих этнонимах отражено название монголоязычного объединения "хори".

Изменения в развитии курумчинской культуры в XI—XIV вв. н. э. можно, вероятно, связывать с монголоязычными племенами "хори", которые захватили политическое господство и постепенно ассимилировали курыкан. В дальнейшем именно из этой этнообразующей среды выделяются хори-буряты, и некоторые культы, указывающие на их родство с тюркскими племенами, уходят корнями в ту далекую эпоху. По преданиям кудинских бурят, строителями древних ирригационных сооружений, которые, по мнению некоторых исследователей, оставлены курыканами, были хоро-, хара-монголы. Шатровые поминальники приписывались ольхонскими бурятами хара-монголам, они очень чтили их и называли "хори-бурхан". В Баргузинской долине существуют легенды о "баргутах". Б. О. Долгих писал, что в XVII в. хоринцев называли баргутами. Баргузинские эвенки называли баргутов корчихол (мн. ч. от корчи), что сближает их с именем "хори" (Вяткина, 1969. С. 11).

Археологические материалы показывают непрерывное развитие курумчинской культуры с VI до XIV вв. н. э. Это, конечно, не означает что ее развитие ограничивается приведенными хронологическими рамками; этапы зарождения культуры и ее смены этнографическими культурами бурят и якутов только начинают изучаться. Можно говорить, по крайней мере, о двух основных этнополитических объединениях (курыкан и хори), сменивших друг друга во времени. Преемственность археологической культуры показывает общность и преемственность этносов, входивших в эти объединения.

Таким образом, в монографии получили осмысление известные археологические памятники курумчинской культуры. Выводы и заключения, предлагаемые автором, не могут быть бесспорными и исчерпывающими. В изучении археологических памятников курумчинской культуры еще многое предстоит сделать; несомненно то, что будут произведены новые интересные полевые открытия, которые позволят уточнить и конкретизировать наши знания.

АРХИВНЫЙ МАТЕРИАЛ И ЛИТЕРАТУРА

- Абдуразаков А. А. О связях народов Средней Азии с Сибирью // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1987.
- Авраменко Г. А. Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. — Красноярск, 1963.
- Агапитов Н. Н. Прибайкальские древности // Изв. ВСОРГО. — 1881. — Т. 12. — № 4—5.
- Агапитов Н. Н. Археологические исследования в Иркутской губернии // Тр. V археологического съезда в Тифлисе. — М., 1887.
- Аламжи-Мерген. — М.; Л., 1936.
- Алехин Ю. П. Енисейские кыргызы на юго-западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990.
- Асеев И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). — Новосибирск, 1980.
- Асеев И. В. О формировании культуры курыкан в Прибайкалье // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.
- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1984.
- Асеев И. В., Боковенко Н. А., Ефимов В. Г., Кузьмин Н. Ю., Холюшкин Ю. П. Новые археологические данные о заселении Баргузинской долины // Археологические исследования в зонах метиорации: итоги и перспективы их интенсификации. — Л., 1985.
- Баддаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. — Улан-Удэ, 1970. — Ч. 1.
- Банзаров Д. Белый месяц. Празднование нового года у монголов // Собрание сочинений. М., 1955.
- Баррадин Б. Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности. — Верхнеудинск, 1927.
- Баранникова Е. В. Бурятские волшебные-фантастические сказки. — Новосибирск, 1978.
- Бартольд В. В. Кыргызы // Сочинения. — М., 1963. — Т. 2. — Ч. 1.
- Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар // Сочинения. — М., 1963а. — Т. 8.
- Бердникова В. И., Яковлева В. В., Горюнова О. И. Жертвенные комплексы Приольхонья (VI—XIX вв.) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.
- Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.; Л., 1946.
- Бертагаев Т. А. Об этимологии слов "баргулжин", "баргут" и "тукум" // Филология и история монгольских народов: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова. — М., 1958.
- Бертагаев Т. А. Об этнонимах бурят и курыкан // Этнонимы. — М., 1970.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Ч. 1.
- Бураев А. И. Антропология средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1993.
- Бурдуков А. Роды у багтов // Живая старина. — 1916. — Вып. 4.
- Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. — М., 1969.
- Бутанаев В. Я. Хакаские народные названия исторических памятников // Вопросы древней истории Южной Сибири. — Абакан, 1984.
- Буянтуев Б. Р. К вопросу о происхождении названия Байкал // Изв. АН СССР. Серия география. — 1951. — № 5.

- Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры //СЭ.— 1966.— № 3.
- Вактурская Н. Н. О серьгах со средневекового городища Шехрлик //История, археология и этнография Средней Азии.— М., 1968.
- Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят.— Л., 1969.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.— М.; Л., 1965.
- Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят.— Новосибирск, 1987.
- Галданова Г. Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки.— Новосибирск, 1992.
- Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И. Физическая география СССР. Азиатская часть.— М., 1987.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси.— Новосибирск, 1986.
- Герасимова К. М. Кулыт обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии //Этнографический сборник.— Улан-Удэ, 1969.—Вып. 5.
- Герасимова К. М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма.— Новосибирск, 1989.
- Горюнова О. И., Ветров В. М., Бердникова Н. Е. Археологическое исследование пещер Прибайкальского национального парка //Палеоэтнология Сибири.— Иркутск, 1990.
- Готлиб А. И. Крепостные сооружения севера Хакасии //Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока.— Красноярск, 1991.— Т. 3.
- Гошман И. И. Среднеазиатская колония в Прибайкалье //Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии.— М., 1968.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.— М.; Л., 1956.— МИА № 48.
- Грязнов М. П. Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 году.— Архив ИА РАН. Р-1, № 2023.
- Грязнов М. П., Худяков Ю. С. Кыргызское время //Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.— Новосибирск, 1979.
- Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)— памятник хунну в Забайкалье.— Л., 1985.
- Данилов С. В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья //Древнее Забайкалье и его культурные связи.— Новосибирск, 1985.
- Дашибалов Б. Б. Отчет о полевых археологических исследованиях. Раскопки средневековых могильников на побережье Малого моря в Ольхонском районе Иркутской области в 1986 году.— Архив ИА РАН. Р-1, № 11661.
- Дашибалов Б. Б. Отчет об археологических исследованиях в Баргузинском и Курумканском районах Бурятской АССР (1987 г.).— Архив ИА РАН. Р-1, № 12147.
- Дашибалов Б. Б. Отчет об археологических исследованиях 1988 года в Баргузинском и Курумканском районах Бурятской АССР.— Архив ИА РАН.
- Дашибалов Б. Б. К вопросу о погребальных памятниках курыкан //Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири.— Новосибирск, 1988а.— Вып. 1.
- Дашибалов Б. Б. Археологические исследования в Прибайкалье //Вопросы социально-экономического и культурного развития общества: исторический опыт и современность.— Улан-Удэ, 1989.
- Дашибалов Б. Б. Курыканы (курумчинская культура Прибайкалья и юга Средней Сибири): Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Москва, 1990.
- Дашибалов Б. Б. Отчет об археологических исследованиях 1991 года в Баргузинском районе Республики Бурятия и Ольхонском районе Иркутской области.— Архив ИА РАН.

Дашибалов Б. Б. Добуддийские святилища предков бурят // 250-летие официально-го признания буддизма в России.— Улан-Удэ, 1991а.

Дашибалов Б. Б. Культ пещер у бурят и его древние истоки // Банзаровские чтения.— Улан-Удэ, 1992.

Дашибалов Б. Б. О таштыкском влиянии на сложение курыканской культуры // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края.— Красноярск, 1992а.— Т. II.

Дашибалов Б. Б. Типология городищ Байкальской Сибири // Вторая дальневосточная конференция молодых историков.— Владивосток, 1992б.

Дашибалов Б. Б. Перевернутый сосуд — путь в "другой мир" // Жизнь. Смерть. Бессмертие.— Спб., 1993.

Дашибалов Б. Б. Опыт реконструкций представлений о Мировой горе (по материалам курумчинской культуры Байкальской Сибири) // Вещь в контексте культуры.— Спб., 1994.

Дашибалов Б. Б. Находки культуры "курумчинских кузнецов" из раскопок Б. Э. Петри // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I—II тыс. н. э.— Кемерово, 1994а.

Дашибалов Б. Б., Ющенко И. И. Средневековые погребения Предбайкалья // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1987.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья.— Улан-Удэ, 1958.

Древности Байкала.— Иркутск, 1992.

Дугаров Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1993.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улут-Хема.— М., 1976.

Евсюков В. В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры яншао.— Новосибирск, 1988.

Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Северного Алтая // Тр. ГИМ.— М., 1941.— Вып. XVI.

Зайцев М. А. Ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры в Приольхонье (оз. Байкал): Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Кемерово, 1989.

Зайцев М. А., Свинин В. В. Могильник раннего железного века Хужир-II (о-в Ольхон на Байкале) // Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф.— Иркутск, 1978.

Зеленин Д. К. Тотемы — деревья в сказаниях и обрядах европейских народов.— М.; Л., 1937.

Зыков И. Е. Археологическое изучение Якутии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Якутск, 1973.

Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX—нач. XX в.). Историко-этнографическое исследование.— Новосибирск, 1986.

Именохоев Н. В. Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье.— Улан-Удэ, 1988.

Именохоев Н. В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века.— Новосибирск, 1989.

Ионова О. В. Жилые и хозяйственные постройки якутов // Сибирский этнографический сборник.— М.; Л., 1952.— Вып. 1.

К. А. (Рецензия) // Сибирские огни.— 1923.— № 3 / Рецензия на кн.:

Б. Э. Петри. Далекое прошлое Бурятского края.— Иркутск, 1922.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год.— М., 1985.

Канивец В. И. Канинская пещера.— М., 1964.

- Карпини П. История Монголов; Рубрук В. Путешествие в восточные страны.— Спб., 1911.
- Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища //Тр. секции археологии РАНИОН.— М., 1929.—Т. 4.
- Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района.— Красноярск, 1929а.
- Карцов В. Г. Ачинское городище //Сб. трудов Причулымского музея.— Ачинск. 1932.— Т. 1.— Вып. 1.
- Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума //Древнемонгольские города.— М., 1965.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии.— М., 1964.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура Центральной Азии //Туркологический сборник 1972.— М., 1973.
- Кляшторный С. Г. Орхоно-енисейские надписи //БСЭ.—1974.— Т. 18.
- Ковычев Е. В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья //Новое в археологии Забайкалья.— Новосибирск, 1981.
- Ковычев Е. В. Могильник железного века у станции Дарасун //По следам древних культур Забайкалья.— Новосибирск, 1983.
- Ковычев Е. В. История Забайкалья (I— сер. II тыс. н.э.).— Иркутск, 1984.
- Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья (по археологическим данным) //Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века.— Новосибирск, 1989.
- Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.— М.; Л., 1941.Т.1.
- Козьмин Н. Н. К вопросу о происхождении якутов-сахалар.— Иркутск, 1928.
- Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники).— Улан-Удэ, 1976.
- Коновалов П. Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья //Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века.— Новосибирск, 1989.
- Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино: Западное Забайкалье //Новое в археологии Забайкалья.— Новосибирск, 1981.
- Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры //Якутия и ее соседи в древности.— Якутск, 1975.
- Коротнев А. А. Отчет по исследованию озера Байкал летом 1901 года //Пятидесятилетие ВСОРГО. Юбилейный сборник.— Киев, 1901.— Вып. 1.
- Крижевская Л. Я. Отчет о работе Усть-Бельского отряда Ангарской экспедиции (1957 год).— Архив ИА РАН, Р-1, № 1549.
- Крижевская Л. Я., Окладников А. П. Отчет о работе Усть-Бельского отряда Братской экспедиции (1959 год).— Архив ИА РАН, Р-1, № 2025.
- Ксенофонтов Г. В. Расшифровка двух памятников орхонской письменности из западного Прибайкалья М. Рэзеном //Язык и мышление.—1933.— Т. 1.
- Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов.— Иркутск, 1937.— Т. 1.
- Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири.— Новосибирск, 1978.
- Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1979.
- Кызласов И. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов //СЭ.—1982.— № 2.
- Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв.— М., 1983.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины.— М., 1960.
- Кызласов Л. Р. Городище Дён-терек //Древнемонгольские города.— М., 1965.

- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века.— М., 1969.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува: (От палеолита до IX в.). — М., 1979.
- Кызласов Л. Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX—X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., 1981.
- Кьодо Э. Гариш: жертвоприношение предкам в культе Чингисхана // ЭО.—1993.— № 2.
- Лев Д. Н. Производство железа в Прибайкалье в VII—X вв. н. э.: Дис. ...канд. ист. наук.— Л., 1937.
- Левашева В. П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА.—1952.— № 24.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: Последние века (III—VI века).— М., 1988.— Кн. II.
- Лубсан Данзан. Алтан тобчи.— М., 1973.
- Лынша В. А. Мезолит юга Средней Сибири: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Л., 1980.
- Малиновская Н. В. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века.— М., 1974.
- Малов С. Е. Новые памятники с турецкими рунами // Язык и мышление.—1936.— Т. 6-7.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности.— М.: Л., 1951.
- Мамонова Н. Н. Кочевники Забайкалья IX—XIII вв. по данным палеоантропологии // ТИЭ. Новая серия.— М., 1961.— Т. 71.
- Мандельштам А. М. Шатровый могильник у оз. Нурэ (о. Ольхон) // Бронзовый и железный век Сибири.— Новосибирск. 1974.— Вып. 4.
- Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины.— М., 1978.
- Мартынов А. И., Абсаямов М. Б. Тагарские поселения.— Красноярск. 1988.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии.— М., 1973.— Вып. 1.
- Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА.—1966.— № 2.
- Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей. Конец X—XI вв.— Новосибирск. 1977.
- Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках // Журнал Министерства народного просвещения.— Спб., 1898.— Ч. 317.— № 6.
- Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина // Зап. Вост. отд. импер. Русского археол. об-ва.— Спб., 1900.— Т. 12.—1899.
- Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии.— История, система и происхождение географических названий.— Улан-Удэ, 1969.
- Миллер Г. Ф. История Сибири.— М.: Л., 1937.— Т. 1.
- Михайлов Т. М. Заметки о топонимах Усть-Ордынского национального округа // Ономастика Бурятии.— Улан-Удэ, 1976.
- Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции.— Новосибирск, 1987.
- Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., 1981.
- Молодин В. И. Культовые памятники уторского населения лесостепного Обь-Иртышья // Мировоззрение финно-угорских народов.— Новосибирск. 1990.
- Мороз М. В., Худяков Ю. С. Средневековое укрепление на горе Барбак-хая // Древние памятники Северной Азии и их охраняемые раскопки.— Новосибирск. 1988.
- Мэн-да бэй-лу ("Полное описание монголо-татар").— М., 1975.
- Неклюдов С. Ю. О кривом обороте (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии.— Л., 1979.
- Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят.— Новосибирск, 1988.

Нимаев Д. Д. О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии — Новосибирск, 1993.

Овчинников М. П. Отчет о командировке в г. Киренск для осмотра архивов, от Иркутска до Киренска // Тр. Иркут. архив. комиссии. — Иркутск, 1916. — Вып. 3.

Окладников А. П. Изучение древней истории в Восточно-Сибирском крае // Советское краеведение. — 1935. — № 1.

Окладников А. П. Древняя тюркская культура в верховьях Лены // КСИИМК. — 1948. — № XIX.

Окладников А. П. Исследования на Сосновом острове, на Ангаре в 1951 году. — Архив ИА РАН, Р-1, № 566.

Окладников А. П. Отчет об исследованиях на Сосновом и Лесном островах, на Ангаре летом 1952 года. — Архив ИА РАН, Р-1, № 737.

Окладников А. П. Отчет о раскопках в 1953 году Ангарской археологической экспедиции на Лесном острове. — Архив ИА РАН, Р-1, № 823.

Окладников А. П. Отчет о раскопках, осуществленных Ангарской археологической экспедицией на Сосновом острове в истоке реки Ангарты в 1954 году. — Архив ИА РАН, Р-1, № 1058.

Окладников А. П. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. — М.: Л., 1955. — Т. 1.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Глазковское время. — М.: Л., 1955а. — Ч. 3.

Окладников А. П. Сводный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1957 году. — Архив ИА РАН, Р-1, № 1649.

Окладников А. П. Археологические работы в зоне строительства Ангарских гидроэлектростанций (общие итоги) // Зап. Иркут. обл. краевед. музея. — Иркутск, 1958. — Вып. 1.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы. — Иркутск, 1959.

Окладников А. П. Археология и проблема культурного наследства народов Сибири // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск, 1960.

Окладников А. П. Культурно-этнические связи тюркского Прибайкалья VI—X вв. с Западом. Орнамент венгерских пластин для украшения сумок X в. и манхайские гравированные плитки // Исследования по археологии СССР. — Л., 1961.

Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время. (Согдийская колония на р. Унге?) // Тюркологические исследования. — М.: Л., 1963.

Окладников А. П., Забелина Н. Н. Отчет о работе 1-го Балаганского отряда Ангарской археологической экспедиции (1958 год). — Архив ИА РАН, Р-1, № 1790.

Окладников А. П., Седакина Е. Ф. Отчет о работе 2-го Балаганского отряда Ангарской экспедиции (1958 год). — Архив ИА РАН, Р-1, № 1789.

Окладников А. П., Забелина Н. Н. Отчет о работах 1-го Балаганского отряда Братской археологической экспедиции (1959 год). — Архив ИА РАН, Р-1, № 2024.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. — М.: Л., 1959.

Петри Б. Э. Отчет о командировке на Байкал в 1916 г. // Отчет о деятельности Академии наук по отд. физ.-мат. наук, истории и филологии. 1916. — Пг., 1916.

Петри Б. Э. Далекое прошлое Бурятского края. — Иркутск, 1922.

Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье // Изв. народного образования в Чите. — 1923. — № 1.

Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. — Иркутск, 1928.

Петри Б. Э., Михайлов В. А. Среди кудинских бурят // Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. — Спб., 1913. — Серия II. — № 2.

Пешкова Г. А. Степи Приангарья и их связи со степями соседних территорий // Изв. СО АН СССР. — Новосибирск, 1959. — № 11.

- Пешкова Г. А. Степная флора Байкальской Сибири.— М., 1972.
- Плетнева С. А. Печенег, торки и половцы в южнорусских степях //МИА.— 1958.— № 62.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура //МИА.—1967.— № 142.
- Плешанов А. С. Опыт энтомологического картографирования Байкальской Сибири //Энтомологические проблемы Байкальского региона.— Улан-Удэ, 1991.
- Подгорбунский В. И. Заметки по изучению гончарства якутов //Сибирская живая старина.— Иркутск, 1928.— Вып. 7.
- Попов М. Г. Флора Байкальской Сибири и ее происхождение //Новая Сибирь.— Иркутск, 1955.— Вып. 3.
- Потапов Л. П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генсало-гических легендах //СЭ.—1991.— № 5.
- Предбайкалье и Забайкалье.— М., 1965.
- Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника.— М., 1989.
- Раппопорт П. А. Древнерусское жилище.— Л., 1975.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— М.; Л., 1952.— Т. 1, кн. 1.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— М.; Л., 1952а.— Т. 1, кн. 2.
- Руденко С. И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы.— М.; Л., 1962.
- Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят.— Улан-Удэ, 1962.
- Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси.— М., 1988.
- Рыгдылтон Э. Р. Археологические разведки в Бурято-Монголии летом 1936 года.— Архив ИИМК РАН, ф. 42, № 397.
- Рыгдылтон Э. Р. К древнетюркским рунам Прибайкалья //ЭВ.—1953.— Вып. VIII.
- Рыгдылтон Э. Р. О названиях "Байкал" и "Апсара" //Изв. АН СССР, серия географическая.—1953а.— № 5.
- Рыгдылтон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области //СА.—1955.— № XXII.
- Рыгдылтон Э. Р., Хороших П. П. Новые рунические надписи и знаки Прибайкалья //Тр. БКНИИ.—1961.— Вып. 6.
- Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Новосибирск, 1989.
- Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири //Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.
- Савинов Д. Г. Историко-культурные связи енисейских кыргызов с племенами Прибайкалья //Проблемы археологии и этнографии Сибири.— Иркутск, 1982.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху.— Л., 1984.
- Савинов Д. Г. Ажурный стиль в искусстве степной Евразии //Проблемы археологии степной Евразии.— Кемерово, 1987.— Ч. 2.
- Санжеев Г. Д. Заметки по этнической истории бурят //Современность и традиционная культура народов Бурятии.— Улан-Удэ, 1983.
- Санжеев Г. Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов //Этнические и историко-культурные связи монгольских народов.— Улан-Удэ, 1983а.
- Свинин В. В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 и 1965 гг. //Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 годы (материалы к докладам на научной сессии Института археологии АН СССР).— Иркутск, 1966.
- Свинин В. В. К итогам археологических исследований на Байкале //Учен. зап. Иркут. обл. музея краеведения.— Иркутск, 1971.—Вып. IV.— Ч. 1.
- Свинин В. В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал

// Древняя история народов юга Восточной Сибири.— Иркутск, 1974.— Вып. 2.

Свинин В. В., Коновалов П. Б. Новые наскальные рисунки на горах Булук и Улан-Хада // Зап. ИОКМ.— Иркутск. 1958.

Свинин В. В., Медведев Г. И. Отчет об археологической работе Иркутского областного краеведческого музея (1959 год).— Архив ИА РАН, Р-1, № 1980.

Свинин В. В., Зайцев М. А., Дашибалов Б. Б. Новый курумчинский (курыканский) памятник Хужир-III // Проблемы археологии и этнографии Сибири.— Иркутск, 1982.

Свинин В. В., Зайцев М. А. К вопросу о так называемых "шатровых могилах" // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока.— Якутск, 1982а.

Свинин В. В., Зайцев М. А., Харинский А. В., Ющенко И. И. Археологические исследования ритуальных комплексов железного века на северо-западном побережье Байкала // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы.— Иркутск. 1986.

Седякина Е. Ф. Курыканы // История Сибири. Древняя Сибирь.— Л., 1968.— Т. 1.

Седякина Е. Ф. О земледелии у курыкан // Изв. СО АН СССР. Серия общественных наук.— 1971.— № 1.

Седякина Е. Ф., Окладников А. П. Отчет о работе 2-го Балаганского отряда Братской археологической экспедиции (1959 год).— Архив ИА РАН, Р-1, № 2026.

Семича Л. В., Филатова Т. И. Исследования Кристинкиной пещеры // Проблемы археологии и этнографии Сибири — Иркутск. 1982.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования.— Спб., 1896.— Т. 1.

Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX—начало XX вв.).— Якутск, 1989.

Смотров В. И. Находки бронзовых ажурных пластин в Предбайкалье // Проблемы археологии и этнографии Сибири.— Иркутск, 1982.

Соколова З. П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов.— Новосибирск, 1990.

Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИ-ИМК.— 1956.— Вып. 64.

Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // Гр. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.— Л., 1941.— Вып. 1.

Спеваковский А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов.— М., 1988.

Станиловский А. М. Легенда о Шаманской пещере на острове Ольхон // Изв. ВСОРО.— 1903.— Т. XXXIV.— Вып. 2.

Стелов Е. Д. К вопросу о доисторическом прошлом якутов (По поводу брошюры проф. Б. Э. Петри "Доисторические кузнецы в Прибайкалье") // Саха Кескител.— 1926.— Вып. 3.

Стуков. О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности (по чисто народным легендарным преданиям) // Памятная книжка Иркутской губернии за 1881 г.— Иркутск, 1881.

Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине.— М., 1975.

Тайлор Э. Б. Первобытная культура.— М., 1989.

Галько-Грынцевич Ю. Д. Древние обитатели Центральной Азии // Гр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества.— М., 1900.— Т. II.— Вып. 1, 2.— 1899.

Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII веке // Зап. Бурят-Монгольского НИИ языка, литературы и истории.— Улан-Удэ, 1939.— Вып. 1.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарты.— М., 1962.

- Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира.— М., 1980.— Т. 1.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир.— Новосибирск, 1988.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археол. памятники.— М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды.— М., 1976.
- Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники).— Улан-Удэ, 1970.
- Хангалов М. Н. О бурятах, населяющих Иркутскую губернию // Собрание сочинений.— Улан-Удэ, 1958.— Т. I.
- Хангалов М. Н. Духи-людоеды у бурят (к вопросу о человеческих жертвоприношениях) // Собрание сочинений.— Улан-Удэ, 1959.— Т. II.
- Харинский А. В. Об орнаментике керамического комплекса городища Байкальское I // Археологические памятники средневековья в Бурятии и Монголии.— Новосибирск, 1992.
- Харинский А. В. "Городища" побережья озера Байкал в железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1994.
- Хлобыстин Л. П. Отчет об археологических разведках, проведенных на побережье озера Байкал в 1963 году.— Архив ИА РАН, Р-1, № 2748.
- Хлобыстин Л. П. К истории нерпичьего промысла на Байкале // СА.— 1963а.— № 1.
- Хороших П. П. Труды проф. Б. Э. Петри по археологии Прибайкалья // Красные Зори.— 1923.— № 4.
- Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // Изв. Биол.-геогр. ин-та.— Иркутск, 1924.— Т. I.— Вып. 1.
- Хороших П. П. По пещерам Прибайкалья.— Иркутск, 1955.
- Хороших П. П. Отчет об археологических работах в Иркутской области (1956 год).— Архив ИА РАН, Р-1, № 1294.
- Хороших П. П. Наскальные изображения на горе Байтог // Зап. БМНИИ.— 1957.— Вып. 23.
- Хороших П. П. Следы древнего земледелия в Прибайкалье // Сельское хозяйство Сибири.— 1959.— № 7.
- Хороших П. П. Наскальные рисунки на побережье озера Байкал // Этнографический сборник.— Улан-Удэ, 1960.— Вып. 1.
- Хороших П. П. Отчет об археологических раскопках в Прибайкалье (1962 год).— Архив ИА РАН, Р-1, № 2576.
- Хороших П. П. Тысячелетние памятники долины реки Баргузин // Тр. БКНИИ.— Улан-Удэ, 1962а.— Вып. 8.
- Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.— Новосибирск, 1980.
- Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1986.
- Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья.— Новосибирск, 1991.
- Цыбиктаров А. Д. Новые данные по археологии Северного Байкала // Археология. Этнография. Источниковедение: Тез. докл.— Иркутск, 1979.
- Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1989.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование.— Улан-Удэ, 1972.
- Ченкиров И. В., Попов В. В. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова с 1 октября 1926 по 1 января 1928 года // Бурятведение.— Верхнеудинск, 1928.— Т. IV (8).

Черский И. Д. Предварительный отчет о геологическом исследовании береговой полосы оз. Байкал //Изв. ВСОРГО.—1880.— Т. XI. № 1-2

Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби.— Томск. 1977.

Шишгина Н. И. О назначении лука и стрел в погребениях срубной культуры Поволжья //Археологические исследования Калмыкии.— Элиста, 1987.

Шукин Н. С. Балаганская пещера //ЖМВД.— 1848.— Т. 24.

Элиаде М. Космос и история.— М., 1987.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКНИИ	— Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
БМНИИК	— Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГИН РАН	— Геологический институт РАН
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ИА РАН	— Институт археологии РАН
ИВСОРГО	— Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества
ИГОМ	— Иркутский государственный областной музей
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН
ИОКМ	— Иркутский областной краеведческий музей
КАЭ ИГУ	— Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛО ИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СО АН СССР	— Сибирское отделение АН СССР
ССМ	— "Сокровенное сказание" монголов
СЭ	— Советская этнография
ТИЭ	— Труды Института этнографии
ТТКАЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
ЭВ	— Эпиграфика Востока
ЭО	— Этнографическое обозрение

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Краткая история изучения памятников курумчинской культуры . . .	10
Глава II. Археологические памятники курыкан и хори	20
1. Поселения, городища и временные стойбища	20
2. Могилы и погребальный обряд	59
3. Поминательные сооружения, пещерные святилища и петроглифы . . .	73
Глава III. Хронология и периодизация курумчинской культуры	109
Глава IV. Историко-культурный очерк	124
1. Происхождение курумчинской культуры	124
2. Хозяйство.	137
3. Курыканы и хори	144
Заключение	172
Архивный материал и литература	178
Список сокращений	188

Дашибалов Баир Бальжинимаевич

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КУРЫКАН И ХОРИ

Научное издание

Редактор *С. С. Золотова*. Художник *Л. Р. Андрус*. Технический редактор и корректор *Е. Е. Суткина*.

Лицензия № 020494 от 02. 04. 92 г.

Сдано в набор 30.11.95 г. Подписано в печать 20.03.96. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага Тип. № 1. Гарнитура Тип-Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.16. Уч.-изд. л. 11.92.

Тираж 1000. Заказ 166.

Редакционно-издательский отдел БНЦ СО РАН,
670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

АО "Республиканская типография",
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13

SUMMARY

B. B. Dashibalov. Archeological monuments of kurikans and khori.

The book is the result of long standing research and excavations of archeological monuments of Baikal Siberia. On this basis the history of tribes having populated the basin of lake Baikal has been created and the division of medieval history into periods has been worked out.

The introduction deals with the problem of the historic and geographic division of the territory under study into districts. The author considers the term Baikal Siberia to be very promising for archeological and ethnographic works. On this territory cultures of taiga (forest) and steppe tribes of Northern and Central Asia had long come in contact.

Chapter I is concerned with the history of kurumchin archeological culture research.

Chapter II gives a notion of kurumchin culture archeological monuments as a whole. All types of monuments are detailed in this chapter. The author describes the materials of settlement complexes, points out the probability of using forts as cult structures. He was the first to examine types of funeral monuments new to Middle Ages, which are regarded as cemeteries of kurumchin culture. The availability of planigraphically connected interments and shatrovye (like tent) structures has made it possible to revert once again to the problem of shatrovye "graves" which are defined as structures associated with the ceremony of funeral repast of ancestors.

Chapter III gives the chronology and division of kurumchin culture into periods within the framework of the VI—XIV centuries A. D. on the basis of the subject complex typology.

In chapter IV the author using archeological data and other sources restores stages of ethno-political history of kurumchin culture population.

Early stages of this culture (VI—X centuries A. D.) are associated with kurikans — the people known by Chinese annals and ancient Turkic inscriptions. Archeological monuments of the XI—XIV centuries A. D. relate to Khori — new ethno-political integration of Baikal tribes. Medieval Khori had involved and assimilated many kurikan clans. Kurikans' cults and traditions have become an integral part of khori and thereupon on this basis the main tribes of the Buryat have been formed. The history of kurikans and khori is represented against the background of political relationships between the early state formations of Central Asia and Southern Siberia.

Kurikan culture genesis and economic activity of people of this culture is also the subject of this chapter. It is noted that it has been formed under the influence of natural and geographical conditions of Baikal Siberia.

In the conclusion the main inferences outlined in the book are summed up.